

VI. РОДСТВЕННЫЕ НАРОДЫ

1. Убыхи

*И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа горные сыны,
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла вас ваша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!*

А. С. Пушкин.

Введение

7 октября 1992 г. в Турции умер Тевфик Есенч, последний носитель убыхского языка. Этой роковой дате, в сущности говоря, фиксирующей день окончательного исчезновения убыхского народа с карты народов мира, предшествовали трагические события в начале и середине XIX в. Эти события определили судьбу убыхского народа, подготовили его катастрофу.

До Кавказской войны убыхи тысячелетиями жили на своей исторической родине. Убыхи пережили колонизации греков, византийцев, итальянцев, турок, натиск эпохи великого переселения народов, нашествие Золотой Орды и многие другие события. Однако убыхи жили и оставались на своей этнической территории, на земле своих предков. Только Кавказская война, имперская политика царского самодержавия стала причиной поголовного выселения убыхов - исхода библейского масштаба. В результате XIX столетие оказалось самым жестоким, кровавым и последним для убыхского народа.

26 марта 1864 г. убыхи прекратили свое длительное сопротивление многочисленной армии императора Александра II. Кончилась поражением долгая и изнурительная борьба убыхов за свободу и родину, за свои исконные земли, где этот коренной и древний кавказский народ жил и творил свою сложную, трудную историю, создал свой неповторимый язык, собственную уникальную культуру, богатейшее многожанровое устно-поэтическое творчество.

А жили убыхи на берегу Черного моря - на самом красивом, живописном его участке, очень важном не только в климатическом плане, но и в стратегическом и геополитическом отношениях. Убыхи занимали земли Черноморского побережья от р. Шахе до р.

Хосты, центром Убыхии был район современного Сочи. Историки, в том числе русские, называют район Сочи «сердцем земли убыхов» (80, с. 159).

Однако мало кто знает (кроме узкого круга специалистов), что само название этого «сердца земли убыхов» Сочи - ныне крупнейшего курортного центра России - происходит от названия убыхской реки и убыхского племени *Саиша*, населявшего территорию сочинской курортной зоны до 1864 г. В дореволюционной русской и иностранной литературе название форта (посада, города) Сочи писалось также по убыхскому первоисточнику - *Саиша* (*Сача*, *Соча*), т.е. фонетически совпадало с убыхским *Саиша* - названием реки (гидронимом) в Убыхии и этнонимом, т. е. названием убыхского субэтноса.

Вот как описывает источник момент признания убыхами своего поражения и осознания ими неминуемого изгнания из собственной страны во время переговоров с царским генералом В.А. Гейманом, поставившим перед ними ультиматум - покинуть родину - землю отцов и предков:

«Переговоры происходили на виду у всех. Офицеры и солдаты (русские - М.К.) с напряженным вниманием наблюдали за представителями последнего непокоренного племени. В осанке, во взглядах каждого убыха проглядывало сознание полного достоинства; ни капли унижения или боязни. Было, однако, ясно, что такие минуты испытывают они в первый и последний раз в жизни. Видно было, что они задеты за самую струнку - за самолюбие. Гордые убыхи вынуждены были признать себя бессильными». (99, с. 104).

Убыхи были последним народом, прекратившим свое длительное сопротивление царскому самодержавию на Кавказе в XIX в.

На упомянутых переговорах генерал В.А. Гейман, по свидетельству современников, «не получивший почти никакого образования, мало читавший, но мало-помалу приобретший в военных науках кое-какие практические знания» (14, с. 607), поставил два условия перед убыхским народом: «Теперь, убыхи, вы остались последние. Если хотите знать наши требования относительно вас, то вот они» (99, с. 102). И генерал почти дословно повторил требования императора в 1861 г. на р. Фарсе соседним абадзехам: немедленно выселиться на болотистые равнины или в Османскую Турцию.

Оба условия означали для убыхов не покорение и подчинение царской империи, не присоединение к ней, а их насильственное выселение из собственной страны. Убыхи выбрали второе условие генерала Геймана, точнее - императора Александра II. Покорение убыхов, их поголовное выселение в Турцию означало окончание Кавказской войны во второй половине XIX в.

21 мая 1864 г. в ауле Кбааде, расположенном в смежной убыхско-джигетской (абхазской) одноименной долине (позже переименованной в Красную Поляну) наместник Кавказа великий князь Михаил торжественно объявил:

«С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей поздравляю вас, войска Кавказской армии с покорением Западного Кавказа и с окончанием Кавказской войны» (там же, с. 112).

Как это бывает во все времена и при всех режимах, в том числе современных, в честь победы генералы получили высокие награды. А наместник Кавказа великий князь, кроме ордена св. Георгия II степени и сабли, украшенной алмазами с надписью «За окончание Кавказской войны», получил в покоренной и опустошенной Убыхии участок - 8000 десятин. Этот участок был назван Вардане по имени убыхского племени вардане, полностью депортированного, как и весь убыхский народ, в пределы Османской Турции. Не остался в накладе и генерал В.А. Гейман: он был удостоен ордена св. Георгия III степени, а также получил на выгодных условиях на том же побережье, очищенном им же от коренного населения, огромный участок под номером 5 - Годлик. А.В. Верещагин, посетивший имение генерала вскоре после выселения убыхов и черкесов и своими глазами увидевший всю трагедию, выразил только одно сожаление: «Жаль только, что генерал Гейман, владелец Годлика, сделал каменный забор со стороны моря и тем загородил прекрасный вид на долину» (15, с. 107). Заметим, что место для самого главного участка выбрали также на территории Убыхии. «Участок Его Великого Императорского Величества прилегает к морю и расположен между рекой Псаха и водоразделом р. Западного Дагомыса с речкой Нижа, за которым начинается уже участок, принадлежащий Его Высочеству Наместнику Кавказскому» (там же, с. 85).

Так закончилась Кавказская война, так завершилось покорение Кавказа царским самодержавием в XIX в.

Как увидим ниже, убыхи неоднократно обращались к правительству царской России с просьбой заключить мирный договор, даже готовы были принять ее подданство. За несколько лет до окончания Кавказской войны, в сентябре 1861 г., видя неизбежность национальной трагедии в дальнейшем противостоянии с многотысячной армией имперского самодержавия, проводившего политику силового выселения горцев и массового заселения их земель казаками и другими поселенцами из российских губерний, убыхи обратились к императору во время его пребывания на Кавказе со словами: «Великий Государь, клянемся отныне быть вашими истинными и верными подданными. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места наравне с войсками вашими будем защищать от врага до последней капли крови нашей. Не высе-

ляйте только нас и смотрите на нас как на остальных ваших верных подданных» (99, с. 79). Через несколько дней убыхи, абадзехи и шапсуги пришли в ставку императора (в районе р. Фарса). «Представитель убыхов Хаджи-Берзек от имени всех просил императора принять их в русское подданство» (там же, с. 81).

Убыхи хотели только одного - права жить на своей родине, на земле предков, сохранить свой жизненный уклад, что, казалось бы, было естественным и понятным. Предложение убыхов было и компромиссным: из него вытекало их лояльное отношение к империи. Однако император не внял просьбам делегаций. Ему нужны были не убыхи и черкесы, не их подданство и лояльное отношение, а их земли. Р.А. Фадеев, известный военный историк и защитник политики царизма на Кавказе откровенно писал по этому поводу: «Изгнание горцев из их трущоб и заселение Западного Кавказа русскими, таков был план войны в последние четыре года... Мы не могли отступить от намеченного дела и бросить покорение Кавказа, потому что горцы не хотели покориться. Надобно было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие» (81, с. 150,191).

Показательны признания других очевидцев и участников Кавказской войны. Участник войны и выселения горцев И. Дроздов писал: «28 мая 1864 г. окончилась Кавказская война. Кубанская область (сюда входили также Черкесия, Убыхия, Джигетия. - М.К.) была не только завоевана, но и очищена. От прежнего, довольно большого населения осталась горсть людей, которых поселили на Кубани. Конец 1864 г. и весь 1865 г. отряды прошли вновь по всем завоеванным участкам, выгнали оставшихся случайно там горцев... Теперь в горах Кубанских областей можно встретить медведя, волка, но не горца. Так окончилась долгая, упорная и кровавая борьба на Кавказе. Тяжелое было время, но в такого рода трудах приятно было испытать свои силы» (25, с. 457). Интересная психология: в завоеванном и очищенном от горцев крае можно встретить только медведя или волка, но не горца. Однако, «в такого рода трудах приятно было испытать свои силы». Другой участник войны А.Л. Зиссерман отмечает, что «посредством образования линии казачьих станиц, посредством отнятия плоскостей вынудили мы горцев уйти в Турцию и прекратили бесконечную войну» (31, с. 232-233).

Комментарии здесь излишни. Однако подобные пассажи небесполезны для оценки все еще живучего мифа о добровольном переселении убыхов, черкесов и их соседей в Османскую Турцию.

Кавказская война в XIX в. принесла неисчислимые беды и другим народам Северного и Западного Кавказа. Они разрушили веками сложившиеся исторические, культурные, социальные и территориальные отношения между ними. Достаточно сказать, что от абадзехов и шапсугов - исторически самых многочисленных адыгских субэтносов - на ис-

торической родине осталось лишь небольшие обломки - от шапсугов не более 1-2%, от абадзехов - лишь один аул Шовгеновский (бывший Хакуринохабль). В странах бывшей Османской империи находится подавляющее большинство адыгов. Адыгская диаспора - часть адыгского этноса, все еще сохраняющего свой язык, национальное самосознание и шанс на выживание, благодаря единственному обстоятельству: некоторые адыгские субэтносы - бжедуги, темиргоевцы, кабардинцы в своем большинстве все же уцелели на своей исторической родине. Эти уцелевшие на Кавказе обломки адыгского этноса, в отличие от обширной, но постепенно вымирающей адыгской диаспоры, имеют в перспективе вероятную возможность существования и самосохранения.

Другое дело - убыхи. У них не оказалось таких корней (как у адыгской диаспоры) на исторической родине после их депортации в Османскую Турцию. Итоги Кавказской войны стали для убыхов губительными, ибо в результате этой войны убыхи были разгромлены, выгнаны из своей страны, а затем быстрыми темпами ассимилированы, потеряв свои языковые и другие традиционные национальные особенности. Для такого немногочисленного народа, каким является убыхский, полная утрата национального языка в условиях чужой языковой, культурной и ментальной среды означает, в сущности, смерть самого народа, что и произошло с убыхами. Поэтому можно сказать, что гибель самобытного убыхского народа - самый печальный и трагический итог Кавказской войны в XIX в., ибо никакие другие отрицательные последствия этой войны для других народов (а они были колоссальными) нельзя сравнить с подобной трагедией - исчезновением народа с этнической карты современного мира.

И еще об одном. Никто не вправе искать виновника в гибели убыхского народа в лице русского народа. Акцию геноцида совершило царское самодержавие, а русский народ сам пострадал в период длительной кровопролитной эпопеи на Кавказе. Достаточно сказать, что Кавказская война поглощала «ежегодно по 25000 русских солдат» (91, с. 381). К сожалению, прав современный историк: «Солдат своих Петербург не жалел. Солдат в России было много» (20, с. 143).

Место, объем и содержание данного очерка в энциклопедии определяются следующими факторами: 1) убыхи - ближайшие родственники адыгов, как в генетическом плане, так и в культурно-историческом отношении; 2) убыхи, хотя народ самостоятельный и самобытный, входили в орбиту исторической Черкесии, создали вместе с Западной Черкесией единый союз, играя в нем значительную (нередко главенствующую) роль в борьбе за независимость; 3) именно убыхи были инициаторами создания единого черкесского государства, правительство которого возглавил с 1861 г. легендарный убыхский ли-

дер Хаджи Керендук Берзек; 4) правительство Хаджи Керендука Берзека разработало конституцию (она известна как «убыхская конституция»), «выражающую высшую ступень политического сознания» (80, с. 177); 5) границы между Убыхией и Западной Черкесией от р. Шахе до р. Пезуапсе были смежными, местами общими, что обусловило глубокую культурно-экономическую и языковую интеграцию двух близкородственных народов; 6) до сих пор многие вопросы истории, общественного строя, этнической территории убыхов, их отношений к адыгам оставались неисследованными, хотя невозможно представить себе прошлое адыгского этноса вне убыхского контекста; 7) и, наконец, история убыхов - часть истории Черкесии.

Обилие цитат и источников в очерке объясняется как спецификой убыхской проблемы, так и стремлением автора к освещению темы с максимальной опорой на факты и события истории, зафиксированные в русских и зарубежных изданиях.

I. Историко-этнографический очерк

1. Самоназвание убыхов - туахъы (toaхэ). Этноним *убых* - адыгское название убыхов. Адыги дали это название убыхам и их стране по названию реки и горы *Убых* на территории Убыхии. Встречающееся в историко-этнографической и отчасти лингвистической литературе название убыхов в формах *рѣх*, *рјох* (П.К. Услар), нем. *Pähy* (Ю. Мсарош) отсутствуют в текстах, записанных у основного знатока убыхского языка - Тевфика Есенча. Остается непонятным, откуда взял Л.И. Лавров слово *дубыхъы* как самоназвание убыхов (49, с. 6).

Есть известные основания согласиться с мнением ряда авторов (В. Томашека, А. Дирра, Ж. Дюмезиля), что самоназвание убыхов *туахъы (toaхэ)* исторически сближается с названием *брухи (Врoυχa)*, которое упоминается Прокопием Кесарийским, античным автором VI в., а еще раньше в V в. у Псевдоариана с *Брухонта* - названием реки на Западном Кавказе, т.е. в районе исторического расселения убыхов на Черноморском побережье. По Ж. Дюмезилю, начальный звуковой комплекс *бр (br)* - неправильная запись античными авторами лабиализованного (специфического) согласного *ту (t^o)*, свойственного убыхской фонетике (105, с. 15).

Убыхи, точнее - один из основных субэтносов этого народа *садша (саша)* упоминается в работе Эвлия Челаби, совершившего в 1641 г. путешествие из Трабзона до Анапы по Черноморскому берегу Кавказа. А. Н. Генко, подробно исследовав записи Эвлия Челаби, заключает: «верхнее течение рек Херота, Кудепста с ее притоками и, может быть, частично бассейны рек Мдзымта и Хоста - вот местоположение Садша в эпоху Эвлия» (18, с.

237). Самое главное в сочинениях Эвлия Челеби для нас - список слов и словосочетаний, бесспорно принадлежащих убыхскому языку. На основании этих слов А.Н. Генко приходит к далеко идущему выводу: «в середине XVII в. джигетские Садша, и теперь еще именуемые по-абхазски *sazwa*, говорили на убыхском языке» (там же, с. 240).

С этнонимом *убых* связаны *Onbeck* у К. Пейсонеля (116, с. 317) и *Oubuch* у И.-А. Гюльденштедта (107, с. 465). Последний приводит также название *Sachi*, которое неотделимо от *Садша (Sadsha)* Эвлия Челеби и более поздних его форм *Саша, Соча, Сочи*. Название *убых* прочно входит в перечень народов и племен Кавказа только после Г.-Ю. Клапрота, опубликовавшего двухтомный труд о Кавказе в 1812 г. (109). Однако этноним *убых* получает широкое распространение в самых различных источниках в период Кавказской войны, что объясняется особым местом убыхов в этой войне и ее последствиями для них.

2. Происхождение убыхов и их место среди родственных абхазско-адыгских народов. Этот вопрос по-разному трактуется не только в дореволюционной литературе, но и советской, даже постсоветской. Одни авторы (Эвлия Челеби, П.-С. Паллас, Ю.-Г. Клапрот, Т. Лапинский и др.) относят убыхов к абазам, другие (Г.В.Новицкий, Ф. Дюбуа, К.Ф. Сталь, Л.Я. Люлье, А.Фонвиль, Н.Ф. Дубровин и др.) считают, что убыхи входят в этнический состав адыгов (черкесов). Даже в крупном двухтомном издании истории народов Северного Кавказа (1988 г.) убыхи рассматриваются как одно из адыгских племен: «На Северо-западном Кавказе и Черноморском побережье в XVIII в. жили адыгские племена: натухайцы, шапсуги, убыхи» (36, с.55).

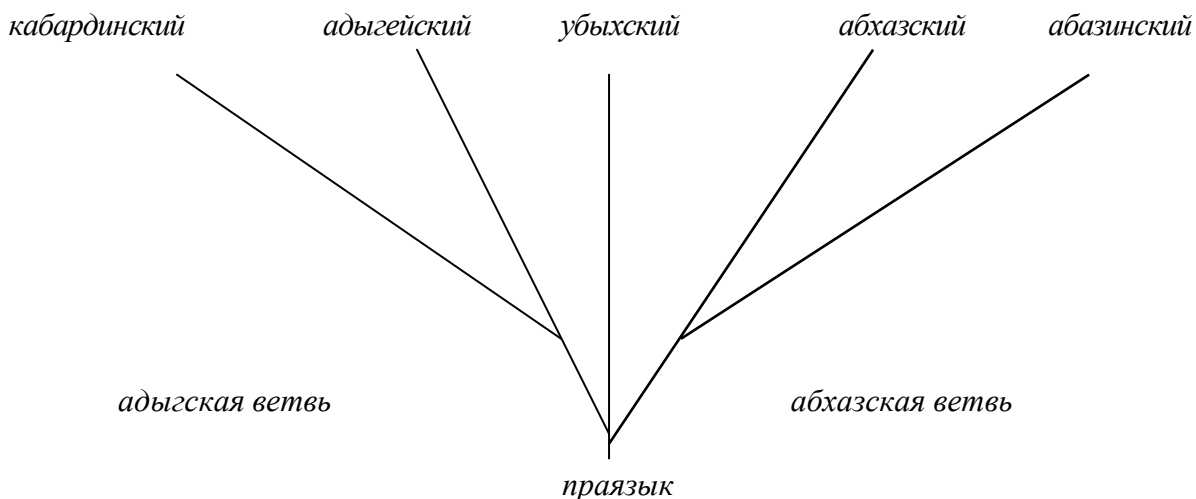
Название *черкесы*, известное в европейской и восточной литературе со времен средневековья, неоднозначно употребляется в отношении убыхов, хотя большинство авторов относит их к черкесам. При этом применительно к убыхам используются термины «черкесский народ», «черкесское поколение», «черкесское владение» и др. Нередко этнонимы *черкесы*, *адыги* употребляются как синонимы, а к ним причисляются *убыхи*. Так, Н.Ф.Дубровин пишет, что «к черкесскому племени (адыги) мы должны причислить и убыхов» (26, с. 22). Н. Бэрзедж, продолжая традицию употребления имени *черкесы* в очень широком значении, понимает под ним «все автохтонные (коренные) народы Северного Кавказа», в том числе, дагестанские народы и осетины (11, с. 15).

Не вдаваясь в подробный анализ употребления этнонимов *убыхи*, *адыги*, *черкесы* и их соотношений и трактовки в литературе, следует отметить главное, а именно: убыхи - самостоятельный народ, со своим языком, собственной историей, национальной культурой и этнической территорией на Западном Кавказе, хотя источники называют их черкесами, адыгами, абазам, абазинами. Ни абхазы, ни абазины, ни адыгейцы, ни кабардинцы даже близко не понимали убыхского языка, поскольку отличия последнего от абхазского,

абазинского, адыгейского и кабардинского языков являются очень значительными и касаются основных уровней языковой структуры (фонетического, морфологического, синтаксического и лексического). В то же время убыхи по происхождению и языку родственны адыгам, абхазам и абазинам. Адыги (адыгейцы и кабардинцы), убыхи, абхазы и абзины образуют в генетической классификации языков и народов Кавказа отдельную группу. Ее называют абхазско-адыгской или западнокавказской и часто северозападнокавказской. Эти языки и говорящие на них народы происходят от одного корня, т.е. в прошлом они говорили на одном языке.

Праязык разделился на три ветви: адыгскую, убыхскую, абхазскую. Убыхский язык занимает в целом промежуточное положение между двумя ветвями - адыгской и абхазской. В дальнейшем из адыгской ветви выделились адыгейский и кабардинский языки, из абхазской - собственно абхазский и абазинский. Для адыгов (адыгейцев и кабардинцев) самыми близкими являются убыхи, а затем - абхазская ветвь (абхазы и абзины).

Следующая схема отражает разделение общего праязыка и образование самостоятельных языков и народов в период после распада праязыкового единства.

Приведенная схема (генеалогическое древо) показывает происхождение и место каждого из пяти членов (адыгейского, кабардинского, убыхского, абхазского, абазинского) абхазско-адыгской (западнокавказской или северозападнокавказской) группы языков и народов.

Существует и другая точка зрения (Г.А. Климов, 1986; К.Х. Шмидт, 1996), согласно которой убыхская ветвь ближе примыкает к адыгской. По мнению М.А. Кумахова (1986), С.А. Старостина (1996) и др. убыхский вместе с адыгской ветвью в хронологическом плане после распада изначальной общности все группы образуют убыхско-адыгское единство. Однако и в этом случае убыхская ветвь остается в целом промежуточным звеном.

Родство между адыгами (адыгейцами и кабардинцами), убыхами, абхазами и абазинами особенно заметно в духовной и национальной культуре, что объясняется не только общностью их происхождения, но их длительными и плотными контактами, тесными социально-экономическими и политическими связями в период после разделения праязыка и образования самостоятельных народов. Убыхи, как промежуточное звено, связывающее две ветви - адыгскую и абхазскую, находились в тесных отношениях как с адыгами, так и с абхазами (абазинами) на протяжении многих столетий. Это привело к убыхско-адыгскому и убыхско-абхазскому двуязычию. Среди родственных субэтносов убыхи имели длительные контакты с шапсугами и абадзехами на северо-западе и с абхазскими джигетами (садзами) на востоке. Отсюда на северо-западе многие убыхи владели также адыгейским языком, на востоке - абхазским языком (садским диалектом). В то же время - и это важно отметить - убыхи как ближайшие родственники адыгов входили в геополитическую и этнополитическую систему Западной Черкессии.

3. Территория убыхов. Хотя географическое положение Убыхии между Абхазской Джигетией на востоке и Западной Черкесией на северо-западе отражено на картах, изданных в дореволюционный (досоветский) период, существуют разные суждения об этнической территории убыхов. Однако разброс мнений не так велик: большинство авторов локализует убыхов на Черноморском побережье между реками Шахе и Хамыш (Хоста). Однако некоторые исследователи расширяют западные и восточные границы убыхов. Ф. Дюбуа доводит западные границы до Туапсе, а К.Ф. Сталь считает, что на востоке убыхи граничат с жителями долины Бзыбь (76, с. 96). Специальный отчет (1864 г.) о выселенных в Турцию народах Западного Кавказа и их этнических территориях свидетельствует: «На южном склоне, в пределах Кубанской области, жили народы абхазского племени: Псху, Ахчипсоу, Пипга и Джигеты... Эти все племена жили отчасти с убыхами, занимая пространство от р. Хоста до р. Бзыбь... Убыхи - коренные обитатели южного склона от р. Шахе до р. Хоста. Убыхи жили отчасти смешанно с обществом шапсугов на Псезапсе» (цит. по: 48, с. 90-91).

Эти данные о смешанном характере населения приграничных районов Убыхии подтверждаются другими источниками. Даже население в районе Сочи, по Ф. Ф. Горнау, говорит на разных языках: «Сел. Сочипсы, или Облагукуадж, расположено по обеим сторонам р. Сочи, на довольно обширной долине близ устья ее... Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого от племени адыга... Племя саше ему повинует, хотя и не во всех случаях.... В сел. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский» (77, с. 460). Показателен топоним *Сочипсы* - название селения «по обеим сторонам р. Сочи» с продуктивным черкесским псы «вода, река». Этот же топоним встреча-

ется также в форме *Сочинста*, т.е. с черкесским *ис-(исы)* и абхазским *-та*, что свидетельствует о разных хронологических слоях в одном и том же названии, отражающем динамику и миграцию близкородственного населения в данном микрорайоне. Исторически этническая карта убыхов на Западном Кавказе не оставалась неизменной. Однако в XVIII в., а возможно, и ранее, убыхи населяли общества Саше, Вардане и Убых, т. е. прибрежные и горные территории Причерноморья (7, с. 289-290).

4. Численность убыхов. По ведомости А.П. Берже, составленной им по официальным документам, численность высланных в Турцию убыхов - 74.567 (8, с. 166). Автор отмечает, что «число выселившихся душ в действительности не только не менее, но должно быть значительно более показанного, так как все переселенцы, отправившиеся на турецких кочермах из портов, нам неподвластных, большей частью остаются неизвестны для официальных лиц, а это составляет солидную поправку» (там же).

Источники указывают и другие цифры - полярные по численности сведения об убыхах: 14.000 у И.Ф. Бларамберга (9, с. 401), 115.000 у Т. Лапинского (50, с. 80). Более надежными, хотя далеко не полными, представляются все же сведения А.П. Берже, поскольку они основываются на официальных документах. Однако цифра, указанная этим автором, не только не учитывает выселенцев на турецких кочермах из портов, «неподвластных» береговой охране. Сведения А.П. Берже относятся лишь к 1863-1864 гг.

Не требует пояснений тот факт, что огромные людские потери убыхов в период длительной и истребительной Кавказской войны не могли отрицательно не повлиять на демографическое состояние убыхского народа, т. е. в первой четверти XIX в. - до начала активных военных действий в Убыхии численность убыхов была значительно выше, чем в конце войны.

5. Этнический состав убыхов. Большинство источников XIX в. группирует убыхов по долинам рек и ущельям. Наиболее подробно о составе убыхских обществ пишет тот же А.П. Берже в «Кратком обзоре горских племен» (1857), разделяя их на собственно убыхов, саше, вардане (7, с. 289-290). Это деление автор дает и в более поздней работе (1882), посвященной выселению горцев с Кавказа. Уточняя границы трехчленного деления убыхов, автор пишет: «Убыхи разделялись на а) собственно убыхов - между верховьями рек Хоста и Шахе; б) саше - по побережью между р. Хоста и долиною р. Сочи включительно; 3) вардане - по побережью от долины р. Сочи до р. Шахе с ее притоками» (8, с. 163).

П.К. Услар разделял Убыхию на две волости или куадж (от адыг. къяудж «селение»): вардане и соча (87, с. 75).

Ш.Д. Инал-ипа отмечает, что «в XIX в. (до 1864 г.) убыхи жили в районе современного Сочи, подразделяясь внутри себя на следующие основные группы: собственно убыхов, занимавших верховья р. Сочи, Субаши – на нижней части бассейна р. Шахе (Субаши), вардане – в урочище Вардане (приустье р. Лоо) и, наконец, садша – в районе современного города Сочи» (33, с.266). В более поздней работе автор сузил восточную часть Убыхии, доводя языковое распространение садзов «вплоть до центральной части современного г. Сочи» (34, с.72).

Деление убыхов на саше, вардане и собственно убыхов, предложенная А.П. Берже и другими наиболее информированными авторами XIX в., имеет серьезные основания, хотя пограничные зоны не могли быть моноэтническими.

Общество Саше (Сача, Соча, Сочи, Садша, Сочипсы и др.) граничило с садзами. В общество Саше входили также селения, расположенные на реках Сочи, Бзугу, Цанник и Мацеста. На левом берегу р. Сочи находилось Догомуково - селение убыхского лидера *Хаджи Керендука Берзека*.

Одноименная морская бухта Саше имела важное экономическое значение для убыхов, ибо «является одной из лучших якорных стоянок всего побережья для больших судов; кроме того, она была всегда предпочтительным убежищем турецких командиров. Ввиду этого соседние народности пытались воспротивиться тому, чтобы русские не оказались хозяевами этого места и соответственно укрепили наиболее доступную часть берега этой бухты» (70, с. 159).

На месте современного Сочи был основан в 1838 г. форт Александрия, через год переименованный в Навагинское укрепление по названию одноименного русского полка на Кавказе, затем (в 1864 г.) переименовали его еще раз в пост Даховский. По данным Д. И. Кочневского, в 1888 г. в Даховском посту, т.е. на месте современного Сочи» значилось всего 98 душ обоего пола» (47, с. 14). Этот же автор пишет: «Во время борьбы русских с черкесами нашему Сочи, уже под именем Соча, пришлось играть особенно заметную роль. Здесь жили наиболее непримиримые туземцы - племя убыхов... В почвенном и климатическом отношении Сочи принадлежит к лучшим пунктам восточного берега Черного моря... Постепенно пост Даховский было решено преобразовать в посад Сочи, для нужд которого Его Величеству Императору Александру II было угодно пожаловать в 1874 г. 400 десятин земли. Но устройство его началось лишь в 1881 г.» (там же, с. 13).

В 1896 г. пост Даховский «официально переименован в посад Сочи по названию реки и убыхского племенного сообщества, населявшего эту территорию до 1864 г.» (98, с. 432).

Вардане (варианты: Вардана, Ворданэ, Ордана) - самое крупное убыхское общество, занимавшее территорию Убыхии от р. Хобзы до водораздела между реками Дагомыс и Псахе. Одноименная пристань Вардане играла значительную роль в развитии торговых, культурных и других связей убыхов с внешним миром. К обществу Вардане относились убыхские селения на реках Лоо, Хобзы, Ниже, Легутет и Дагомыс. Дж. Белл, один из наиболее осведомленных авторов, писал в апреле 1837 г.: «Долина Вардана окаймлена низкими холмами, в значительной мере обработанными и частично лесистыми; долина эта замкнута по направлению к востоку высокими, густо поросшими лесом, горами, из которых самая высокая еще покрыта снегом» (3, с. 464). Плодородные земли долины Вардане, его прекрасные климатические условия привлекли внимание колонизаторов сразу же после выселения убыхов. «В 1872 г. на опустевших после выселения горцев землях убыхско-приморских обществ Хизе (долины рек Хаджиепс, Беранда, Детляшко, Буу) и Ворданэ (по рекам Хобза, Лоо, Ниже) было основано имение «Вардане» наместника на Кавказе Великого князя Михаила Николаевича. Оно занимало территорию 6 тыс. десятин. В имении занимались виноградарством, садоводством, скотоводством... Первыми жителями имения «Вардане» были шапсуги, поселившиеся в верховьях р. Ниже (долина р. Лоо). После окончания Кавказской войны выселены... Во второй половине 80-х гг. XIX в. в качестве арендаторов в имении стали селиться армяне из Османской империи. В 1897 г. на землях имения «Вардане» проживало около 200 душ армянских семей» (98, с. 80).

Псахе располагалось юго-восточнее Вардане. К нему относились с. Чизимагуа Ахмеда и с. Чизимагуа Мисоста - названы именами братьев из рода Чизимагуа. Хобза (Хизе) обитало в долинах рек Буу, Детляшко, Беранда, Хаджиепс, и Осохой.

Общество Хамыш (Хамыч), находившееся в долине одноименной реки, считало своим предводителем Джембулата Хамыша. Определяя западные границы джигетов (садов), С.Т. Званба отмечает: «По берегу моря земля сего народа простирается до черкесского селения Хамыш, лежащего между реками Агура и Хоста» (30, с. 6). Л. И. Лавров также пишет о местоположении общества Хамыш: «Крайним на юге убыхским обществом являлось Хоста (Хамыш), во главе которого стояла фамилия Хамыш» (49, с. 8). Источники указывают также на аул Зенги, который расположен в самом неприступном месте и «красиво разбросан в глубоком ущелье» (74, с. 29).

Верхняя Убыхия включала селение Мутыхуаса, где проживал один из крупнейших убыхских лидеров Хаджи Догомуко Берзек (на правом берегу р. Сочи), а также селения известной фамилии Дишан (у устья р. Бзыч), Уцуа (в горах, за верховьями р. Хобзы), Эбжноу (в верховьях р. Буу). Селения Верхней Убыхии находились и на Убыхской поля-

не, у верхних притоков р. Сочи. Источники часто писали (до и после выселения убыхов) о селении Бабуково. «В настоящем году (1873 г. - М.К.) пластуны содержат наблюдательный пост в так называемом Бабуковом ауле, где некогда жил богатый убыхский князь Бабук. Этот аул находился в верховьях р. Шахе, близ подножья главного хребта» (15, с. 97).

6. Основные реки Убыхии следующие: Шахе, Осахой, Хаджиепс, Детляшко, Суэпсе (Буу), Хобза, Лоуп (Лоо), Бытха, Дагомыс (Дагомепс), Псахе (Мамайка), Саше (Сача, Сочи), Бзугу, Мца (Мацеста), Агура, Хамыш (Хамыч).

Большинство названий этих рек - местные. Для специалиста прозрачны названия Суэпсе, Хобза, Дагомепс (Дагомыс), Псахе, Бзугу, включающие убыхские или черкесские слова *бза*, *псы* «вода», «река», образующие названия рек и другие топонимы. В Убыхии названия общества Сочипсы (у Торнау) - букв. «река Сочи», р. Лоуп - букв. «устье Лоо», р. Бытха - Бы + убыхское *тхъа* (*тха*) - неглубокий, мелкий» и многие другие топонимы образованы по известным моделям местных географических названий. В то же время некоторые названия, в том числе убыхских рек, переименованы: Буу вместо Суэпсе, Мамайка вместо Псахе, Якорная щель вместо Хаджиепс и др. Переименованные топонимические названия - результат колонизации Убыхии в разные исторические эпохи. Так, Уч-Дере и некоторые другие названия - тюркский вклад в топонимику Убыхии, названия Головинка, Михайловский, Пластунка, Новагинка, Воронцовка, Барановка, Измайловка, Семеновка, Шаумяновка, Калиновое Озеро, Лазурный берег, Горный Воздух, Лесная, Прогресс и многие другие топонимы на территории исторической Убыхии возникли либо после российской колонизации в XIX - начале XX в.в., либо в советский период. Однако интенсивное переименование исконных убыхских топонимов и новые русские и советские названия не могли полностью вытеснить названия рек, гор, вершин, ущелий и других местностей, восходящие к исторической топонимии убыхов. Многие исконные убыхские названия до сих пор остались на карте Черноморского побережья, в том числе, названия убыхских племенных сообществ Сочи, Вардане, селения Бабук-аул, рек Шахе, Сочи, Дагомыс, Бытха, Бзугу, Бзыч, Хобза, Уша, гор Амуко, Суатха и др. Народ исчез, но значительная часть топонимики, созданной этим народом в течение многих столетий, осталась на его исторической родине.

7. Убыхские поселения. Общества и поселения убыхов были расположены в основном в соответствии с географией страны. А географический ландшафт различен в разных регионах Убыхии. Верхняя Убыхия занимала земли - самые неприступные, гористые, покрытые густыми лесами, с глубокими ущельями, множеством красивых долин от побережья Черного моря до Кавказского снегового хребта. Подобный географический ландшафт способствовал тому, что Убыхия служила убежищем (по самым различным причи-

нам) представителей соседних народов. Неприступностью края, его географическим положением некоторые авторы объясняют как наличие в Убыхии большого числа невольников, так и ее длительное сопротивление колонизаторской экспансии царского самодержавия.

Многие убыхские поселения располагались по берегам рек. Названия рек, долин и обществ часто совпадали, как это было в отношении основных обществ Саше, Вардане и собственно Убых. Очевидно генетическое тождество названий рек Саша (Сача, Соча, Сочи), Вардане и Убых с соответствующими названиями обществ Саше, Вардане, Убых. Но многие другие названия убыхских этнографических групп и поселений восходят к известным убыхским фамилиям. Карл Кох (его первая поездка на Кавказ состоялась в 1836-1838 гг.) писал о Западной Черкесии (куда он включал и Убыхию): «На Западе, где около домов есть сады, часто огороженные для защиты от нападения палисадниками, дома находятся большей частью на значительном расстоянии друг от друга и спрятаны, по крайней мере, на берегу моря за деревьями... Селения, как правило, называются по названию долины, где они расположены и для более точного обозначения говорят о верхней, средней и нижней части куадж - обычное название для такой деревни, и обычно, если деревню называют по имени такой долины или реки, то жителей деревни называют так же» (3, с. 595). Другой автор, воевавший на стороне убыхов, описывает деревню Измаил-бея в долине Вардане: «Аул Измаил-бея... состоял из дюжины низеньких домов, расположенных без всякой симметрии внутри ограды, запертой непроницаемыми заборами. Несколько толстых палисадников разделяли эту ограду на отделения, разделенные между собой таким образом, что для того, чтобы пройти из одного отделения в другое нужно было эскалادировать (взять укрепление - М.А.) эти особого рода баррикады. В каждом ауле, непосредственно у ворот ограды, находилась гостиница, в этот-то дом мы и были помещены» (85, с.11).

Существует мнение, что «об убыхских жилищах сохранились скудные данные» (49, с. 10). Однако имеются подробные описания убыхских жилищ, их внутреннего убранства, хозяйственных построек в разных регионах Убыхии. В описаниях нет полного единообразия типа жилищ, поскольку они принадлежали представителям разных социальных групп населения. Подробное описание жилища 30-х гг. XIX в., принадлежащего состоятельному убыху, оставил Дж. Белл. «Моя комната, - отмечает он, - имеет в длину около 30 футов и в ширину - 12 футов, во всем остальном она однородна той, что я занимал в Субеш, за тем исключением, что крыша, кажется непроницаема для воды и сама комната лучше оборудована, имеет маленькое, хотя и без стекол окно, которое можно закрывать ставней; диван расположен как раз поперек одной из стен комнаты в непосредственной близости от очага. Стены над диваном покрыты циновками прекрасной работы. Вокруг

комнаты, по ее стенам - ряд тесно расположенных деревянных колышков для того, чтобы вешать на них оружие гостей. На диване - одна из лучших циновок и снабжен он подушками, покрытыми темного цвета шелком, и моя постель, приготовленная на этом диване, оказалась прошлой ночью безукоризненной. У меня был мягкий матрац, обшитый по краям бархатом, бархатные подушки, стеганное шелковое одеяло, и, что лучше всего, четыре белые простыни. Остальная обстановка комнаты заключалась в скамье, поставленной поперек комнаты в ближайшем к выходу ее конце - для молодых людей и лиц низшего ранга; в то время, как циновка и подушки, разложенные вдоль стены, находящейся напротив двери, очага и окна, предназначались для старейших и лиц знатных» (3, с. 464).

И.И. Орехов описывает саклю в одном селении, уцелевшем на Уبخской поляне после выселения его обитателей: «На краю виднелся большой аул, в котором русские, должно быть, не бывали в прежние походы, потому что он стоял цел и невредим, как будто вчера только оставленный жителями... Разместив людей по саклям, мы сами расположились в одной из них, состоявшей из двух комнат: одной просторной, с лавками у стен и с очагом, бывшей, вероятно, кунацкой какого-нибудь узденя; другой - поменьше, с тахтой и привешенными к потолку полками, имевшими, кажется, назначение спальни. В кунацкой, под лавками, стояло несколько совсем новых, крашенных сундуков, окованных железом и обитых медными гвоздиками. Кровля нашей и большинства прочих саклей была тесовая, низко скошенная к земле, так что оставляли снаружи проход, закрытый от дождя. Вместо окон были четырехугольные отверстия, закрывавшиеся ставнями, стены сакли плетенные, смазанные глиной» (58).

О двухэтажном деревянном доме в Верхней Уبخии одного из лидеров (из рода Берзегов) рассказывает другой автор: «В верхнем этаже находились комнаты князя... в спальне стояла железная кровать с балдахином, увенчанном короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея, в нижнем и конюшни, и кладовая» (56).

8. Пути сообщения между убыхскими обществами и селениями преимущественно были выючными. Уبخия недостаточно была приспособлена для использования арбы. Выючная дорога шла от устья р. Сочи к Уبخской долине и на юге в Джигетию. После выселения убыхов русским поселенцам не всегда удавалось найти традиционные горные тропы, кратчайшим способом соединяющие ущелья и долины Уبخии. В этой связи И. И. Орехов писал: «Из долины Сочи, где мы предполагали поселить одну роту, сообщение с урочищами Псахо, Уبخ, Медове и Цвижипси, как и по береговой дороге через приморские посты, так и горами, по хребтам Аць и Алек-Ахуцу, выходили слишком кружное и затруднительное множество переправ через горные реки. Зная от И-ва (штабс-капитана -

М.К.), что по речкам южного склона, текущим с этого хребта, было много аулов, частью уничтоженных войсками нашими в последнюю экспедицию 1864 г., частью еще уцелевших, я был убежден, что между ними должна была существовать тропа короче дорог, по которым производилось сообщение между реками Сочью и Кудепстой (58). Тот же автор оставил нам подробное описание убыхского моста, построенного без применения [железа](#): «[Мост](#) состоял из цельных древесных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой речки и подхватывались снизу подушками, в концы которых врублены были вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также утвержденные концами в берегах. Поверх бревен уцелело несколько досок, составивших, вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, и они приготавливали доски, колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева; по крайней мере, нигде в аулах южного склона мне не попадался пиленный лес. Мостик этот очень эластичен; на скрепление его не пошло ни одного кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором» (там же).

Из Убыхии в Абадзехию вели три перевала по рекам Шахе, Сочи и Мзымта.

9. Пища убыхов довольно разнообразна. Основные ее компоненты определяются характером хозяйственного строя в Убыхии - земледелия, садоводства, пчеловодства и животноводства. Их соотношения сложились в зависимости от климатических и географических условий разных регионов Убыхии. Еще во второй половине XV в. Дж. Интериано писал о зихах (к ним он относил и убыхов), что у них «много проса и других зерновых продуктов, из которых они делают хлеб и различные кушанья, а также напиток, называемый буза» (3, с. 51). В начале XVIII в. французский медик Ферран, совершивший поездку в Черкесию (куда входила и Убыхия), отметил: «Они всегда едят говядину, баранину, птицу и почти никогда не употребляют конины... Хлеб состоит из лепешек пшеничной муки» (84, с. 17). Англичанин подробно рассказывает о завтраке, поданном ему 26 апреля 1837 г. в Убыхии (долина Шахе): «Прежде всего была подана сладкая лепешка с молоком, затем на высоком деревянном подносе, на четырех ножках, обильная порция густой пасты; в середину этого блюда была вставлена деревянная чашка, наполненная соусом, приготовленным из молока, орехового масла и стручкового перца; между тем вокруг пасты были разложены куски вареной молодой козлятины, из которых один из сыновей хозяина выбрал для меня самые лакомые. Потом появился большой кувшин с виноградным соком, что преподнесли мне, как незаменимое средство для пищеварения после употребления жирного мяса; затем последовала чашка молока, с примешанным к молоку пастой; я уже более чем насытился, когда была сервирована большая миска прекрасного, приправленно-

го бобами и пр., бульона из козлятины, который я также вынужден был попробовать» (3, с. 463).

В долине Вардане, как пишет тот же автор, «после заката солнца и молитв нам подали мясное блюдо и пасту... приблизительно до половины одиннадцатого, когда подали обильный ужин...» (там же, с.463). Другой автор, посетивший в 1839 г. те же места, отмечает: «Обед, или точнее ужин... был сервирован после захода солнца. Он состоял из нескольких блюд, которые поочередно подавались на круглый трехногий стол размерами что-то вроде приставной табуретки. Специально для нас забили овцу и баранину нам подавали на тонкой просяной лепешке вместо тарелки. Эта лепешка мягкая и влажная, легко принимает требуемую форму, то есть в центре делается углубление для соуса, ограниченное валиком, а по краям кладутся приличные куски баранины и говядины... За мясом последовал мясной отвар, разлитый в большие деревянные миски, скорее даже резервуары необъятных размеров... Последовавшие затем блюда состояли главным образом из лепешек, каймака, или крема, ватрушек, паштета, завернутого в виноградные листья, и, наконец, большой чаши йогурта (yoghurt), или свернувшееся молоко, которое, как «пилаф» (pilaff) в Турции, неизменно завершает пиршество» (там же, с. 535).

Т. Лапинский, считавший убыхов абазами, отмечает: «Пища абазов лучше и обильнее, чем у крестьян большей части Европы, и ее главное достоинство - это чистота, с которой приготавливаются кушанья... Когда приходит время обеда, то прежде всего в комнате для гостей появляется юноша или мальчик с умывальным тазом и кувшином тепловатой воды, другой несет мыло и полотенце... К описываемому завтраку были поданы следующие кушанья: приготовленный в соусе из красного перца индюк, пироги из пресного теста с сыром, маленькие пшеничные пирожки с великолепным, только что вынутым из улья сотовым медом, пресные пироги с мясом, мелко нарезанная баранина, приготовленная в соусе из перца, опять другой формы пирожки с медом, поджаренные в масле ломтики сыра с хлебом, потом кислые сливки с просяной кашей. Обед состоял из очень хорошего, сильно приправленного перцем супа, из баранины (всегда приносится целый баран), красных бураков и кислой капусты; напоследок - пирожки с медом. При каждом кушанье, для которого требуется хлеб, его место заменяют кусочки просяной каши, разложенные вокруг столика. Столы один за другим приносятся и уносятся; после знатных гостей ест их прислуга; или после старших - младшие... Не принято чтобы молодые люди сидели за одним столом со старшими. Отец не ест никогда за одним столом со своим сыном, старший брат - с младшим. Женщины и девушки едят отдельно и никогда не едят в присутствии мужчин» (50, с. 112). Этот же автор сообщает, что в этой стране прекрасная вода (используемая и как напиток).

Основную часть плодов своих традиционных культурных садов и отчасти дикорастущих деревьев убыхи потребляли в свежем виде. Плоды каштана (сладкого), ореха грецкого, фундука также входили в большом количестве в рацион питания. Часть плодов предназначалась для переработки. Из сушеных груш и каштанов готовили муку, которую часто смешивали с мукой просяной, ячменной, кукурузной. Обилие грецкого ореха в Убыхии, особенно в долинах Шахе, Сочи и Мацесты служило основой для добывания специального масла. Супы готовили из сушеных и очищенных каштанов.

Источник начала XIX в. свидетельствует: «В своих жилищах, в одежде и в способах приготовления пищи у них царит величайшая чистоплотность» (3, с. 267).

10. Одежда убыхов соответствовала их образу жизни и климатическим условиям страны. По своей одежде убыхи близки западным черкесам. Дж. Интериано писал: «Верхняя часть одежды у них делается из валяной шерсти, наподобие церковной мантии, которую они носят открытой с одной стороны, так, чтобы правая рука оставалась свободной. На голове (носят) шапку из того же войлока, в виде сахарной головы по форме. Под плащом они носят так называемые *trëlicci* из шелковой или полотняной материи с широкими складками и собранные у пояса снизу, наподобие того, как носили древние римляне. Носят сапоги и ботинки, надеваемые одни на другие и очень нарядные, а также широкие холщевые шаровары. Усы носят длиннейшие. Имеют также (при себе) всегда на боку, прочее свое снаряжение, а именно, огниво в красивом кисете, которое делают и расшивают их женщины. Носят с собой бритву и оселок для того, чтобы ее оттачивать, так как они бреют голову, оставляя на макушке пучок волос...» (3, с. 49).

В начале 40-х гг. XIX в. Ф. Дюбуа отмечает, что у убыхов и абхазов сохраняется «фригийский колпак в том виде, каким мы его находим изображенным на памятнике древнего Пантикапея, - с капюшоном и двумя более или менее длинными свисающими концами» (там же, с. 442-443). Этот же автор замечает, что «манто из фетра, которое они носят во время путешествий, является ни чем иным, как хламидой древних». Под фригийским колпаком здесь имеется ввиду башлык, а под манто из фетра или хламидой древних - кавказская бурка.

Черкеска, получившая распространение по всему Кавказу (и не только Кавказу), - основная верхняя одежда убыхов. В литературе имеется детальное описание разных видов черкески (убыха, адыга) первой половины XIX в. «Одежда мужчин также проста, как и красива и удобна. Они носят доходящий ниже колен длинный кафтан из туземного серовато-белого или коричневого сукна... Кафтан без подкладки, с широкими длинными рукавами, которые покрывают руки, без воротника спереди закрывающий часть груди. Этот кафтан всегда на талии застегивается рядом маленьких пуговиц и затягивается узким ко-

жаным ремнем. На каждой стороне груди находится помещение для 36-40 штук патронов, которые выточены из дерева или кости и воткнуты в определенные отверстия. Эти помещения для патронов, которые дают груди вид органа, у зажиточных бывают украшены серебряной вышивкой. Под длинным кафтаном носят немного более короткий кафтан из тонкого сукна, шелка или хлопчатобумажной ткани светлого цвета. Кафтан делается на подкладке со стоячим воротником, длинными рукавами и застегивается от шеи до середины тела. Под этим кафтаном находится еще второй - из белой хлопчатобумажной ткани, сделанной точно так же, но немного короче, чем первый, и служит жилетом. Широкие, к щиколотке суживающиеся панталоны из туземного или иностранного сукна (красные панталоны предпочитают) завершают одежду» (50, с. 113). Кинжал является частью костюма, с ним не расстается хозяин в помещении, принимая гостя и освобождаясь от оружия. «Как это похоже на воинов Древней Греции!» - восклицает один из авторов первой половины XIX в.

Кубанские и терские казаки очень быстро заимствовали у горцев черкеску как удобный, изящный и практичный мужской костюм. Более того, черкеска была принята казачеством в качестве официальной формы одежды. В походных и домашних условиях казаки носили черкеску, отдавая ей предпочтение за легкость, прочность и оригинальность формы.

Одежда убыхской женщины включала длинное платье, доходившее до щиколотки, с широкими рукавами, без воротника и спереди открытое. Под длинным платьем находился застегивающийся снизу до верха кафтан с широким поясом, нередко украшенным золотом или серебром. Женские панталоны были свободны, широки и длинны. С очень раннего возраста убыхские девушки носили корсет (широкий кожаный пояс) для стягивания талии, снимавшийся только в день свадьбы супругом, разрезая его кончиком кинжала. Изящество и красота женского головного убора отмечены многими авторами. Он имел форму высокого чепца в виде сахарной головы, был богато расшит, с него спускалось длинное покрывало. Один из источников указывает, что подобный женский головной убор «можно видеть на портретах XVII века». А другой источник сравнивает женщин в национальном костюме с «павлином, гордо ходящим с важным видом по двору». Об одежде и внешнем облике черкесов (убыхов и западных черкесов) Э. Спенсер пишет, что «красота черт и симметрия фигуры, которыми отмечены этот народ, - не фантазия (некоторые из прекраснейших статуй древности не являют в их пропорциях большего совершенства)... Оба пола страстно любят одеваться; и я уверяю вас, красивое лицо и привлекательный внешний облик также очень ценим среди этих народов, как и среди самых утонченных наций Европы... Их большие темные глаза, обычно темно-голубые, прикры-

тые длинными ресницами были бы прекраснейшими из всех, которые я когда-либо видел, если бы не выражение дикой жестокости, которая сильно поразила меня, когда я впервые прибыл в Черкесию, которая, вероятно, вызывается тем обстоятельством, что смелый горец подвергается с младенчества до самых седых волос опасности и борьбе» (75, с. 66). Этот же автор отмечает, что когда он впервые увидел жителей Черкесии (куда он включает также Джигетию и Убыхию) его впечатление «было таково - они определенно греческого происхождения... Если бы не тот факт, что мы сейчас пускаемся в область легенд, мы могли бы почти предположить, что они потомки троянцев» (там же, с. 36).

11. Домашняя утварь убыхов включала преимущественно предметы, изготовленные из дерева. Некоторые авторы утверждают, что убыхи употребляют только деревянную посуду, сделанную с большим искусством. Посуда, горки, ложки нередко украшены пестрой росписью. Те же авторы указывают на отсутствие в хозяйстве убыхов глиняной посуды. Однако не вся утварь была деревянной. Качество домашней утвари зависело от социальной дифференциации населения. Дж. Белл был удивлен, когда в доме его хозяина в Убыхии утром достали красивый сервиз, включая позолоченные ложки, и угостили прекрасным чаем, а вечером также подали чай с сахаром в фарфоровом сервизе с позолотой. При этом «кипяток мы получили из красивого медного сосуда в форме вазы, с краном. Затем последовал изобильный ужин... украшением служили красивые ножи с рукоятками из слоновой кости, а также массивные подсвечники с накладным серебром» (3, с. 463, 467).

Убыхи пользовались не только столиками на четырех ножках, но и традиционными для соседних черкесов столиками на трех ножках. Для приготовления пищи употреблялись также чугунные котлы, для хранения молочных продуктов - деревянная и керамическая посуда. Деревянные корыта, лопаты, маслобойки, кадки также входили в состав убыхской домашней утвари.

Привозная посуда с давних пор была известна убыхам, находившимся в торговых отношениях с генуэзцами, турками и другими народами, колонизировавшими Черноморское побережье в разные исторические эпохи.

12. Земледелие. К основным хозяйственным занятиям убыхов относятся земледелие и животноводство. Геофизический ландшафт Убыхии, ее гористые места и ущелья, казалось бы, не приспособлены к земледелию. Однако убыхи имели глубокие народные традиции земледелия на склонах гор, использовавшихся для хлебородных участков. Источники описывают народный метод корчевки леса на крутых склонах, применявшийся убыхами в высокогорных аулах. И. С. Хатисов, исследовавший Убыхию и Западную Черкесию сразу же после выселения их коренных жителей, писал: «Занимателен способ, употребляемый горцами для уничтожения лесов и обращения занимаемого ими простран-

ства в пашни. Они подсачивали деревья, т.е. делали вокруг ствола на высоте 0,5 аршина от земли глубокий кольцеобразный надрез, доходящий до древесины, вследствие чего в первое же лето деревья лишаются растительной жизни и начинают сохнуть. Через несколько лет, смотря по породе, дерево совершенно сгнивает и падает само собой, оставляя в земле одни только пни, выкорчевывание которых не составляет труда... Поля эти находились на самых неприступных местах, которые с первого раза могут показаться совершенно непригодными для культуры. Нахождение хозяйственных посевов на подобных крутизнах заставляло нас верить рассказам многих бывавших здесь прежде офицеров, сообщавших нам, что горы эти когда-то сверху донизу были покрыты прекрасными полями и что горцы всегда имели большой запас хлебов» (89).

О методе корчевки леса профессор Н. А. Тхагушев, много сделавший для исследования традиционных убыхских и адыгейских садов и их возрождения, отметил: «Благодаря многовековому мудрому народному опыту и применению таких простых, но весьма целесообразных способов в практике сельскохозяйственного производства адыгам (автор относит убыхов к приморским адыгам. - М.К.) удавалось с успехом вводить в эксплуатацию земельные участки, расположенные на крутых склонах высоких гор, и получать на них хорошие урожаи различных посевных культур. Остатки таких полей встречаются в верховьях рек Аша, Псиш, Хаджуко, Шахе, Сочи, Мзымты» (79, с.19). И. Ф. Бларамберг пишет, что «их (убыхов - М.К.) земля плодородна» (9, с. 126). Другой источник констатирует: «Как равнина, так и горы производят все виды хлебных злаков. Возделываются пшеница, кукуруза, ячмень и овес; кроме того, собирают еще очень много проса, особенно в горах. В последнее время получило весьма большое распространение возделывание кукурузы - отчасти по причине большого плодородия этого вида хлебного злака, урожай которого здесь очень высокий, отчасти же потому, что турецкие хлеботорговцы охотнее всего за нее платят» (50, с. 55).

13. Садоводство. Путешественники и исследователи, посетившие Убыхию до и после выселения ее коренных жителей, подчеркивали высокое развитие садоводства, его богатые традиции, уходящие к народным истокам. Действительно, убыхские насаждения являются наследием многовекового опыта в области садоводства древнего народа. «У них, - отмечает источник еще до выселения убыхов, - также много фруктов, таких как яблоки, вишня, груша, персики. Как и в Мингрелии, у них можно видеть своеобразный прессованный твердый мед, который они употребляют в виде напитка, размешивая его в воде» (79, с.126).

Различные комиссии, проводившие исследования Убыхии сразу же после окончания Кавказской войны, подтверждают высокую садоводческую культуру убыхов. «Долина

Сочи по своей ширине и отлогости образующих ее высот, бесспорно, одно из лучших, красивейших и наиболее удобных для заселения местностей южного склона Западного Кавказа. Река Соча в нижней своей части течет чрезвычайно извилисто, производя множество островов, поросших ягодными кустами и фруктовыми деревьями. Там и сям очищенные от лесу полосы, вероятно, прежние пашни горцев блестели яркой зеленью. ... Долина восточного Дагомыса бесспорно, лучшая из всех долин рек этой части южного склона, что доказывается и многочисленными остатками горских жилищ и фруктовых садов. Жившие здесь убыхи, по-видимому, мастерски пользовались каждым клочком земли и были отличными садоводами» (58).

Другой автор, также обследовавший Убыхию в 1867 г., отмечает: «На горных склонах этого ущелья (долина р. Мацесты. - М.К.), равно и по Кудепсте, находится много хлебородных полей, фруктовых деревьев... Все окрестные горы покрыты хлебородными и фруктовыми деревьями. На долине также масса фруктовых деревьев, горских орешников, тутовин и виноградников... На полянах (Дагомыса. - М.К.) встречаются огромные ореховые деревья, превосходно привитые черешни, груши, яблони, персики, сливы и др... Вообще вся местность между реками Дагомыс и Шахе называется у горцев Вордане. Множество садов, виноградников, тутовых и фруктовых... Фруктовые деревья, из которых очень много хорошо привитых сортов, встречаются почти повсеместно... Желтые крупные черешни, еще столь редкие даже на тифлисском рынке, в Ворданэ встречаются почти везде. Яблони и груши, хотя в то время еще не были совсем, но принадлежат к лучшим благоуханным сортам. В лесах и на хлебородных участках растет много алычи, кизила, черного тутта (шелковицы), винных ягод и пр... В самых верховьях р. Шахе у подошвы Кавказского хребта, находятся остатки аулов (убыхских. - М.К.), около которых в изобилии растут яблони, груши и даже черешни» (89).

Убыхи строили искусственные террасы на крутых склонах, защитные насаждения вдоль рек, живые изгороди, воздушные полосы из листьев, водоотводные канавы в горах, оросительные системы, лесные полосы поперек гор и т.д. Хорошо зная свой край, его почвенно-климатические условия и свойства местных плодовых пород, убыхи тщательно выбирали места для закладки своих знаменитых садов, что было необходимо для борьбы, прежде всего, с морскими туманами - одним из самых серьезных бедствий для садоводства. Этим объясняется расположение в Убыхии большинства садов не на самом берегу моря, а в горах, где меньше морских туманов. Убыхские сады находились вблизи дома, летних пастбищ, стоянок скота.

Убыхи издревле владели искусством прививки плодовых деревьев, широко применяли и совершенствовали ее, пользовались своим методом обрезки на омоложение, чем достигалось восстановление обильного плодоношения садов на продолжительное время.

Убыхские традиции садоводства были устойчивыми и основательными. Материалы И.С. Хатисова, Ф.И. Гайдука, И.Н. Клингена, В.М. Борисова и др. показывают, что на протяжении многих столетий у убыхов существовало богатое культурное пловодство. В 1887 г. И. Дукмасова писала, что в Сочинском районе в состав убыхских садов входили яблоня, груша, черешня, алыча, фундук, кизил, грецкий орех, мушмула и инжир (27).

Спустя почти 100 лет после выселения убыхов, по свидетельству Н.А. Тхагушева, каштановые и ореховые насаждения убыхов, достигающие в своем возрасте более 100-150 лет, сохранились как остаток культуры исторической Убыхии в бассейне рек Шахе, Сочи, Мацесты и Хосты (79, с. 16).

Особенно сильное развитие получили виноградарство и виноделие в Убыхии, где имелись благоприятные почвенно-климатические условия. Убыхи, с давних времен занимавшиеся культурой винограда, готовили превосходные сорта вин.

Информированный автор, касаясь культуры виноделия убыхов, отмечает: «все они выращивают виноград, особенно убыхи и выделывают из него хорошее вино в больших количествах» (9, с. 126). Мнение этого автора подтверждает Дж. Белл: «Узкая долина Субеш (Шахе. - М.К.), на берегах которого я в последнее время пребываю, кажется особенно богатой и прекрасно обработана. Деревья многочисленны и самые крупные из них обвиты гирляндами виноградных лоз; я слышал, что из винограда этих лоз многие жители готовят превосходное вино и хорошую водку» (3, с. 461). Дж. Белл также писал, что вина у убыхов по вкусу напоминают кипрское и другие греческие вина. Сходство убыхских вин с греческими заметил также Т. Лапинский: «В Убыхе вырабатывается много вина, которое очень крепко и вкусом сходно с вином греческих островов» (50, с. 55).

Приморские убыхи (как и шапсуги - их соседи) занимались шелководством. «В этих районах, - отмечает Н. А. Тхагушев, - встречались искусственные насаждения целых рощ тутовых деревьев, листья которых служили кормом для шелковичных червей. Плоды тутовых деревьев использовали для выгонки спиртных напитков, но в свежем виде не употреблялись» (79, с. 19). А. В. Верещагин свидетельствует: «Тутовник или шелковица растет деревьями до 8 и более вершков в диаметре; ягоды его созревают в первой половине июня месяца» (15, с. 28).

14. Животноводство. В сельском хозяйстве убыхов животноводство занимало значительное место. Мелкий и крупный рогатый скот, лошади и свиньи - основа традиционного животноводства в горной части Убыхии. Свиноводство имело широкое распростра-

нение среди убыхов, как и у соседних шапсугов и натухайцев. Это подтверждается культовой функцией свиньи в убыхских и шапсуго-натухайских циклах нартского эпоса. Само название свиньи восходит к общему источнику у всех генетически родственных народов Северо-Западного Кавказа, что свидетельствует о глубоких традициях свиноводства и его месте в их древней хозяйственной организации. В нартском эпосе культ свиньи и легенды о первых нартах локализуются в районах исторического проживания убыхов, западных черкесов-шапсугов и натухайцев. При этом в эпосе культовая функция свиньи связывается с мифом о первоначальном заселении нартами территории Западного Кавказа. То же самое нужно сказать о культе свиньи и последнем нарте. Этот миф, отражающий значение свиноводства, особенно характерен для нартских сказаний убыхов и шапсугов. Однако многовековая свиноводческая традиция была сначала ослаблена, а затем вытеснена распространением ислама среди убыхов. Это произошло сравнительно поздно - в первой половине XIX в.

Перевозка грузов, пахота и другие работы осуществлялись с помощью волов. Рогатый скот имел молочно-мясные функции, кожа и шерсть использовались для изготовления одежды, а также шли на экспорт. Овцы и козы держались в большом количестве. Источники XIX в. отмечают, что козы - самое распространенное домашнее животное среди убыхов и западных черкесов. «Молоко и мясо коз, вследствие превосходных пастбищ, очень хорошие; козье мясо, которое в некоторых странах считается почти несъедобным, здесь вкуснее, чем баранина... Коза находится только зимой под крышей, но и тогда она днем выгоняется в лес и сама находит себе в снегу какую-нибудь пищу» (50, с. 59). А.В. Верещагин писал, что «из козьего молока они умеют готовить особого рода прокопченный сыр, который весьма долго сохраняется, а это весьма важно по местным условиям климата» (15, с. 81).

Убыхи разводили буйволов (правда, меньше, чем коров), а также ослов и мул особенно в горных районах. Также держали кур, индюшек, уток и гусей, но они играли второстепенное значение в хозяйстве.

Коневодство в Убыхии имеет давние традиции. Лошадь - основное средство передвижения в Убыхии, хотя оно играло более важную роль у тех соседних черкесов, которые жили на равнинах. Лошадь в Убыхии была вынослива, имела твердые копыта, выдерживала трудные и длинные переходы, ее взнуздывание и оседлание настолько просты и удобны в условиях войны, что «не нужно и половины того времени, которое требуется европейскому кавалеристу для посадки» (50, с. 57). Кроме того, лошадь имела глубокое символическое значение: всадник, потерявший в бою своего коня, считал себя уже не

жильцом на этом свете; он сражался пеший «с таким ожесточением, что заставит себя убить» (76, с. 142).

15. Пчеловодство как одно из древних занятий убыхов имело широкое распространение в долинах Шахе, Суэпсе (Буу), Хобзы, Лоуп (Лоо), Псахе, Сача (Сочи), Мацесты и Хамыч (Хамыш). Развитию пчеловодства способствовали природно-климатические условия - обилие цветов и садов в Убыхии. В этом крае «отрасли пчеловодства и плодородства были органически тесно взаимосвязаны. Сады во время цветения давали пчелам богатый взятки, а пчелы способствовали лучшему опылению деревьев, что являлось одним из лучших факторов, обеспечивающих получение относительно устойчивых и высоких урожаев в садах» (79, с. 39). Об этом свидетельствуют и более ранние источники. И. С. Хатисов пишет: «Пчеловодством черноморский берег славился в глубокой древности. Благодаря роскошной флоре горцы с большой охотой занимаются пчеловодством в лесах и на лугах и получали отличной доброты мед» (89).

Другие авторы - Т. Лапинский, И. Клинген, В. Христианович и др. также отмечали развитие пчеловодства в Убыхии и Западной Черкесии. Отсюда понятно, что в список основных продуктов экспорта из Убыхии входили мед и воск. Мед входил в пищу убыхов. Из него готовили традиционный крепкий напиток, мед широко применялся в убыхской народной медицине.

16. Домашняя промышленность и ремесла убыхов имеют глубокие и народные корни. Убыхи сами изготавливали на основе собственного сырья сукно для одежды, бурки, башлыки из шерсти, обувь, седла, конскую сбрую, бурдюки (для хранения как сыпучих, так и жидких продуктов) из кожи, шапки, шубы, штаны и другие виды одежды из шкур. Обработкой шерсти и шкур занимались женщины. «В каждой семье женщины занимаются изготовлением предметов первой необходимости в хозяйстве: из светлой пряжи ткнут нечто вроде сукна буроватого или серого цвета, они умеют также выделывать фетровые манто (бурки - М.К.); они шьют обувь и одежду; они занимаются даже выделкой седельных подушек, привязных ремней, ножен для сабель и чехлов для ружей» (3, с. 454).

Обработка дерева и металла имели богатые традиции среди убыхов. Наличие разных пород древесины способствовало развитию их обработки для хозяйственного помещения, жилищного строительства, домашней утвари и т.д. Знаменитые убыхские тисовые и самшитовые деревья служили прекрасным материалом для изготовления многих предметов. Убыхские мастера из дерева изготавливали повозки, домашние шкафы, кровати, сундуки, диваны, стулья, столы, детские люльки, народные музыкальные инструменты, домашнюю посуду и т.д.

Порох - дорогой и нужный товар, также изготовлялся собственным способом. Селитру добывали в натуральном виде в горах, хотя в период войны за независимость в XIX в. порох входил в основной список импортных товаров. То же самое нужно сказать об оружейном производстве. Убыхские оружейники издревле сами делали лук, стрелы, а когда наступило время огнестрельного оружия, то наряду с ружьями местных мастеров, в условиях постоянной массовой борьбы за независимость, возникла необходимость ввоза в страну предметов оружия - винтовок, пистолетов и реже - пушек.

17. Торговые отношения убыхов с соседними народами - черкесами и абхазами всегда были тесными и разносторонними. Более того, убыхи и их предки, населявшие с древнейших времен важный в торговом отношении участок на Западном Кавказе, не могли остаться изолированными от контактов с греками, генуэзцами, турками и другими народами, колонизировавшими в разные исторические эпохи Черноморское побережье. Источники сообщают о торговых отношениях убыхов и их генетически близких соседей - черкесов и абхазских джигетов с внешним миром.

В одном из основных и наиболее информативных источников по исследованию торговли на черкесско-убыхском побережье Черного моря середины XVIII в. даются подробные и разнообразные данные ввозной и вывозной торговли (116). В список ввозной торговли Черкесии (куда включается также Убыхия) входили: сукно, ситец, холст, кисея, шелк, пряденная бумага, нитки, каирское полотно, кофе, олово, свинец, железо, краски, обувь, лошадиные удила, подковы, крымские ножи, железные и медные товары различных видов и др. К вывозным предметам торговли относились: шерсть (шел в Каффу, Константинополь), шерстяная ткань (шла в Крым, Турцию), шерстяные платья в готовом виде (отправлялись в Крым, Молдавию, Польшу и некоторые провинции Турции), холстяные плащи (имели сбыт в Крыму, Молдавии, Валахии, Польше, России и отчасти в Турции), кожа (продавали в Германии до 3 пиастров за шкуру), мед (продавали на месте только в обмен на другие предметы), воск (шла в Каффу и Константинополь), куньи, лисьи, овечьи, волчьи, медвежьи шкуры (отправлялись в Бургаз и оттуда распространялись по Германии и Польше), клыки диких кабанов (из которых в Крыму делались ножи и рукоятки к ним), бычьи рога, перья вороньих и других домашних и диких птиц (для изготовления стрел покупали татары и ногайцы).

Вывозились и высоко ценились лошади, икра и сухая рыба разных сортов (вывозились в Грузию и Константинополь), рыбий жир (ногайцы употребляли его в пищу, а татары - для освещения). Реликтовые и уникальные тисо-самшитовые леса в Убыхии служили источником торговли. «Особенно много у них (убыхов - М.К.) самшита необыкновенной

толщины, которым они ведут большую торговлю и перевозят на судах в Константинополь и Триест» (3, с. 244).

Более поздние источники вносят коррективы в список предметов ввозимой и вывозимой торговли и показывают изменившуюся конъюнктуру в этой области. «Ввозимые товары - это шелковые ткани, сукно, белые и цветные ткани, полотно, железная и медная кухонная и домашняя утварь, маленькие зеркала, гребни и различные мелочные товары, золотые и серебряные нитки, сталь, сера, соль и очень немного пороха. Все другие товары не имеют сбыта. Все эти товары плохого и дешевого сорта, а сбываются за баснословные цены. Вывозимые товары - это зерно всех сортов, но особенно кукуруза, потом кожи крупного рогатого скота, овечьи и козьи шкуры, шкуры разных диких зверей, воск, мед, сало и масло» (50, с. 65).

Источники отмечают, что в Убыхии водятся множество пиявок отличного качества, «горцы вели ими порядочный торг с турками» (58), «вывозится также много пиявок, которые отправляются в Марсель» (50, с. 65).

Сведения некоторых путешественников о широком развитии работорговли среди народов Северо-Западного Кавказа, в том числе, убыхов нуждаются в уточнениях. Разумеется, данный древний вид торговли имел место среди этих народов. Однако утверждение, что эти народы легко торговали своими детьми, отвергается наиболее осведомленными авторами. Так, Г.-Ю. Клапрот, дважды побывавший на Кавказе (1807-1808 гг.), подчеркивает: «Их женщины обычно самые красивые на всем Кавказе. Однако я должен заметить, что повсеместное мнение, как будто они являются обительницами турецких сералей (гаремы), является необоснованным, так как черкесы чрезвычайно редко продают своих соплеменников туркам, обычно только украденных» (3, с. 265).

Позже И. Аверкиев отмечал, что убыхи не торговали женщинами (2). Л. И. Лавров объясняет подобное отношение убыхов к работорговле их более высокой материальной обеспеченностью по сравнению с соседями (49, с. 16).

По Н.Ф. Дубровину, вывоз убыхами и черкесами женщин в Турцию особенно усилился после основания крепостей Сухум и Анапы, но они «редко продавали своих дочерей, а продавали туркам преимущественно рабынь и пленниц» (26, с. 60).

Разные источники XIX в. указывают на незначительную роль денег и меновой характер торговли среди убыхов. Однако убыхам был хорошо известен русский серебряный рубль. Колониальная экспансия царизма на Северо-Западном Кавказе сопровождалась торговыми ограничениями убыхов и других прибрежных народов. Известные военные укрепления на Черноморском побережье и специальная русская береговая охрана служили причиной резкого сокращения традиционных торговых отношений убыхов с Турцией и

другими странами. В донесении генерала Н. Н. Раевского (март 1840 г.) отмечается, что необходимо не только отбить форт Лазарево у убыхов, «но занять еще Вардане и Хошупсе - единственные пристани, которые убыхи сохранили для внешних сношений» (68, с.338). Несколько позже А.П. Берже писал, что для торговых связей убыхи сохранили единственную пристань Вардане: «Племена Вардане и Саше вели прежде значительную торговлю и потому привыкли к некоторой гражданственности и удобствам мирной жизни, даже и теперь они живут в большем удобстве, нежели их соседи. Поэтому-то Вардане и Саше не так враждебны к русским, как их соплеменники. Торговым предприятиям сказанных племен много содействует единственная в их земле пристань, называемая Вардане» (7, с.290).

В 1854-1856 гг. в связи с внешне-политической ситуацией морское побережье впервые почти за 30 лет было деблокировано, что способствовало быстрому возобновлению торговых связей убыхов с внешним миром. Как отмечает источник, «в это короткое время производство продуктов в стране почти удвоилось» (50, с. 62). До Крымской войны царская Россия охраняла берег, суда курсировали и поддерживали блокаду между крепостями, канонерки патрулировали с специальными экипажами, «так что берег был заключен в железный обруч» (там же). До введения российской береговой охраны состоятельные убыхи, в том числе старшины, обладавшие собственными судами, совершали регулярные торговые рейсы в Турцию, плавая вдоль побережья Черного моря. Береговая охрана свела к минимуму традиционные внешние связи, налаженные с соседними и другими странами.

Предложения Н.Н. Раевского, его попытки сближения с убыхами и их соседями с помощью широкого развития торговых отношений взамен, как он писал, «разбойничьей войны», связанной с большими жертвами, не получили (и не могли получить) поддержку как военного руководства - на Кавказе, так и самого императора. Генерала отправили в отставку за его взгляды на методы завоевания Северо-Западного Кавказа, хотя, в принципе, он поддерживал имперскую идею покорения Россией этого региона.

Убыхи и западные черкесы, отстаивая свою независимость, предлагали русскому императору идти на взаимное сближение с помощью развития торговых связей. В этом отношении показательно обращение представителей «демократических» племен на Северо-Западном Кавказе к императору еще в мае 1837 г. Представители этих племен отмечают, что более десяти лет находятся «в непрерывной войне с надеждой быть ни от кого независимым... чтобы черкесы с намерением убийства и грабежа не вступали в российские пределы, а россиянам удалиться от черкесов и более не вступать с войсками в наши земли и на сих условиях утвердить договор и возобновить мир и согласие. Объявляя о сем и вам, мы совершенно в том уверены, что дружба и согласие между нами водворятся года,

когда все войска ваши и крепости переведены будут за реку Кубань и торговлю со всеми племенами как водой, так сухопутною продолжали бы» (92, с. 114). В этом же обращении к императору имеются и такие слова: «силу и могущество свое вы показали более чем в семи королевствах, и не для вас одних всемогущий Бог создал все земли» (там же). Указанное обращение знаменательно тем, что предлагается установить мир и согласие между Россией и народами на Северо-Западном Кавказе с помощью свободных торговых отношений, соблюдая при этом условия независимости последних. Однако обращение представителей «демократических» племен, как, впрочем, и многие последующие, не повлияло на политику царского самодержавия - завоевание земель убыхов и их соседей путем военных действий, карательных экспедиций и выселения их с этнической территории на Северо-Западном Кавказе.

18. Религия убыхов до момента их выселения включает разные элементы - языческие, христианские и исламские.

18.1. Язычество. Многие источники XVII-XIX вв. сообщают о приверженности убыхов к своим древним языческим верованиям.

Эвлия Челеби в середине XVII в. свое сообщение о Черкестане, (т.е. о стране, населенной и убыхами) пишет: «Они не принадлежат к мусульманской, и ни к какой другой вере. Но да сделает Бог их многочисленными, эти горцы обладают прекрасными сердцами. Они не знают, что такое мусульманство, и что такое неверие, однако не препятствуют распространению мусульманства. Вот такие эти странные люди» (95, с. 88). В конце XVIII в. Ян Потоцкий, впервые отметивший отличие убыхов от черкесов, относит их к язычникам, хотя в этот период убыхский политеизм не мог существовать в чистом виде. Однако для религиозных представлений убыхов был характерен все же политеизм с его языческими верованиями, связанными с культом животных, деревьев, небесных тел и природных явлений.

Убыхи поклонялись разным божествам и покровителям. Убыхский пантеон включает наряду с *Уа*, *Уаба* (*Wa*, *Waba*) «бог» и божества *Уаишхъуа* (*Wašxoa*) «бог», «бог грома и молний», *Ахына* (*Aχəna*) покровитель рогатого скота», *Лъахатым* (*Laχatət*) «покровитель леса», букв. «лесной человек» и др. Название *Уа* (*Wa*) «бог» входит в исконно убыхский лексический фонд, функционально соответствует адыгскому *Тхьэ* (*Thä*) «бог». *Уаишхъуа* - скорее всего заимствование из адыгской мифологии.

Что касается покровителя *Ахын(а)*, то существует убыхско-адыгский миф о его функции и ареале распространения. Л.Я. Люлье, Н.Ф. Дубровин и другие авторы, в сущности, повторяют сведения Хан-Гирея об Ахыне. В Убыхии и Шапсугии существовали (а в Шапсугии еще существует) много священных рощ, носящих название этого покровите-

ля. В долине Шахе (в Убыхии) еще известны село *Ахынэ* там букв. «Ахынов квартал», *Ахынэ гьуэчІэгь* «Ахынова пещера».

Подробное описание Хан-Гиреем мифа о покровителе Ахыне включает сведения не только о самом обряде так называемой Ахыновой корове, но и о топонимике, родовых фамилиях, обществах убыхов. Хан-Гирей приводит (в несколько искаженной форме) убыхские слова и выражения, связанные с Ахыном: *Оббе! Я Ахин!* (Должно быть: *Я Уаба! Я Ахын!* - М.К.) «О бог, о Ахын!» (88, с. 113).

Убыхи придавали важное значение обряду жертвоприношения Ахыну. Путь самошествующей Ахыновой коровы проходил через убыхские общества Саше, Вардане, Дишан. Более того, местом жертвоприношения была Верхняя Убыхия - верховья р. Шахе, среди вековых деревьев, на которых висит разное оружие. «В старину почтение окрестных жителей к сему священному месту доходило до обожания: убийца преследуемый кровоместниками спасался, скрывшись под тенью Ахыновых деревьев. Около сих священных деревьев живет с незапамятных времен Берзеговой фамилии отделение Бабуков» (там же). К месту жертвоприношения убыхи шли с открытыми головами в праздничных одеждах и гнали множество черных жертвенных коз. Убыхи, сопровождающие Ахынову корову, ночевали у священного дерева, строго соблюдая пост: не ели и не пили до следующего дня, когда приносили корову в жертву божеству Ахыну. Вместе с Ахыновой коровой приносили в жертву и черных коз.

Описаны также детали обряда: жертву переносят несколько раз с места на место, при этом «там, где зарежут, не сдирают кожу, где снимут кожу, не раздробляют тело на части, и т.д.» (там же, с. 114). Под священными деревьями стоял огромный ковш с белым вином, который пили старшие перед молитвой. Жертвенное мясо варили в большом котле, установленном неким Едиком. Обряд сопровождался едой, винопитием и пляской без головного убора. Мясо Ахыновой коровы раздавали также домочадцам, а кожу, голову и ноги закапывали в землю на месте жертвоприношения.

В убыхской мифологии фигурирует Лъэпшь (ТIарс') «Тлепш» – бог кузнечного ремесла. Само название этого божества к убыхам перешло из черкесской мифологии, вытеснив из употребления исконно убыхское название.

18.2. Христианство обладает своими особенностями в Убыхии. Язычество, имевшее глубокие и устойчивые корни среди убыхов, сосуществовало с элементами христианства. Последнее распространяется среди приморских народов, в том числе убыхов в раннем средневековье. В проникновении христианства в районы Северо-Западного Кавказа важную роль сыграла Византия. Еще в начале IV в. христианство из Византии проникает в Боспор, а вскоре и на Северо-Западный Кавказ, т. е. на территории исторического рассе-

ления убыхов и черкесов. Известно, что опокрифические сказания V-VI в.в. включают сведения о крещении зихов, принимавших участие в формировании не только адыгского, но и убыхского этноса.

Другим путем проникновения христианства в Убыхию и Черкессию является Грузия. Хотя некоторые авторы оспаривают этот путь распространения христианских элементов среди приморских жителей Северо-Западного Кавказа, в его пользу имеются убедительные доказательства. Само слово, обозначающее «крест», заимствовано из грузинского языка; ср. адыг. *джор*, абхаз. *аджар*, <груз. *Swari* «крест». Другие христианские элементы (убых. *браскья* «среда», адыг. *бэрэскэ* в *бэрэскэжый* «среда», *бэрэскэшху* «пятница», восходящие к греч. *Paraskeu* «пятница») также считаются усвоенными убыхами и адыгами через грузинское посредство.

В течение продолжительного времени существовали тесные культурные, политические и экономические контакты между убыхами и абхазами. Посланец византийского императора абасг (абхаз) Ефрат ввел в Абасгии христианство еще в середине VI в. Христианская Абасгия, непосредственно граничившая с территорией исторического расселения убыхов, не могла не оказать влияния на последних. А с середины VIII в. влияние абхазской церкви (патриарх Иоанн), а позже (начало X в.) миссионерская деятельность абхазских царей и духовенства простираются к западным соседям – убыхам и черкесам. В XIII в. представители трех объединенных метрополей – Пицундской, Зихской и Аланской принимают участие в Константинопольском Соборе.

Имеются и другие сведения о времени принятия христианства убыхами и черкесами, входившими в этническое объединение на Западном Кавказе. По свидетельству Ф. К. Бруна, абхазы «приняли святое крещение около 550 г. стараниями императора Юстиниана; зихи же еще гораздо прежде обратились к христианству, коего следы донныне между ними сохранились» (3, с. 39).

И.Ф. Бларамберг, во многом предвосхитивший более поздние этнографические исследования убыхов и черкесов, отмечает у них христианскую религию по греческому обряду. В описании автора, считающего также убыхов черкесами, приводятся обычаи: деревянный крест на повозке или на скирде в знак неприкосновенности, праздники в честь Пресвятой Девы, праздник первого дня Нового года, зажигание свечек и моление перед дощечкой с полотенцем и кусочком воска, стоя на коленях и с непокрытой головой и др. Этот же автор рассказывает об обрядах, связанных с дохристианскими божествами молнии (и грома), лесов, огня, путешественников и стада (9, с. 149-150).

В Убыхии имело место борьба сторонников христианской религии с идеологией нарождающегося ислама. Представители убыхской знати, заинтересованные в принятии

ислама, начали его распространение, ослабляя позиции христианской религии, уничтожая ее традиционные символы. Дж. Белл писал в мае 1837 г. «В Саше идет большой спор относительно того, чтобы передвинуть несколько древних крестов, среди которых три особенно примечательны: один подвешен на дереве, два других установлены вертикально на земле, среди ряда других крестов; причем они все сделаны из железа, а некоторые даже позолочены. Большинство жителей требуют, чтобы их передвинули, боясь, что они попадут в руки русских, которые на этом основании могут заявить, что страна прежде была христианской; в то время глава Али Ахмет Бей, чрезмерно пьющий вино, никогда не замеченный в чтении мусульманских молитв и подозреваемый в симпатии к древней вере страны, протестует против осквернения этих реликвий предков, неизбежного при их перемещении, предпочитает защитить их там, где они сейчас находятся и настаивает на своем праве отдавать приказ об их неприкосновенности» (102, т. 2, с. 24). Хорошо известен и великолепный рисунок Ancient Pendent cross on the Hills of Sache («Древний висячий крест на холмах Саше»), приложенный ко второму тому книги Дж. Белла. Автор отмечает также религиозные различия между разными частями Убыхии – многочисленные следы христианства на юге страны, в отличие от горной Убыхии, где их гораздо меньше. Один облеченный властью местный житель объяснял Дж. Беллу, что для религиозных взглядов черкесов (в том числе убыхов) необходимы четыре книги: Библия (Пятикнижие), псалмы Давида, четыре Евангелия и Коран. Однако очевидно, что в конце 40-х гг. XIX в., когда англичанин находился среди убыхов и черкесов, указанные книги не имели повсеместного распространения в разных регионах Убыхии.

К.Ф. Сталь также считал, что христианство распространилось среди убыхов и черкесов из Византии и Грузии, хотя среди них оно не стало единственной религией. «Христианство явилось в горах только как новый обряд; оно действовало богослужением на чувства и воображение горцев, не перерабатывая проповедями, не касаясь их нравственных понятий» (76, с. 99).

Т. Лапинский (как и некоторые другие авторы) уверен, что убыхи и адыги приняли католическую веру у генуэзцев, после ухода которых сохранился только основной символ – крест. Этот святочитимый божественный символ автор видел вышитым или выплетенным даже в намазлык (коврик), на котором мусульмане читают молитву.

Другой автор (конец 30-х гг. XIX в.) писал: «Большинство праздников или уходят своими корнями в дохристианские времена и являются поэтому обрядами языческого происхождения; или же они оказались введенными лишь с началом проникновения христианской религии; или же видоизменились на христианский лад в процессе смешения религиозных верований... Все те места, где имеются изображения креста, считаются свя-

ценными. Большой частью это руины церквей. В предшествующие времена был распространен обычай выносить крест из разрушенных церквей и вешать его на большое дерево в какой-нибудь роще. С этих пор этому кресту поклонялись молодые воины, идущие в бой, и старейшины перед проведением народного собрания; преступники, которым грозила кровная месть, находили здесь убежище, и никто не мог здесь сделать ничего дурного» (3, с. 625-626). Такой большой крест, привязанный к дереву, изображен на указанном рисунке Дж. Белла.

18.3. Ислам не пустил глубоких корней в Убыхии. Почти все источники, касающиеся религии убыхов, сообщают о сравнительно недавнем времени распространения ислама и маргинальном характере его влияния на основную массу населения. Всего за несколько лет до выселения убыхов Г. Лапинский отмечает: «На юге страны адыгов, в Убыхии магометанство также не очень распространилось» (50, с. 89).

В этой связи характерно отношение убыхов к миссии Магомед-Амина. Последний добился значительных успехов не только среди абадзехов, но и среди части шапсугов и натухайцев – близких соседей убыхов. Прибыв к убыхам в 1850 г., наиб привел к присяге часть убыхов. Вместе с тем убыхи отказались от судопроизводства по шариату, предлагавшегося Магомед-Амином. Убыхи сохранили свой традиционный суд посредников, предпочитая свои веками сложившиеся обычаи.

Магомед-Амин встретил довольно жесткое сопротивление среди убыхов. Он сумел создать в Убыхии только единственное мекхеме... «там он нашел такую же холодную встречу, как и в горах Шапсугии... здесь (в Убыхии) Коран не получил широкого распространения» (там же, с. 218). Как только Магомед-Амин покидал мекхеме, убыхи восстанавливали свои традиционные порядки и даже прогоняли сторонников наиба, нередко разрушали общественные строения и мечети.

Назначение протурецкого убыха Безед-паши губернатором Убыхии сильно возмутило местное население, в том числе крестьян, что объясняется слабым влиянием ислама среди населения. Такое же положение ислама имело место незадолго до выселения и в районе Туапсе, входившем в сферу влияния убыхов. «Во всем Туапсе я не встретил ни одной мечети и ни одного имама; похоже, что жители вообще не знают никакой религии, но втайне они соблюдают греческо-языческие обряды» (там же, с. 288).

По свидетельству другого источника конца 40-х гг. XIX в., среди убыхов и черкесов религиозные рощи «продолжают оставаться объектами куда более реального и искреннего почитания, нежели мечети, а проводящиеся там празднества собирают куда больше народу, чем намаз» (3, с. 575).

«Черкесы и убыхы, - отмечает Н. Карлгоф, - считаются мусульманами, но настоящие мусульмане составляют незначительную часть народонаселения; это преимущественно люди, находящиеся в сношениях с турками по торговым делам и семейным связям; в большей же части народа, особенно в низших слоях, религиозные верования состоят из смеси остатков христианства и язычества» (42, с. 533).

Распространению ислама способствовали как усилия Османской империи, направленные на повышение его роли среди населения, так и военная экспансия царизма, заставившая убыхскую знать искать какую-то опору в мусульманской Турции. Однако, в целом «ислам оставался неким налетом» (106, с. 70).

Итак, среди убыхов еще до момента их выселения (1864 г.) ислам не получил широкого распространения. В традиционной культуре убыхов преобладали языческие и христианские элементы. В этом отношении убыхы, отличаясь от восточных черкесов (кабардинцев), среди которых магометанство начинает приобретать влияние еще в середине XVII в., сближаются с шапсугами и натухайцами.

19. Общественно-политическое устройство убыхов имеет много общего с социальной организацией адыгских «демократических» субэтносов – шапсугов, натухайцев и абадзехов. Связи убыхов с последними были настолько близкими и глубокими, что еще до своего выселения вся убыхская знать говорила также на черкесском (адыгском) языке. Все основные общественные объединения, съезды, союзы, акции и формы борьбы за независимость в период Кавказской войны были общими у убыхов, шапсугов, натухайцев и абадзехов.

Источники конца XVIII – первой половины XIX в. прямо указывают на отсутствие князей в Убыхии при наличии влиятельной группы узденей. «У них (убыхов – М.К.) нет князей, они подчиняются узденям и живут не в деревнях, а группами в три или четыре дома, разбросанных в лесах» (3, с. 239). Другой источник, относящийся к 30 гг. XIX в., также констатирует отсутствие князей в убыхском обществе: «Они (убыхы. – М.К.) не имеют над собою князя, но охотно подчиняются хорошему всаднику, хорошему воину, что в их понимании является свидетельством выдающихся способностей (9, с. 126). Указывая на отсутствие княжеского сословия в социальной организации убыхского общества, А. П. Берже дополняет предшественников: «Убыхы не имеют князей, но зато класс дворян у них многочислен и силен; главные из них Берзек и Дишан, не имея никакой признанной власти, пользуются, однако же, большим влиянием не только на свой народ, но и на остальных черкесов и джигетов» (7, с. 289).

В то же время Ф.Ф. Торнау указывает на общество Сочипсы, управляемое князем Али Ахметом Облагу, «происхождение которого от племени адыга» (77, с. 468).

По свидетельству Дж. Белла, во всех «демократических» обществах Черкесии (в ее состав автор включает и Убыхию) «дурное и хорошее более равномерно распределялось, чем это может показаться сначала». Автор делает даже сравнение Черкесии и тогдашней Америки: «В отношении правительственных форм сравнение между «демократией» цивилизованной Америки и Черкесией представляет яркий контраст: в первой стране бесконечно путанная организация получает свое решение почти непосредственно от чувств и страстей толпы, что составляет господствующий принцип; здесь же чувства и страсти толпы проходят сквозь опыт и мудрость всех старцев, которым все общественные дела после обсуждения поступают на заключение и решение согласно старым соблюдаемым обычаям справедливости» (3, с. 522). Механизм выборов представителей в правительство среди убыхов, натухайцев и шапсугов был следующий: 16 старейшин по 2 от каждого из 8 братств, включая маленькие братства в Убыхии (до Вардане), Шапсугии и Натухае. Все 8 братств равноправны, при этом на выборах отсутствовали имущественные и сословные критерии.

Дж. Лонгворт, также включающий Убыхию в состав Черкесии, отмечает, что большой совет, или меджлис – представительное собрание, имеющее характер верховной власти. Все убыхи и черкесы убеждены в том, что «это собрание по своей представительности и составу участников является подлинным выразителем народной воли, поскольку никакому другому органу они подчиняться не будут» (там же, с. 547). Господствующее влияние в народных собраниях раньше принадлежало представителям определенного племени или региона, но военная экспансия царизма привела к расширению их функций до общенациональных интересов, что превратило эти советы в руководящие органы. В «демократических» обществах Черкесии власть князей равна нулю, а там, где она действует, как в средние века, и не управляется высшей светской или духовной властью, «является скорее элементом, ведущим не к безопасности, а к беспорядкам» (там же, с. 559). «Демократические» общества создали добровольные и эффективные объединения, члены которых считают друг друга братьями. Члены братства связаны корпоративными обязательствами, затрагивающими их социальные и юридические интересы, что отличает братства от кланов – других горских народов. Члены братства, не признающие одного вождя, собираются не под знаменем племени, а «под знаменем какой-либо округи или водного источника». Даже собственность мужа после его смерти не достается жене, а переходит в собственность общества, которое распоряжается ею по своему усмотрению.

Касаясь собственности, Дж. Лонгворт пишет, что черкесы (и убыхи) «вообще не понимают, как за исключением непосредственного использования, кто-либо может предъявить исключительные права на землю; для них все элементы общие - земля и воздух,

огонь и вода - и любой из них можно иметь в необходимом количестве без каких-либо ограничений. Собственность здесь составляют руки и получаемый продукт» (там же, с. 555).

В Убыхии и Западной Черкесии по мере продвижения царской военной экспансии менялись и формы общественных объединений. После удаления из края второго наиба Сулеймана-Эфенди (1846 г.) «демократические» племена решили повысить роль народного собрания, наделить его вместо прежнего совещательного голоса властью, признать его распоряжения обязательными для каждого, организовать постоянное ополчение на содержание народа, поручить управление общинами старшинам, избранным населением и обязанными быть в подчинении народному собранию (42, с. 82).

Структура управления убыхского общества в 50 гг. XIX в. была динамичной в смысле адаптации к внешним политическим условиям, связанным с активизацией военных действий царского самодержавия. Осознание предстоящих катастрофических последствий колониальной войны не только для независимости своей исконной этнической территории, но и для самосохранения на своей исторической родине, заставляло убыхов и их традиционных союзников принять новые формы управления внутри сообщества и объединений.

Значительным событием в общественно-политической жизни убыхов, шапсугов, натухайцев и абадзехов не без основания считается Адагумское собрание, состоявшееся еще до появления на Северо-Западном Кавказе Магомед-Амина. Нельзя не согласиться с мнением В.Х. Кажарова, что это собрание, длившееся почти целый год (февраль 1848 - февраль 1849 г.), «сыграло выдающуюся роль в выработке у них единой системы управления» (38, с. 146) и фактически созданию убыхско-черкесской конфедерации.

Адагумское собрание упразднило неравенство местных единиц в этом органе власти, установило новое деление всей территории на равные общины из сотни дворов. Подобная община составляла «маленькую независимую республику, и вся страна есть федерация таких маленьких республик. Эта федерация тем более сильна, что жители юнэ-из (фамильных дворов. - М.К.) крайнего запада или севера состоят в родстве с жителями юнэ-из крайнего востока или юга, и это родство высоко и свято ими почитается. Каждый юнэ-из посылает на совещание страны или народности двух выборных. Внутри каждая сотня дворов делится на десятки дворов, и 10 представителей образуют с имамом совет и суд своего юнэ-из» (50. с. 78).

Другое административное деление опиралось на организацию управления по долинам рек. На советы, военные собрания и суды избирались по двое старшин от племени - как представители всех жителей долины. 16 старшин с двумя судьями во главе составляли совет и суд жителей, живущих на реке дворов. Существование разных форм представи-

тельных органов, определяемых их задачами и составом выборных членов, отражает своеобразие социальной организации убыхских и черкесских «демократических» обществ 30-40 гг. XIX в.

Убыхская хаса, ее функции и особенности, видоизменения в разные периоды истории XVIII - первой половине XIX в. мало чем отличается от хасы у черкесских «демократических» племен шапсугов, натухайцев, абадзехов. Это объясняется как их глубокими историческими, генетическими и культурными связями, так и общими военно-политическими задачами, возникшими перед ними в период Кавказской войны. Само слово *хаса* (*Хаса*) убыхи заимствовали у западных черкесов и обозначало «совет», «совещание», «собрание», «съезд». Естественно, что содержание слова менялось в зависимости от конкретно-исторических условий, контекста времени, а также жанра устно-поэтического наследия (например, убыхский вариант нартских эпических сказаний). В разных источниках по убыхскому языку термин зафиксирован в разных формах - *хаса*, *хъашъа*, *хашъа*. Первый вариант - хаса признан Тефвиком Есенчем, наряду с хаса имеются собственно убыхские слова *зауак'ьадж* (*zawak'az*), *захъ'абзы* (*zaxa'abzə*) «собрание», «совещание». Но заимствованное хаса из западных диалектов адыгского языка (при наличии исконных убыхских слов) показывает общность основных понятий, связанных с историей представительных учреждений в Убыхии и Западной Черкесии в XVII – первой половине XIX в.

Показательно подробное описание народного собрания убыхов А. Фонвилем накануне их выселения в Турцию. Автор, живший в убыхской долине Вардане, присутствовал на народном собрании, где на обширном плато собрались около 4 тыс. человек. Водворилась мертвая тишина и открылось собрание. Первым дали слово Исмаил-бею, хорошо известному в Убыхии человеку. После выступления он ответил на возражения, затем выступили другие. «Ораторы сменяются, собрание волнуется, поднимаются разные вопросы, возбуждаются споры. Нам уже приходит мысль, что прениям этим никогда не будет конца, как вдруг, как бы по мановению жезла, снова восстанавливается мертвая тишина. Эта сцена повторяется несколько раз, и таким образом, в продолжение двух часов мы были свидетелями, так сказать, натурального парламентаризма» (85, с. 12). Затем торжественно объявили постановление собрания, согласно которому призвали к оружию всех убыхов в самый короткий срок, а каждый аул обязали выставить одного экипированного воина и кормить его в продолжение всей кампании. После решения общественно-политических вопросов собрание приступило к разбору частных дел, в том числе, судебных, по которым также был вынесен приговор. Эти собрания, отмечает автор, - «единственная власть в стране, потому что начальники, хотя вообще и очень уважаемые, не имеют, однако, ника-

ких прав. Все свободные черкесы, богатые и бедные равноправны и одинаково подчиняются постановлениям и решениям народных собраний» (там же, с. 12-13).

Кульминацией событий и развития социально-политической организации убыхов и западных черкесов в период их совместного сопротивления царскому самодержавию явилось создание в июне 1861 г. меджлиса – государственного образования во главе с убыхским харизматическим лидером Хаджи Керендуком Берзеком. Основанный на административно-политической реформе и принципе территориального устройства Убыхии и Западной Черкесии, меджлис ставил новые военно-политические и дипломатические задачи на самом трудном и сложном этапе борьбы убыхов и черкесов за независимость (о чем см. ниже).

Основную часть убыхского населения составляли свободные общинники *уарышуы* (*warəš'ə*). Они относились к непосредственным производителям, занимавшимся также торговлей. Многие из них становились состоятельными людьми, владельцами собственных торговых судов, курсирующих вдоль Черноморского побережья.

Выше уарышуы стояли представители социальной группы *к'уаишх'а* (*ko' ašha*). Г. Фогт толкует значение этого слова, как «человек второго социального класса, мелкое дворянство» (125, с. 134). Уарышуы соответствует слову *фэк'буэл*, а *к'уаишх'а* – слову *уэрк'у* у черкесских «демократических» субэтнотрофов.

К группе *к'уаишх'а* относились известные лидеры из родов Берзек, Дишан и др.

Некоторые авторы отмечают, что рабы составляют значительную часть убыхского населения. По мнению тех же авторов, наличие большого числа рабов объясняется географическим положением Убыхии, где удобнее было держать невольников в изоляции от внешнего мира. В то же время, когда Т. Лапинский пишет о четвертой части убыхского населения, состоящей из рабов (50, с. 104), он не различает рабов и крепостных. Тот же автор сообщает о некотором привилегированном положении рабов в Убыхии. «Не следует связывать представление о положении раба со значением, придаваемым обычно этому слову... Раб работает не больше, а часто еще меньше своего господина. Он вооружен, и его движимое имущество является его собственностью. Семья раба имеет собственное жилище, часть поля для собственного пользования, и часто рабы владеют значительным количеством лошадей, волов, овец и коз. Владелец не может обращаться с рабом по своему произволу, а этот имеет право привлекать своего господина к суду и подавать на него жалобу. Если он не может выдержать угнетения своего хозяина, то со всей своей движимостью и имуществом переходит к соседу и находит у него защиту до окончания процесса» (там же). Если свободный женится на рабыне, то она и ее дети становятся свободными. Другой автор, называющей убыхов черкесами, пишет: «Рабство, как мы понимаем это

слово, здесь не существует, и не этот термин следовало бы употреблять, говоря об условиях, в которых находится низший слой в Черкесии» (3, с. 478).

20. Военная организация. Защита своей родины на Черноморском побережье, где с давних времен сталкиваются стратегические интересы больших колониальных стран, требовала постоянной готовности к борьбе, к военным действиям. Кто мог держать оружие, был воином в Убыхии. Еще Э. Спенсер, также относивший убыхов к черкесам, писал: «Партизанская система пустила такие корни на Кавказе во время длительной борьбы между черкесами и их соседями, что она достигла высочайшей степени совершенства» (75, с.41).

Убыхи имели собственную систему военной подготовки, традиционный арсенал тактических действий, постоянные и определенные предписания относительно обязанностей и исполнения военного долга. Отнюдь не случаен тот факт, что в совместных военных действиях с черкесами и садзами лидерами оказывались убыхи – Берзеки или другие убыхские предводители. Убыхскому военному искусству С. Т. Званба посвятил еще в середине XIX в. специальное исследование, содержащее ценнейшие сведения не только о военной организации, но и об этнографии убыхов (30).

Перед выступлением в поход убыхи избирают предводителя. Им может быть только человек известный своей храбростью, а его социальное положение не имеет никакого значения. Предводитель должен иметь опыт, пройдя путь от простого воина до начальника небольших партий (10-12 чел.), быть физически сильным, примером мужества и порядительности. Во время похода и военных действий предводитель пользуется неограниченными правами, ему беспрекословно повинуются все члены отряда независимо от происхождения и социального статуса. Но власть его кончается с окончанием похода или боевых операций (там же).

От участия в боевых действиях никто не отказывается, отряд включает от 800 до 3000 воинов. Каждый воин имеет необходимую одежду, провизию на месяц и более, а в зимнее время – еще пару лыж. В ближних походах не берут ни лошадей, ни вьючного скота, а все необходимое воин несет на себе. От этого не освобождается никто, даже дворяне.

В отряде каждая деревня имеет свое отделение – от 10 до 100 воинов, своего старшину, четко выполняющего указания предводителя. В отделении имеются также кашевары, дровосеки, строящие шалаши, мосты, расчищающие дороги. Все едят вместе из общего котла, пища убыхского воина состоит из крутой пшенной каши, супа с мясом, сильно приправленного перцем. Этот суп особенно полезен и нужен в зимних условиях.

Предводитель назначает авангард и арьергард, а сам следует в авангарде. Для ночлега выбирается труднодоступное место. При этом, ночной караул несет службу. Если

сильная непогода, отряд может остаться на месте несколько дней, даже несколько недель – все это предусмотрено тактикой подготовки к боевым операциям. Убыхи начинают боевые действия и нападения в ночное время, за полчаса до рассвета, причем отряд делится на три части; первые две состоят из самых отборных и отважных воинов, предназначенных для штурма, а третья часть – резерв. Первые две части делятся на три группы – авангард, арьергард и группа для непосредственного захвата.

После завершения операции убыхи организованно отходят, бывший при штурме авангард на этом этапе превращается в арьергард, удерживая натиск противника.

«С пленными, - пишет Н. Дубровин, - убыхи поступали человеколюбиво, давали им свою одежду и обувь, при остановках на ночлег и дневку отделяли мужчин от женщин, поручали последних надзору добросовестного старика и в помощь ему назначали караул. Лекарь осматривал раненых и убитых. Обязанность носильщиков считалась почетной и от нее никто не отказывался» (26, с. 175)

По окончании военных действий все расходились по домам. Убыхи строго соблюдали особую форму сообщения родственникам об убитых. Один из вернувшихся воинов подходил к дому убитого, поднимался на возвышенное место и звал его родственников: «Вернулся ли такой-то из похода?» – спрашивал он. Это ритуальное обращение не требовало ответа на вопрос, а означало известие о гибели воина. Сразу же после печального вопросительного возгласа начиналось всеобщее оплакивание.

II. Убыхское сопротивление

Вхождение разных регионов исторической Черкесии в состав России проходило по-разному и в разное время. Если по Кючук-Кайнарджийскому договору между Российской империей и Османской Турцией в 1774 г. Кабарда была признана частью России (хотя окончательное покорение Кабарды произошло намного позже), то Западную Черкесию (шапасуги, натухайцы, абадзехи, убыхи и др.) царизм считал принадлежностью своей империи со дня подписания Адрианопольского договора 1829 г. Указанные договоры разделяют 55 лет. Однако, как увидим ниже, покорение Западной Черкесии, в том числе Убыхии царской Россией, завершилось отнюдь не в 1829 г., а гораздо позже – в 1864 г., т.е. спустя 90 лет после Кючук-Кайнарджийского договора. Отсюда не только временные параметры, но и тактика и стратегия царизма, а также во многом последствия Кавказской войны различны для народов с субэтнотосов, населявших историческую Черкесию, хотя эта крайне жестокая война сопровождалась всюду поголовным или массовым изгнанием убыхов и их соседей. Царское самодержавие расчленило единую Черкесию, значительно ранее покорив Кабарду. Этим царизм лишил с самого начала борьбы и до конца Кавказской

войны черкесов (адыгов) единого центра и общего высшего руководства, что типично для тактики ведения колонизаторских войн. Кроме того, царское самодержавие умело воспользовалось традиционными слабостями части кабардинской знати, готовой использовать царские войска не только против соперников из числа соседних народов, но и внутри Кабарды, ее отдельных княжеств. Извечный закон колонизаторов «разделяй и властвуй» царизм реализовал в Кабарде даже раньше, чем в других регионах Кавказа. Все это не могло также отрицательно повлиять на ход событий и конечные итоги Кавказской войны для черкесов, хотя в основе их трагедии лежат более важные факторы – цели, задачи и методы войны имперского самодержавия в отношении Черкесии, Убыхии и Джигетии.

До конца первой четверти XIX в. самодержавная Россия не вела активной борьбы с убыхами. Русское командование на Кавказе было занято покорением других кавказских народов. Присоединение Грузии к России имело место еще в 1801-1804 гг., а Абхазского княжества – в 1810 г. Покорение Кабарды завершилось, в сущности, в 1825 г., сопротивление Шамиля затянулось, но оно завершилось летом 1859 г.

По Адрианопольскому трактату к России отошла огромная территория Черноморского побережья, в том числе Убыхия, ранее находившаяся под покровительством турок. Хотя убыхи и черкесы справедливо заявили, что турки не могли отдать другой стране то, что им никогда фактически не принадлежало, царская Россия получила выгодные условия и приступила к реализации своих имперских планов на Северо-Западном Кавказе. Адрианопольский договор, заключенный за спиной убыхов и черкесов, был использован Россией и позже – на Парижском конгрессе для свободы действия на Северо-Западном Кавказе. С конца 20-х гг. XIX в. фактически начинается осада убыхов и их прибрежных соседей. Их осадное положение продолжалось с некоторыми паузами (например, в период Крымской войны) до 1864 г. – окончания Кавказской войны и выселения убыхов в пределы Османской Турции.

В 1829 г. карательная экспедиция генерала Г.А. Эмануэля разорила абадзехов – очень близких по языку и культуре соседей и родственников убыхов. Вот что об этом сообщает источник: «Набег этот памятен за Кубанью. Карачаевцы, башильбаевцы, беглые кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы и абадзехи понесли огромные потери. Вся страна от верхней Кубани до р. Курджипса была предана пламени. 210 деревень, огромные запасы хлеба и сена уничтожены, значительная баранта захвачена. Абадзехи были доведены до такого крайнего положения, что за съестные припасы променивали у нас табуны, стада и предлагали детей» (76, с. 164). Этот же генерал осуществил в январе 1830 г. против шапсугов экспедицию, в ходе которой было истреблено 22 аула (За эти и другие «подви-

ги» Николай I наградил генерала Эмануэля 6000 дес. земли, пожаловал их в вечное владение).

На южных рубежах в начале 1830 г. генерал Гессе начинает осуществление плана главнокомандующего на Кавказе И.Ф. Паскевича – овладение побережьем Абхазии и установление сухопутного сообщения через Убыхию между Сухумом и Анапой.

Убыхи не могли не видеть надвигающейся угрозы. В августе 1830 г. убыхи во главе с Хаджи Берзеком предприняли штурм только что возведенного форта в Гагре. «Такое упорное сопротивление заставило генерала Гессе отказаться от дальнейшего продвижения к северу. Таким образом, береговая полоса между Гагрой и Анапой благодаря стойкости садзов, убыхов и других племен осталась свободной от царских войск» (37, с. 172).

Сопротивление убыхов усиливается с началом строительства русских береговых укреплений и фортов непосредственно в их стране и на сопредельных территориях.

Укрепление Св. Духа было сооружено высадившимся 18 июня 1837 г. у Адлера Отдельным Кавказским отрядом генерала Г.В. Розена. Навагинское укрепление построено в устье р. Сочи в апреле 1838 г. отрядом А. М. Симборского. Форт Головинский в устье р. Субаш закладывается отрядом Н.Н. Раевского в апреле 1839 г., а в июне того же года начинается строительство Лазаревского. Все эти береговые укрепления и форты оказались в самой Убыхии или в районах, входивших в традиционную сферу влияния и интересов убыхов.

Строительство укреплений в земле убыхов не оставило у них никаких сомнений в том, что предстоит тяжелая борьба за независимость страны. Военные укрепления нарушили сложившуюся береговую торговлю убыхов с внешним миром и создали условия для проникновения царских войск во внутренние районы страны, в том числе Горной Убыхии, наиболее защищенной части страны. Убыхи начинают упорное сопротивление, длившееся до самого окончания Кавказской войны. «Отряд, который встретили царские войска в земле убыхов, был настолько стремителен и решителен, что русскому командованию приходилось постоянно пополнять гарнизоны вышеуказанных трех укреплений (Головинского, Навагинского и Святого Духа. – М.К.), не думая о продвижении вперед, а беспокоясь лишь о том, как бы не потерять занятые береговые пункты. С самого начала возникновения Черноморской береговой линии царские генералы убедились в том, что наиболее сильным противником на побережье были убыхи» (80, с. 144).

Когда в 1837 г. многочисленный отряд А. М. Симборского овладел «маленьким клочком земли на месте теперешнего Сочи» (47, с. 5), начинается активная фаза убыхского сопротивления. «24 апреля, т. е. на второй день после закладки крепости, русские войска подверглись такому жестокому штурму со стороны черкесов (убыхов. – М.К.), что

первоначально были выбиты из своих позиций и сброшены вниз к реке, но затем, хотя и с трудом, вновь заняли свое укрепление» (там же, с. 9).

В Убыхии бухта Сочи, как отмечалось выше, считалась одной из лучших якорных стоянок побережья для больших судов, в том числе, торговых, что имело жизненно важное значение для убыхской экономики. Это хорошо понимало и царское военное командование, стремившееся лишить убыхское население лучшей якорной стоянки в их стране.

Во главе убыхского сопротивления стояли Берзеки. Хаджи Догомуко Берзек (Хаджи Берзек) и его племянник Хаджи Керентук Берзек настолько были влиятельными среди убыхов и их соседей (черкесов и джигетов), что русское военное командование объявило в июле 1839 г. награду за голову Хаджи Берзека. За подписью генерала Н. Н. Раевского было разослано обращение: «Берзек Хаджи посеял среди населения и распространил ложные известия, что султан и английский король идут на помощь черкесам; со своей стороны я заявляю всему населению, что тому, кто отрубит ему голову и доставит ее мне, отдадут тысячу монет серебром; кто отрубит голову Берзеку Хаджи, пусть сразу же придет в один из наших фортов, где имеется уже указание, ему в течение часа отдадут в руки тысячу рублей серебром» (102, т. 2, с. 459).

Объявленная награда не помогла царскому военному командованию. Позже легендарный Хаджи Берзек (его Дж. Белл называл черкесским Вашингтоном) возглавил штурм черноморских береговых укреплений в Убыхии и за ее пределами. 70-летний Хаджи Берзек в 1841 г. в бою с войсками генерала И. Р. Анрепа потерял четверых сыновей. О влиянии Берзеков среди горцев неоднократно писали царские генералы в своих рапортах военному командованию. Последнее особенно было обеспокоено высоким авторитетом убыхских лидеров среди абхазских джигетов (садзов). А связи абхазов с Убыхией, с ее основным лидером охватывали даже семейные традиционные отношения: владетель Абхазии Михаил Шервашидзе (Чанба) воспитывался в доме Берзеков (34, с.32). В сфере влияния убыхов, их лидеров длительное время находились абхазские джигеты.

«С присоединением Абхазии к России Джигетия, хотя и находилась в сфере русского влияния, но примеру абхазцев не последовала... Джигеты, отрезанные от остальной Абхазии, невольно попали под сильнейшее влияние убыхов, самых непримиримых противников русских на всем побережье. С того времени началось непрерывное нападение джигетов вместе с убыхами или джигеты в отдельности как на Гагры, так и на Пицунду, то сушей, то морем» (там же, с.25-26) Убыхи во главе с Берзеками принимали также участие во внутриабхазских делах, активно поддерживая племена, более решительно настроенные за отстаивание своей независимости.

После смерти Хаджи Берзека лидером убыхского сопротивления становится Керендук Берзек, позже ставший главой меджлиса – правительства Черкесии.

Царская Россия придавала огромное значение завоеванию Убыхии, зная как трудности доступа к ее территории (особенно горные части), так и стойкое сопротивление ее жителей военной экспансии самодержавия. Источники неоднократно отмечали самоотверженность убыхов в борьбе за независимость своей страны. «Убыхи славятся в горах храбростью, физической силой и красотой. Все горцы отдают им первенство, и потому они пользуются большим уважением и даже властью. Мужественное сопротивление десантным войскам на Соче и Субаши известно на всем Кавказе. Убыхи суть самое сильное племя в этой части Кавказа не по числу, а по воинственности, своей неприступности их страны... влияние убыхов так сильно, что нынешний год при неоднократных переговорах начальника береговой линии с другими племенами он слышал только одно: убыхи не позволяют» (68, с. 272-273).

Особенно тяжелыми были для убыхов бои с десантными войсками на Шахе. В высадке на Шахе (Субаши) приняли участие крупные военные силы самодержавия, а ее подготовка и заключительный этап были обставлены с расчетом на показной и внешний эффект. В военной историографии XIX в. высадка на Шахе занимает заметное место. Существует разные описания события его непосредственными участниками.

Высадку возглавил начальник Черноморской береговой охраны генерал Н.Н. Раевский. В ней участвовали адмирал М.П. Лазарев, многие известные офицеры, представители дворянства: М.М. Нарышкин, А.И. Одоевский, А.А. Апраксин, Н.И. Лорер, Г.И. Филиппсон, Л.С. Пушкин (младший брат поэта), К.К. Данзас (секундант поэта), В.Н. Лихарев, И.А. Загорецкий, А.И. Черкасов, Г.Г. Игельстром и др. Некоторые из них были декабристами и хорошо знакомы Н.Н. Раевскому. А.И. Одоевский, вскоре скончавшийся в Убыхии, еще в Сибири посвятил известное стихотворение сестре генерала Раевского - княгине М.Н. Волконской. Н.Н. Раевский специально пригласил художника И.К. Айвазовского, чтобы победу русского флота на убыхском берегу запечатлеть на картине.

«На этот раз, - пишет участник десанта Н.И. Лорер, - Раевский вносил русское оружие в землю убыхов, племя самое воинственное, и по всему заметно было, что нам не дешево достанется это святое место, как сами горцы его называют. Рано утром с адмиральского корабля выстрел возвестил нам, что флот готовится к десанту. Вскоре на лодках стали высаживаться на берег, под прикрытием своих кораблей, которые над нашими головами посылали со всех бортов кучи ядер, так что только грохотало эхо, и лес на побережье с треском валился, как скошенная трава... Едва мы сделали несколько шагов, вслед за стрелками, как из лесу показалась масса конных убыхов, тысяч до трех, и с страшным ги-

ком кинулась на нас с поднятыми шашками. Мне кажется, что я никогда не забуду страшного впечатления, произведенного на нас этой неожиданной атакой» (там же, с. 641-645).

Другой участник события Г.И. Филипсон, назначенный начальником штаба, подробно описывает события, связанные с высадкой многотысячного отряда на р. Шахе, а также указывает потери с обеих сторон. Войска для высадки собрались в Тамани 27 апреля; туда же пришел и флот под командой М.П. Лазарева. 3 мая военная эскадра подошла к берегу на пушечный выстрел, против устья реки Шахе, в Убыхии. «Можно было предвидеть, что сопротивление десанту будет гораздо сильнее, чем бывало до сих пор... Еще баркасы не успели отвалить с берега за вторым рейсом, как в глубине долины показалась густая масса убыхов, укрывшихся от морской артиллерии за изгибом местности. Неприятель двигался беглым шагом, но без суеты, не стреляя и с обнаженными шашками, вдоль полосы леса на середину нашей линии... Убыхи были на открытой равнине, лес был в наших руках, и потому их положение было очень неудобно. Потеряв много убитых и раненых, они однако же, отступали в порядке и несколько раз бросались в шашки... В этом деле у нас были ранены три офицера, а нижних чинов раненых и убитых было до 50; убитых горцев осталось в наших руках 108 человек; раненых они унесли» (68, с. 298-300).

Несколько иные сведения о потерях дает адмирал М. П. Лазарев, который также описал десант на р. Шахе: «Едва только успели наши построиться на берегу и передовые стрелки бросились наперед, как черкесы открыли чрезвычайно сильный огонь и с величайшим остервенением бросились в шашки. Тут рукопашный бой продолжался с полчаса времени; наконец, подоспела артиллерия, открыла огонь, но и тут черкесы в остервенении бросились на орудие... К вечеру место было занято, поделены засеки и на ночь оставались спокойно. Ты ведь знаешь, что черкесы убитых всегда уносят с собою и даже подвергаются при таковых случаях величайшей опасности, лишь бы только не оставить своих в руках неверных; но при этой стычке не было для них так удачно, как прежде, и оставили на месте 48 тел, из которых один был тяжело ранен и умер на другой день. Надо полагать, что всего убитых и раненых у них было очень много, судя по тому, как они их утаскивали с собою; но у нас из фронта убыло 128 человек, из коих три офицера и одиннадцать рядовых убито, в том числе и наших два матроса, а остальные ранены (там же, с.386-387).

Художник-маринист И. К. Айвазовский, непосредственно следивший с адмиральского линейного корабля за военными действиями семитысячного отряда против намного уступавшим ему по силам убыхов, погибавших в неравном бою, добросовестно выполнил просьбу командующего Береговой линией. Художник даже оставил рассказ о высадке десанта на Шахе и написал известную картину «Высадка отряда Н.Н. Раевского у р. Шахе и Субаши 3 мая 1839 г.», позже приобретенную Николаем I.

После взятия Субаши был возведен форт Головинский (по имени генерала Е.И. Головина). В завоевании Убыхии и Западной Черкесии царское командование придавало большое значение береговым укреплениям, хотя последние строились наспех и не всегда могли служить надежным местом защиты. Простые солдаты, находившиеся в них гибли от голода, болезней и непривычного климата. Например, гарнизон из 922 человек укрепления Святого Духа полностью вымер за 5 лет. И хотя береговые укрепления играли важную роль в борьбе с убыхами и черкесами, в их изоляции от внешнего мира, в особенности от торговых связей с Турцией, они не принесли желаемых результатов.

Борьба убыхов и соседних черкесов усилилась в связи с неурожаем и сильным голодом в 1840 г. Береговые укрепления создавали блокаду аулов, служили преградой для торговли, спасавшей жителей побережья в годы засухи и неурожая. Начались упорные и стремительные штурмы береговых укреплений и фортов убыхами совместно с черкесами под руководством Хаджи Берзека. Его первые наступательные действия в начале 1840 г. завершились взятием фортов Лазаревского 7 февраля, Головинского - 27 февраля, Вельяминовского - 29 февраля, Михайловского - 22 марта, Николаевского - 30 марта. В марте убыхи штурмовали также укрепления Святого Духа и Навагинское на р. Сочи. Убыхи и соседние черкесы находились в тяжелейших условиях, вызванных голодом неурожайного года. Выход из положения они видели, прежде всего, в ликвидации русских береговых укреплений, прервавших торговые сношения с другими странами. Кроме того, с самого начала для убыхов и их соседей сооружение береговых укреплений и фортов было очевидным признаком открытой завоевательной политики царизма на Северо-Западном Кавказе.

Убыхи и черкесы вели борьбу за выживание, а царское командование - за удержание своих позиций в регионе с помощью береговых укреплений и сторожевого флота, блокировавшего Черноморское побережье. Потери с обеих сторон были огромные. Достаточно сказать, что при взятии Вельяминовского форта убыхи и черкесы потеряли 900 человек убитыми и ранеными, а царский гарнизон «после ожесточенного сопротивления пал весь в бою с горцами» (13, с. 15). 26 мая при штурме Абинского укрепления горцы потеряли убитыми и ранеными до 2 тысяч человек (95, с. 7). Широко известен поступок (о нем много писали) рядового 1 гвардейской роты Тенгинского пехотного полка Архипа Осипова, взорвавшего при взятии убыхами и черкесами укрепления Михайловского пороховой погреб. Вместе с рядовым солдатом и остатками гарнизона погибли также многие убыхи и черкесы. В массовом порядке погибали как простые русские солдаты за захватническую войну крепостнического самодержавия, так и убыхи и черкесы за право существования и продолжения жизни на своей этнической родине. Как известно, позже идеологи Кавказ-

ской войны, отказавшись от укреплений, разработали новую программу покорения Западного Кавказа, в том числе Убыхии.

Взятие и разрушение береговых укреплений убыхами и соседними черкесами под руководством Хаджи Берзека получило широкий резонанс среди военных на Кавказе. Самодержавие потеряло то, что строило на Западном Кавказе в течение многих лет. «Это неожиданное событие, - отмечает очевидец, - произвело тяжелое впечатление на всех, особенно на Н.Н. Раевского» (86, с.140). Обострились и без того сложные отношения между Н.Н. Раевским и командующим войсками на Кавказе П.Х. Граббе. Последний давно противодействовал Н.Н. Раевскому, расходясь с ним во взглядах на способы завоевания Северо-Западного Кавказа. Командир Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головин обвинил Раевского в том, что он оставил Абхазию без защиты, береговую линию - без укомплектования. Последовал резкий ответ, за что начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский получил Высочайший выговор, после чего, ему пришлось уйти в отставку. Военное командование на Кавказе предпринимало особые усилия, направленные на ослабление связей убыхов с Абхазией. Для этого оно тщательно собирало сведения об убыхско-абхазских контактах, использовало наиболее лояльных к России абхазских и убыхских лидеров. Еще в апреле 1840 г. (до своей вынужденной отставки) генерал Н.Н. Раевский получил жесткие указания от военного министра А.И. Чернышева направить карательную экспедицию к убыхам, «жечь и уничтожать их посевы, жатву и запасы».

Действия убыхов в Абхазии всегда находились в центре внимания Н. Н. Раевского, который считал, что для нейтрализации влияния убыхских лидеров среди абхазов недостаточно власти владетеля Михаила Шершвашидзе. Генерал в своем рапорте министру подчеркивает необходимость более решительно организовать борьбу против убыхов, указывает на невозможность защищать Абхазию до тех пор, пока убыхи поддерживают абхазских джигетов. Начальник береговой линии предлагает немедленно принудить джигетов к покорности, а затем, используя объединенные силы джигетов и Абхазии действовать против убыхов. Отлично зная влияние последних на абхазские племена, а также опасаясь восстания абхазов против своего владетеля, Н.Н. Раевский в октябре 1840 г. сообщает, что в Абхазии часть народа готова восстать против владетеля и присоединиться к убыхам (37, с. 173). По его свидетельству, Хаджи Берзек готовился войти в сношения с цебельдинцами и дальцами (чтобы найти союзников в тылу Абхазии), а также наказать цандринских князей, вступивших в русское подданство. Дальцы же готовились к борьбе и ждали от убыхов 1000 воинов, которых им обещал прислать на помощь убыхский лидер.

Появление осенью 1840 г. Хаджи Берзека с 2500 убыхов на берегах Бзыби, его гонцов среди дальцев в ущелье Кодора, глубокий рейд убыхского отряда Керентука Берзека

по Бзыбской Абхазии в феврале 1841 г. в ответ на карательную экспедицию полковника Н. И. Муравьева в Цебельду и Дал (дальцы были приведены к покорности и выселены в Цебельду, а их жилища и зимний запас продовольствия сожжены) оставались объектом повышенного внимания царских генералов на Западном Кавказе.

В 1840 г. генерал Н. Р. Анреп организовал карательную экспедицию в Убыхию. Некоторые авторы писали, что экспедиция имела важное влияние на соседние племена, разрушив прежнюю славу убыхов и поколебав их могущественное влияние на них. Экспедиция Анрепа принесла немало бед убыхам, но мнение об ослаблении влияния убыхов среди участников сопротивления было явным преувеличением. Об этом свидетельствуют последующие события, связанные с влиянием, лидерством убыхов вплоть до 1864 г. среди соседних народов Северо-Западного Кавказа. Несколько забегая вперед, отметим, что спустя 12 лет (в 1852 г.) убыхский отряд в составе 3000 воинов совершил рейд в долине Аура, в 12 километрах от Бамборы, а под влиянием убыхов в 1857 г. разгорается восстание в горной Абхазии, садзские племена штурмуют Гагринское укрепление (там же, с. 174).

В мае 1841 г. убыхи во главе с Хаджи Берзеком встретились с новым начальником береговой линии генералом Н. Р. Анрепом для переговоров. В них принимал участие также Михаил Шервашидзе и некоторые «почетные абхазские дворяне». Переговоры не дали результатов из-за старых разногласий между Али Ахметом и лидерами убыхских обществ Вардане и Шахе, сторонниками более жесткой борьбы за независимость Убыхии.

В этой связи следует отметить одностороннее освещение многими авторами деятельности Хаджи Берзека в отношении к России. Этот лидер сопротивления в историографии XIX в. изображается как жесткий противник переговоров и сближения с русскими. Действительно, Хаджи Берзек вел активную борьбу за независимость убыхов и соседних прибрежных народов, пользовался огромным авторитетом среди них. Вместе с тем Хаджи Берзек прекрасно знал силу и мощь России, видел с кем он и его народ ведут борьбу за сохранение независимости страны. Убыхский лидер не выступал против мирного и экономического сближения с Россией. В этом отношении показателен ответ Хаджи Берзека на «декларацию» русских, посланную из лагеря Саша (Сочи) 6 мая 1838 г. В «декларации» говорится, что «согласно Адрианопольскому договору, только что заключенному русским правительством с Оттоманским правительством, вы должны находиться под покровительством и подчинении России, так как это условие было принято и утверждено Оттоманским двором» (102, т. 2, 435). Ответ убыхского лидера гласит, что страна, которая никогда не принадлежала Турции, не могла быть отдана другой стране. Хаджи Берзек пишет: «Все, о чем мы просили вас, это эвакуировать построенные крепости на черкесской

земле. Мы останемся тогда на линии наших границ и ни один из нас не будет воевать с вами и мы будем жить добрыми соседями» (там же, с. 442).

Более того, Хаджи Берзек был готов принять покорность России на условиях мирного сосуществования с ней. Тот же генерал Н. Р. Анреп отмечает, что на упомянутых переговорах Хаджи Берзек, который находился в давних дружеских отношениях с владельцем Абхазии, выслушав обещания последнего, «дал ему слово, что не будет противиться даже покорности убыхов, если они на оную решатся». О Керендуке Берзекке, более жестком в переговорах, чем его дядя Хаджи Берзек, генерал Анреп пишет, что он показался ему «человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас полезным».

Хотя царские генералы хорошо понимали роль и место убыхов, их лидеров в сопротивлении народов северо-западной части Кавказа, среди военного командования не было единства в методах покорения и завоевания этого кавказского региона.

Н.Н. Раевский, не скрывая своих позиций относительно политики царизма на Кавказе, писал: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами. Но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицара и Кортца. Дай бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобного тому, который оставили эти завоеватели в истории Испанской» (4, т. 9, с. 505). Он отмечал, что царские генералы и военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких людей» (68, с. 342). Еще 15 февраля 1840 г. П. Х. Граббе писал А. П. Ермолову: «Что касается до Раевского, я вынужден этого... (при печатании выпущено какое-то резкое слово) вывести на чистую воду, иначе надобно было бы допустить много важного и непоправимого вреда. Говоря языком картежных игроков, он играет на свои и вовсе не думает ни о чем другом» (73, с. 107-108). Покидая службу, Н. Н. Раевский пишет в 1841 г.: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам» (68, с. 5).

Преемники генерала на Северо-Западном Кавказе не отказались от карательных акций и опустошений, не устояли «против общего влечения к сим мнимым подвигам». Напротив, усилились карательные экспедиции, в ходе которых гибли люди в массовом порядке, уничтожались мирные аулы, их посевы и продовольственные запасы.

Вскоре после указанных переговоров генерала Анрепа с убыхами Н.И. Муравьев поставил им условия, назначив жесткий «срок для размышления и принести присягу в верности», что не могло привести к мирному решению вопроса о взаимоотношениях обеих сторон. Формальное соглашение с убыхами было достигнуто 4 июня 1841 г., но оно было нарушено царским военным командованием. Тот же генерал Н. Р. Анреп писал в

своем рапорте от 18 июня 1841 г., «что Высочайше одобренная сухопутная экспедиция к убыхам непременно должна быть произведена в нынешнем году»(4, т. 9, с.509). Экспедиция, о чем говорит генерал, означала обычную в тот период карательную акцию, т.е. переговоры с убыхами преследовали тактическую цель, и в нужное время они были нарушены царскими генералами. Хотя «Высочайше одобренная сухопутная экспедиция» вглубь территории Убыхии не достигла своих целей, все же были уничтожены прибрежные аулы, что было очередным разорением для жителей, скрывшихся в горах и ущельях.

Поход против убыхов состоялся в октябре 1841 г., в котором приняли участие 2600 человек из состава регулярных и вспомогательных войск. Их доставили морем до Адлерского форта, отсюда этот хорошо вооруженный отряд предпринял попытку проникнуть вглубь Убыхии. Отряду удалось пройти 20 миль по направлению к Сочи, потеряв 500 человек и не достигнув желаемого результата. Потери убыхов были еще более значительными. Оборону убыхов возглавил бессменный Хаджи Керендук. Мориц Вагнер, который описал этот поход, отметил: «... единственно, что удалось в результате этой операции, был более тщательный контроль части побережья между Адлером и Сочи. Хотя, по всей видимости, потери среди убыхов были больше, чем среди русских. Обстоятельства этого дела говорят о том, что этот поход, который, собственно, был последней серьезной операцией на побережье Черного моря, был не столь уж победоносным для русских» (126, т. 2, с. 33-34).

Это было частью тех наступательных действий, которые А.А.Вельяминов развернул против убыхов и их соседей еще в 1835 г. «Угрожая поначалу тактикой «выжженной земли» и сознательно прибегая к жестокостям, он затем попытался уговорить черкесов подчиниться процессу умирения. Ни один из этих подходов не сработал. Не способствовало усилению контроля над побережьем и строительство фортов, не помогла и морская блокада побережья» (106, с. 79).

К тому времени относится принятие «дефтера» (договора) народным собранием убыхов и черкесов на р. Пшахе. По мнению К. Ф. Сталя, учреждение Лабинской линии породило большое беспокойство среди народов, живущих за р. Лабой и по восточному берегу Черного моря. Однако не только Лабинская линия беспокоила черкесов и убыхов. Открытое наступление царских войск, нарушения переговоров, ужесточение карательных действий (особенно после отставки Н.Н. Раевского) усилили стремление убыхов, «демократических» черкесских племен к объединению. «С 1840 г. у этих народов были постоянные собрания, имевшие целью принять меры для общей безопасности» (76, с. 166). Убыхи, абадзехи, шапсуги и некоторые джигетские общества после многочисленных переговоров и дискуссий создали союз, «чтобы положить основания между относящемуся к

их религиозным и мирским делам; они связались между собою присягаю и на народном собрании на Пшахе в 1841 г. издали дефтер» (там же).

Этот документ характеризуется одной особенностью: в его основе лежит шариат, выполнение которого обязательно для всех народов, входящих в союз. Первый пункт «дефтера» гласит: «Наша первая обязанность есть строгое выполнение шариата» (там же, с. 167). Однако ссылки на шариат носили, в сущности, тактический характер, рассчитанный на противопоставление двух религиозных полюсов - исламской Турции и христианской России. «Дефтер» создан до появления даже первого наиба Шамиля в Западной Черкесии, т. е. в период, когда шариат еще не получил сколько-нибудь широкого распространения среди убыхов и западных черкесов (особенно шапсугов и натухайцев), никогда не отличавшихся религиозным фанатизмом. Главным в «дефтере», ради которого он создан, является пункт, согласно которому принимается общая присяга взаимной защиты в случае вторжения царских войск: «Как только русские войска войдут в страну, то каждый должен взять оружие и идти туда, где опасность требует» (там же, с. 168).

По свидетельству К.Ф. Сталя, присягнув к «дефтеру», входящие в союз народы строго выполняли свое постановление. Взаимная вражда мгновенно исчезала. «Дефтер» положил «первое начало для образования союза» убыхов, черкесов и части джигетов (26, с. 159).

«Дефтер» 1841 г. способствовал консолидации убыхов и западных черкесов в борьбе за независимость и в какой-то мере подготовил почву для Адагумского собрания 1848 г., разработавшего основы административного устройства убыхов, шапсугов, натухайцев и абадзехов.

Однако до этого собрания произошли важные события. Весной 1842 г. убыхские лидеры, в том числе Берзеки, вновь предприняли попытку сближения с Россией, вступив в переговоры с военным командованием на Северо-Западном Кавказе. Генерал Н.Р. Анреп пишет военному министру А.И. Чернышеву, что он убедился в искренности убыхов и их лидеров, просивших принять их покорность на тех же условиях, что и джигеты. «Жители окрестных долин были в сборе недалеко от укрепления, а 27 апреля убыхские лидеры Шеулех-уко-Амшук Берзек, Хапшек-уко-Эльбуз Берзек, Шеулех-уко-Эдик Берзек и Шауей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и за своих подвластных на вечное подданство великому государю. Обязательства, которые приняли на себя присягнувшие, Ваше сиятельство, извольте усмотреть из представленной при сем копии клятвенного обещания» (Цит. по: 80, с.161).

Военное командование вновь убедилось, что влияние убыхов остается очень сильным на Северо-Западном Кавказе. Более того, оно считает, «что от прочного покорения

убыхов зависит покорение и спокойствие... всего нагорного края Кавказа от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря» (там же). Как видно, завоевание Убыхии было необходимым условием для покорения огромной части Кавказа и Черноморского побережья. Однако пока на левом фланге царские войска вели войну с Шамилем, они не могли одновременно на правом фланге окончательно покорить убыхов и западных черкесов. Поэтому в начале 40-х гг. царское командование шло на некоторые уступки убыхам, сохраняя им условия покорения джигетов, обладавших определенной автономией своего края. Другое дело, что подобные уступки были временными и вынужденными, что подтвердилось последующими событиями, приведшими к полному опустошению Убыхии и поголовному выселению ее жителей в Османскую Турцию.

Соглашение между убыхами и царским командованием, о чем пишет И.Н. Анреп, внешне отличалось от аналогичных актов, ранее подписанных некоторыми другими лидерами народов Северного Кавказа. Царские генералы считали данное соглашение важным шагом к покорению Убыхии. Однако условия царского самодержавия, предлагавшего убыхам признание подданства на основе их «клятвенного обещания», носили чисто тактический характер, что вскоре стало очевидным не только для самих убыхов, но соседних «демократических» племен - шапсугов, натухайцев и абадзехов. Этим объясняется как отсутствие единства среди убыхов и черкесских «демократических» племен в отношении части Берзеков, изъявивших желание покорности российскому императору, так и необходимость продолжения ими совместного сопротивления.

Убыхи продолжали играть ведущую роль в движении за консолидацию прибрежных народов. Более того, убыхи расширяют поле своих действий, охватывая регионы Северного Кавказа. Так, в августе 1842 г. начальник Черноморской береговой линии сообщает А.И.Чернышеву, что «старшины убыхов вместе с шапсугскими и абадзехскими отравились в Кабарду с намерением склонить жителей оной к враждебным против нас действиям» (там же, с. 167). Осенью 1843 г. вместе с соседними черкесами убыхи принимают участие в «большом собрании».

Весной 1844 г. убыхи атаковали Навагинское укрепление, причем во главе их стоял крестьянин Омер Чизма, что показывает массовый характер сопротивления военной экспансии царского самодержавия. Летом 1844 г. отряд убыхов и шапсугов (6000 человек) организовали штурм береговых укреплений - Лазаревского и Головинского.

О характере убыхского сопротивления и его активности свидетельствует следующий факт: «... в 1846 г. на Черноморской береговой линии произошло 88 сражений, большей частью возле укреплений, расположенных на земле убыхов» (21).

Появление Хаджи Мохамеда, первого наиба Шамиля среди абадзехов, шапсугов и натухайцев в начале не оказало прямого влияния на убыхов, хотя его декларации о социальном равенстве, освобождении рабов, замене адата шариатом, создании отрядов «мутазигов» не могли остаться незамеченными в Убыхии. Не случайно и беспокойство царского военного командования в связи с миссией наиба, который «может произвести волнение в этом пылком и восприимчивом народе, может возбудить их предприимчивость, которая увеличится в случае чего боже сохрани какой-либо неудачи с нашей стороны» (80, с.166).

Победы Шамиля в начале и середине 40-х гг. на Восточном Кавказе определили, с одной стороны, некоторую пассивность действий царских войск в этот период на Северо-Западном Кавказе, а с другой - активизацию убыхского сопротивления.

По инициативе Сулеймана Эфенди, второго наиба Шамиля семи шапсугов состоялось собрание старшин - сторонников имама, собравшихся в районе между укреплениями Тенгинским и Вельяминовским. Хотя деятельность второго наиба Шамиля среди западных черкесов нельзя считать очень удачной, попытки вовлечь соседнюю Шапсугию в движение имама не могли не повлиять на убыхское сопротивление. В начале 1846 г. убыхи готовили штурм укреплений Святого Духа и Пицунды, а в июле этого же года отряд убыхов и шапсугов (4000 человек) в течение двух недель осаждали Головинское укрепление.

В то же время неудачный поход Шамиля в Кабарду, уход его второго наиба также имели свои последствия. К. Ф. Сталь отмечает, что после второго посланца Шамиля «все народы, ожидавшие от него избавления от русских, присмирели» (76, с.169). Бесленевцы (после смерти Айтека Каноква) вновь покорились императору. То же самое делают «беглые» кабардинцы, махошевцы, темиргоевцы, бжедуги и абазинские общества. «Таким образом, все было спокойно на правом фланге Кавказкой линии» (там же). Однако спокойствие, о котором пишет барон Сталь, было обманчивым. Продолжалась борьба убыхов и соседних черкесов за независимость, среди них шли поиски новых форм консолидации и общественно-политического развития в условиях роста колониальной экспансии самодержавия. Эти усилия привели к собранию убыхов, шапсугов, натухайцев и абадзехов на р. Адагум, (с февраля 1848 г. по февраль 1849 г.). Адагумское собрание по-новому решило проблему административного устройства убыхов и соседних черкесов («демократических» племен), которое соответствовало особенностям их социальной организации и отвечало «конкретным потребностям страны в обороне» (38, с. 148). Структура управления конфедерации предусматривала не только административное деление на десятки и сотни дворов, но и новую военную организацию. Как указывалось выше, убыхи имели свою традиционно сложившуюся военную систему. Важные элементы этой системы нашли от-

ражение в структуре управления конфедерации. Конфедерация явилась для убыхов новым этапом развития их административной системы, включая особенности социальной и военной организации, обусловленные конкретными условиями их сопротивления в союзе с черкесскими «демократическими» субэтносами.

Общая система управления убыхско-черкесской конфедерации сыграла свою роль в противостоянии царской армии, многократно превосходящей по мощи, численности и экономическим ресурсам. Едва ли было возможно столь длительное сопротивление убыхов огромной феодально-крепостнической державе без союза с соседними шапсугами, натухайцами, абадзехами и джигетами, без строго структурированной военно-административной организации, сложившейся на Северо-Западном Кавказе с конца 40-х гг. XIX в. на основе традиционных и новых принципов борьбы за свободу и независимость своей исторической родины.

Убыхское сопротивление усиливается и нередко осложняется с приходом Магомед-Амина. Третий наиб Шамиля, в отличие от двух его предшественников, имел значительные успехи на Северо-Западном Кавказе. Миссия Магомед-Амина, наделенного талантами организатора, реформатора и крупного политического деятеля, была неоднозначной в разных регионах - Убыхии, Абадзехии, Шапсугиии Натухае. Деятельность третьего наиба Шамиля, протекавшая в сложный период сопротивления народов Северо-Западного Кавказа наступлению царского самодержавия, оставила заметные следы в истории этих народов, в том числе убыхов.

Наиб приехал в Убыхию весной 1850 г. Убыхские независимые общины, свободные от сословных и иных традиционных ограничений, характерных для так называемых «аристократических» черкесских племен, казалось бы, наилучшим образом отвечали тем задачам, которые ставил наиб Шамиля.

Однако убыхи не могли полностью принять управление Магомед-Амина, опиравшееся на шариатские основы. Традиции и обычаи, в том числе разбирательство по адату имели слишком глубокие корни, чтобы убыхи сразу пошли на замену их шариатом. Кроме того, убыхи, как и соседние шапсуги и натухайцы, оставались приверженцами своих религиозных верований, основанных на языческих и христианских воззрениях. Ислам не имел повсеместного распространения в Убыхии в период деятельности наибов Шамиля на Северо-Западном Кавказе, что также не могло не повлиять отрицательно на миссию Магомед-Амина среди убыхов.

Самое главное - убыхи больше всего ценили свободу, свое мировосприятие, образ жизни по своим традициям и обычаям, выработанным на протяжении многих веков. По этому поводу еще Дж. Лонгворт не без оснований писал: «Эти независимые люди на-

столько ревниво относятся к власти, что ни один из них не желает выпустить из своих рук хотя бы часть ее или передать ее даже формально, на время, другому лицу или избранным представителям» (3, с. 547).

И тем не менее, третий наиб Шамиля сыграл значительную роль в консолидации убыхов и западных черкесов, в развитии и преобразовании их общественного строя, что было необходимо для сопротивления имперской политике царизма на Северо-Западном Кавказе. При этом политику борьбы с царизмом наиб вел в очень сложных условиях, когда сталкивались интересы России, Турции, Англии и других стран в регионе, где протекала его миссия. Магомед-Амин проводил реформы, шедшие в разрез с интересами не только царского самодержавия, но местной знати, многих новых старшин. Его действия находились под пристальным вниманием царского командования на Северо-Западном Кавказе, он был окружен российскими, турецкими и другими агентами, нередко состоявшими одновременно на жаловании спецслужб разных стран.

Деятельность Магомед-Амина значительно осложнилась, когда среди западных черкесов появился Сефер-бей. Турция одновременно поддерживала и Магомед-Амина, и Сефер-бея. Хотя основная ставка делалась на Сефер-бея, османы использовали его разногласия с Магомед-Амином в решении вопросов независимости убыхов и западных черкесов, их внутренней и внешнеполитической ориентации.

В таких непростых условиях Магомед-Амину удалось в Убыхии создать мехкеме, привести ее жителей к присяге, организовать ополченцев. При поддержке убыхов он ввел свое управление среди соседних гуаевцев, в долине Псезуапе распространил ислам, упрочил свои позиции в Шапсугии и Натухае, хотя влияние наиба среди убыхов, шапсугов и натухайцев не было таким сильным, как в Абадзехии. Падение Шамиля в августе 1859 г. предредило судьбу Магомед-Амина в Убыхии и Западной Черкесии: 20 ноября 1859 г. он закончил свою миссию, объявив прекращение борьбы.

Через несколько дней - 27 ноября 1859 г. в своем приказе по войскам Правого крыла наместник Кавказа А. И. Барятинский отметил: «Вы покорили главные и грозные племена Западного Кавказа: 100.000 абадзехов и самого Магомет-Амина уже привели вы в подданство императору» (4, т. 12, с. 827). Наместник края несколько поторопился: «главные и грозные племена Западного Кавказа», в том числе убыхи, сражались еще более 5 лет, при этом ими использовались многие формы борьбы, утвердившиеся при Магомед-Амине, деятельность которого на Северо-Западном Кавказе длилась 11 лет.

Однако характерно, что в нарушение условий переговоров с абадзехами тот же А.И. Барятинский в письме от 24 марта 1860 г. писал императору: «Моя цель в настоящее время усыпить абадзехов, чтобы только удержать их на текущий год от враждебных про-

тив нас действий шапсугов... и если силою оружия достигну власти над шапсугами, то и абадзехи лишатся возможности восстать» (78, с.31).

Крымская война (1853-1856) внесла существенные коррективы в тактические и стратегические действия царского правительства на Кавказе. Договор, заключенный после войны в Париже, имел отрицательные последствия для убыхов. Хотя Россия проиграла войну и лишилась своего Черноморского флота, она дипломатическим путем добилась права сохранения своего контроля над Черкесией, куда входила и Убыхия. В Тюильри шла обычная сделка между Францией и Россией за спиной тех народов, в первую очередь убыхов и западных черкесов, которые оказались предметом торга. Англия предлагала предоставить независимость убыхам и черкесам, но не смогла противостоять другим участникам переговоров. Русские дипломаты (А.Ф. Орлов и Ф.И. Брунов) ловко использовали противоречия между Англией и Францией, ссылаясь на 4-ю статью Адрианопольского договора, согласно которому «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно пребудет в вечном владении Российской Империи». Хотя побережье Черного моря от устья Кубани до восточных границ Убыхии (даже Джигетии) Россия завоевала только в 1864 г. (спустя 9 лет), Парижский договор, в сущности, дал царскому самодержавию возможность для захвата Убыхии и насильственного изгнания ее жителей.

После ликвидации укреплений Навагинского, Святого Духа, фортов Головинского и Лазаревского убыхи возобновили традиционные экономические связи с внешним миром. Вместе с тем произошел некоторый спад сопротивления убыхов и их соседей на Северо-Западном Кавказе, что объясняется их длительной и изнурительной борьбой с царизмом, их желанием вернуться к довоенной жизни.

Еще 10 июля 1856 г. русские войска вошли в Сухум, но летом следующего года убыхи и садзы штурмовали Гагринское укрепление. В горной Абхазии начинается восстание, поддержанное убыхами. В июне 1857 г. около Адлера действовал убыхско-садзский отряд под предводительством Керентука Берзека и Измаила Дзейша. Ситуация в Абхазии, граничащей с Убыхией, долго оставалась сложной для царского военного командования из-за влияния убыхов среди садзов.

В феврале 1857 г. в устье р. Туапсе высадились добровольцы (в основном поляки) во главе с Т. Лапинским, установившим контакты с Сефер-беем и Магомед-Амином. Небольшой отряд Т. Лапинского находился среди черкесов и убыхов почти 3 года, оказывая им моральное и материальное содействие в их тяжелой борьбе с царским самодержавием.

Взятие Гуниба (август 1859 г.) осложнило борьбу убыхов за независимость, ибо царское правительство перебросило с Восточного Кавказа на северо-западный участок

Кавказской войны огромные военные силы. Меняется и стратегия царизма, его военного командования в отношении судьбы убыхов и их ближайших соседей - шапсугов, натухайцев, абадзехов и абхазских джигетов. Захват их территории уже не устраивает царских генералов. Им необходимо Черноморское побережье убыхов, западных черкесов и джигетов без коренных жителей, обитавших тысячелетиями на своей родине. Участник событий на Кавказе Р.А. Фадеев в этой связи откровенно говорил то, что до поры до времени скрывало царское правительство: «Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности» (81, с.201).

Кончилось время колонизации Северо-Западного Кавказа обычными феодально-крепостническими методами присоединения к империи чужих земель. Наступило время активного изгнания убыхов и их соседей из родных мест.

Варварскую идею изгнания убыхов и их соседей с их этнической территории впервые высказал в 1857 г. начальник Главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютин, предлагавший насильственно выселить их на Дон, где, по его мнению, следует устроить особые резервации, «тщательно скрывая эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для его исполнения» (43, с. 147). Правда, задолго до Д.А. Милютина царские власти неоднократно изгоняли из своих аулов, заставляли переселиться в другие места коренных жителей Кавказа, в том числе его северо-западной части. Но речь шла о пределах Кавказа, а не о резервационных колониях на Дону. Идею Д. А. Милютина А. И. Барятинский согласовал с императором в начале 1860 г. Новый план заключался уже в изгнании жителей Северо-Западного Кавказа, в том числе убыхов в Турцию и заселении их земель новыми поселенцами - казаками и крестьянами из различных губерний России. «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими поселенцами из России» было подписано Александром II 10 мая 1862 г., хотя еще раньше начался массовый исход коренного населения и интенсивная колонизация Северо-Западного Кавказа.

В условиях жесткого противостояния с царизмом, руководители убыхского сопротивления создали вместе с шапсугами и абадзехами союз для совместной борьбы. Комплекс задач нового союза включал реорганизацию военной и административной системы, а также дипломатические акции, направленные на призыв к другим странам оказать ему содействие в борьбе с царским самодержавием, приступившим к осуществлению плана изгнания убыхов и их соседей с их мест проживания. В середине лета 1861 г. в Убыхии (в долине р. Сочи) состоялся съезд «выборных старшин». По решению съезда был учрежден национальный совет, а для управления им - меджлис (центральное правительство из 15 человек), названный «Великим свободным собранием».

Меджлис был образован по инициативе убыхов. «Великое свободное собрание» - первая серьезная попытка создать государственное образование убыхов и соседних черкесов на самом трудном и сложном этапе их сопротивления захватнической политике царского самодержавия на Северо-Западном Кавказе. Во главе меджлиса Черкесии был легендарный убыхский лидер Керентук Берзек, в его состав входили другие убыхские руководители, в том числе Измаил Баракай Дзиаш. В этой связи Кутаисский военный губернатор писал: «Должно отдать справедливость противникам нашим - черкесы не потеряли ни головы, ни сердца, напротив, они решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще и внутренними преобразованиями и энергичным обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абхазцев, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости. И должно сказать, что они некоторым образом приспособлены к такому роду деятельности: живя на берегу моря, посещая Константинополь, знакомясь там с взявшими их, так сказать, под свое покровительство представителями различных враждебных нам интересов, агитаторами разнородных оттенков, они сознали недостатки своей организации и постигли двуличность международных отношений... Таким образом, прежде всего они обратили внимание на внутренний быт свой и захотели заменить расслабляющую усобицу сильной централизацией - централизацией, которая в обыкновенное время бывает предметом стольких нареканий, но в которую, в минуты большой опасности, всегда, везде слагались все формы обыкновенного устройства. Для этого они устроили меджлис» (цит. по: 80, с.174). Здание меджлиса находилось в Убыхии недалеко от Сочи (на р. Псахе), в его строительстве приняли участие также абхазские садзы, что свидетельствует о характере союза, организованного во главе с убыхами в последний период Кавказской войны.

За формированием национального правительства убыхов и черкесов бдительно следило русское посольство в Турции. В январе 1863 г. советник посольства пишет, что «создано мнение о формировании национального правительства из 15 чел. – по 5 от каждого из трех основных племен, а также 2 представителей закона – один муфтий и один кадий. Этот совет предусматривает основные организационные моменты, а также меры по защите всех интересов (78, с.58).

Кутаисский губернатор также излагает содержание письма меджлиса английскому консулу Диксону в Сухуме, имея в виду «важность этого документа». В письме меджлиса сформулированы основные задачи политического объединения, созданного по инициативе убыхских лидеров на Западном Кавказе. «В день зильхиджа 1277 г. (13 июня 1861 г.)

для восстановления Аррахийской власти и для учреждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили учредить чрезвычайный союз и не отставать от одного с тем, чтобы сохранить порядок внутренний, а отступающего от него наказывать. В Черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек улема и умных людей. Этому меджлису дано название «Великое свободное заседание». По повелению меджлиса учреждены в нашем крае 12 округов. В каждом округе определены муфтий и кадий, а также мухтар (старшина) под названием заптие. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать заодно с Великим заседанием. Во владении же черкесском от каждых 100 дымов по 1 заптие, чтоб они исполняли предписание окружного мохакеме по сбору доходов и распределению податей, в экономии и наблюдении за выморочными именными. Во всех случаях доходы превышали расходы и, благодаря бога, Великий меджлис вольности черкесов, управляя краем, всегда соответствовал назначению» (там же, с.174-175). В документе говорится также о действиях генерала Н.И. Евдокимова, окружившего край многочисленными войсками, «намереваясь уничтожить нас», что заставило меджлис собрать 15000 отборных всадников, обратиться к иностранным державам за помощью для отстаивания своей самобытности «не только оружием, но еще и внутренними преобразованиями».

Называя разбираемое обращение меджлиса «убыхской конституцией», А.В. Фадеев (не путать с Р. А. Фадеевым!) считает, что оно «представляет собой документ чрезвычайной исторической ценности. Во-первых, из него мы узнаем о характере того демократического устройства, которое пытались осуществить убыхи и их союзники, а во-вторых, этот документ характеризует стремление последних апеллировать к международному общественному мнению» (80, с.175).

До создания меджлиса были другие объединения убыхов и западных черкесов в целях противостояния военной экспансии царизма. Но меджлис и его программы характеризуют новый этап сопротивления, связанный с осуществлением политического и административного устройства в условиях крайнего ужесточения методов завоевания царизмом Северо-Западного Кавказа.

Царские генералы нарушили соглашения, достигнутые ранее с абадзехами о прекращении в их землях строительства укреплений. Когда абадзехи напомнили об этом представителю военного командования, Н. И. Евдокимов заявил, что все соглашения утратили силу после вступления абадзехов в союз с убыхами и шапсугами.

Как пишет Д.А. Милютин, в июле 1861 г. делегация от убыхов, шапсугов и абадзехов явилась к Н.И. Евдокимову «с предложением покорности, или вернее примирения. Горцы все еще не вполне отрешились от надежд на сохранение своих родных мест жи-

тельства. Депутация умоляла о прекращении военных действий, рубки лесов и продолжения дорог» (54, с. 603). Предложение делегации было отвергнуто Н.И. Евдокимовым. Как видно, Д.А. Милютину было хорошо известно, что предложение убыхов и их соседей не может быть принято военным командованием. Генерал ссылается на «непременную волю Белого Царя», а также высокомерно заявляет, что «горцы все еще не отрешились от надежд на сохранение своих родных мест жительства». Для переговоров меджлис направил к А. И. Барятинскому - наместнику царя на Кавказе (в Тифлисе) новую делегацию в составе Керентука Берзека, Гасана Бидхева и Ислама Тхаушева. Вместо наместника переговоры вел князь Г.З. Орбелиани, который в ультимативной форме потребовал подчинения царским военным начальникам.

В сентябре 1861 г. состоялось несколько встреч делегаций горцев с Александром II, который знакомился с новыми владениями на Кавказе. Первая встреча произошла в Тамане, куда император прибыл 11 сентября 1861 г. Обращение делегации к императору еще на первой встрече знаменательно тем, что оно начисто опровергает долго и упорно распространявшееся царскими чиновниками и придворными историками мнение, согласно которому убыхи и их ближайшие соседи - шапсуги, абадзехи, натухайцы и джигеты оставили земли своих предков и ушли в султанскую Турцию не по вине царских колонизаторов, а исключительно по религиозным мотивам или по воле местных феодалов. Вот что сообщает источник о первой встрече горцев с императором: «11 сентября 1861 г. Государь высадился в Тамани, на границе Кавказского наместничества; в свите находились генерал-адъютанты князь Долгорукий, граф Адлерберг, граф Ламберт, Глазенап и лейб-медик Енохин. На пристани ожидали командующий Кавказской армией генерал-адъютант князь Орбелиани с высшими начальствующими лицами. Между прочим, в Тамань к этому времени прибыли более 500 мирных и не мирных черкесов с намерением просить Государя не выселять их с Кавказа (подчеркнуто мною. - М.К.). Император сразу обратил внимание на эту толпу черкесов, безмолвно стоявшую невдалеке; спросив у князя Орбелиани - кто они такие, он быстро направился к ним. Тут произошла одна из глубоко потрясающих сцен: при приближении монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы; затем старейший из них, выступив немного вперед, произнес следующее приветствие: «Великий Государь! Мы счастливы, что вы обратили на нас свое милостивое внимание; еще более мы счастливы тем, что, несмотря на недавнюю войну с войсками вашими, вы так великодушно доверились нам. Мы это очень ценим, наш Великий Государь, и клянемся отныне быть вашими истинными и верными подданными. Мы знаем, что вы - Царь великой земли, что могущественнее вас никого нет на свете, мы знаем также, что у вас много, очень много поданных, так что мы

среди них все равно, как капля воды при большом дожде, но мы все-таки просим вас не оставить нас и смотреть на нас, как и на остальных подданных. Правда, что до сих пор мы воевали с войсками вашими, но клянемся, что впредь мы будем лучшими и самыми верными рабами вашими. Прикажите, Государь, и мы все готовы свято исполнять всякие ваши повеления. Мы будем строить дороги, укрепления, казармы для войск ваших и клянемся, что будем жить с ними в мире и согласии. Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды. Отныне мы эти места, наравне с войсками вашими, будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас (подчеркнуто мною. - М.К.) и смотрите на нас как на остальных ваших верных подданных» (99, с. 78-79).

Обращение, где дважды повторяется просьба «не выселяйте только нас», было продиктовано глубокой озабоченностью убыхов и черкесов судьбой своих народов. Они предвидели неизбежность не только своего поражения и конец длительного сопротивления в неравной борьбе, но и национальную катастрофу в случае их выселения из «тех мест, где родились и жили наши отцы и деды». Лидеры сопротивления воочию видели новую «систему» войны царизма, направленную на полное очищение Убыхии и прибрежной Черкесии, на изгнание их жителей и массовое заселение этого участка Черноморского побережья новыми поселенцами из разных регионов Российской империи. Через несколько дней в верховьях Фарса делегация меджлиса Черкесии встретила с императором. «Представитель убыхов Хаджи-Берзек от имени всех просил императора принять их в русское подданство» (там же, с. 81). Изъявляя готовность принять русское подданство, делегация ставила условие - оставить убыхов и их соседей в их местах жительства. Император заявил, что горцы должны беспрекословно повиноваться и исполнять все требования царского командования. Керендук Берзек передал императору в письменной форме меморандум меджлиса. В нем, в частности, говорится: «Эти земли принадлежат нам: мы их унаследовали от наших предков и стремление удержать их в нашей власти является причиной нашей долгой вражды с вами. Мы приняли новое государственное устройство и наше намерение - управлять нашей страной со строгой справедливостью и человечностью, не причиняя никому несправедливость. Народ с такими добрыми намерениями должен был бы внушать симпатию такой могущественной державе, как ваша. Вы высказывали, при некоторых обстоятельствах, симпатию народам, стремящимся к независимости, почему вы не хотите поступить так по отношению к нам?

Мы делаем все возможное, чтобы справедливо управлять нашей страной и придерживаться новых, изданных нами законов. Мы хотим обходиться по справедливости с нашими соотечественниками и уважать жизнь и собственность иностранцев, приезжающих к

нам. Что является задачей такой могущественной державы, как ваша страна: уничтожить такой маленький народ или помочь нам в проведении наших реформ? Мы решили обратиться с нашим делом ко всем великим державам: вы одна из них, и мы излагаем вам наше дело в правдивом освещении.

Будьте к нам справедливы и не разоряйте наше имущество и наши мечети, не проливайте нашу кровь, если вас на это не вызывают. Для могущественной державы позорно отнимать без необходимости у человека жизнь.

В продолжении этой противозаконной войны захват в плен беспомощных женщин и детей является противоположностью всего справедливого и доброго. Вы вводите в заблуждение весь мир, распространяя слухи, что мы дикий народ, и под этим предлогом вы ведете войну с нами; между тем мы такие же человеческие существа, как и вы сами. Не стремитесь проливать нашу кровь, так как мы решили защищать нашу страну до последней крайности» (Цит. по: 64, с. 152-153).

После встречи с делегацией во главе с Керендуком Берзеком император отверг аналогичную просьбу абадзехов: в категорической форме он заявил, что дает абадзехам лишь месячный срок для переселения на равнины или в Турцию. Политика Александра II в отношении коренных народов Северо-Западного Кавказа хорошо известна. Император последовательно продолжал политику своего отца - Николая I, сформулировавшего свою позицию в этом вопросе в известном рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича: «Кончив, таким образом, одно славное дело (войну с Турцией. - М.К.), предстоит вам другое, в моих глазах столь же главное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнее - усмирить навсегда горские народы или истребление последних» (93, с. 230).

Так и сказано: «истребление последних». Истребление других народов, менее слабых, менее защищенных, изгнание их из мест, где они жили тысячелетиями, считалось обычным, даже нормальным в период колониальных войн. Эту идеологию исповедовали испанские и другие колонизаторы. Трудно спорить с классиком, который писал о солдате колониального периода: «Грабеж, насилие, убийство являются издавна установленной привилегией, установленным правом британского солдата» (97, с. 240).

Такие же привилегии имели генералы-завоеватели на Кавказе. Об этом писали с возмущением некоторые царские генералы, например, начальник Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский. Сравнивая методы войны царизма на Северо-Западном Кавказе с методом истребления индейцев испанскими конкистадорами, он писал: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами» (4, т. 9, с. 505). Действия, о котором писал генерал еще в 1841 г., особенно ужесточились

на последнем этапе завоевания Кавказа, когда убыхи и их соседи с беспощадной суровостью изгонялись из родных земель.

Лидеры сопротивления, в том числе Хаджи Керендук Берзек, которые встречались с Александром II и изъявили желание убыхов и западных черкесов принять Российское подданство, но просили не выселять их из родного края, уже были обречены на вечное изгнание. Они не знали, что еще в начале 1860 г. император одобрил план Д.А. Милютин. И в том же году в Турцию был отправлен генерал М.Т. Лорис-Меликов для обсуждения с российским поверенным А.Б. Лобановым-Ростовским вопросов выселения горцев. Поэтому император не мог согласиться на подданство убыхов с условием сохранения за ними их родины на Черноморском побережье.

А перед встречей императора с убыхами и черкесами тот же военный министр Д.А. Милютин писал: «Следовательно, по моему убеждению, прибытие теперь депутации от так называемых черкесских племен не может иметь никаких результатов... Переговоры в настоящее время не могут иметь другой цели, как только задержать ход нашего завоевания... Мы должны настойчиво продолжить заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев из гор и заняв их место казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нем спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами» (4, т.12, с.933).

В этой связи справедливо отмечает современный русский историк: «Причерноморские шапсуги, убыхи и абазины подлежали, согласно планам русского военного командования, безусловному и полному выселению: слишком велико было военно-стратегическое и политическое значение для России Черноморского побережья Кавказа» (64, с. 160). Один из идеологов Кавказской войны Р. А. Фадеев писал об изгнании убыхов и их соседей: «Эта мера была необходима для безопасности наших владений... Горцы на берегу - это новая Кавказская война в перспективе, при первом пушечном выстреле на Черном море... довольствоваться покорностью этих племен мы никак не могли» (81, с. 197).

Убыхи искали выхода из положения, добивались мирных переговоров, обращались к другим странам, в том числе, к великим державам за помощью. Лидеры сопротивления, предвидя неизбежность катастрофы, шли на компромисс, они были готовы подчиниться России, войти в ее состав. Но это уже не соответствовало новым планам царского правительства - ни лояльность, ни вхождение убыхов в империю не устраивали идеологов войны.

Специальная депутация меджлиса посетила ряд европейских стран, в том числе Англию. Хотя сторонники убыхов и черкесов организовали митинги, даже обратились к королеве с просьбой поддержать кавказцев, английское правительство не проявило ини-

циативы, опасаясь прямого столкновения с Россией. Делегация не нашла ожидаемой помощи и в Константинополе, где также был создан специальный комитет по «черкесским делам». В середине XIX в. экономически и политически ослабленная Турция не могла способствовать решению проблемы защиты убыхов и черкесов, в чем убедились лидеры сопротивления.

Время шло, царские войска с многократно превосходящими силами наступали с разных сторон.

Еще в апреле 1859 г. царские войска в составе 16 батальонов и 12 сотен казаков перешли р. Кубань, разбили лагерь у устья р. Бакан и приступили к возведению новой крепости. Это означало изоляцию Натухая от Шапсугии, что привело фактически к прекращению натухайцами активного сопротивления. Вскоре по решению народного совета часть натухайцев (свыше 2000 дворов) переселилась в Шапсугию, а часть заключила перемирие с русскими, что, однако, не спасло этот многочисленный адыгский субэтнос от акции изгнания с Черноморского побережья.

В течение последующих двух лет были колонизированы пространство между Лабой и Белой и значительная часть Натухая, где ускоренными темпами были основаны 26 казачьих станиц. Вскоре натухайцев заставили покинуть свои земли и переселиться в Турцию. За сравнительно короткий срок в землях, оставленных черкесами были основаны 111 казачьих станиц.

Еще в 30-е гг. царские власти «строили проекты поселения на побережье русских казаков (черноморских и азовских)... Из кого состояли эти казаки? Сюда была выселена часть запорожцев после уничтожения Сечи. Сюда были выселены с Дона неблагонадежные элементы...». Поселив их на Кавказе, царские власти «стремятся создать надежный оплот против местного населения... До 1864 г., кроме нескольких выселенных с Кубани станиц и военных гарнизонов, русского населения на черноморском берегу не было» (12, с.36).

В апреле 1863 г. на захваченных землях Черкесии были построены станицы Пшехская, Кубанская, Бжедугская, Бабуковская, Апшеронская и др. Вся эта обширная территория была очищена от коренных жителей и окружена новыми постами. К концу 1863 г. вся Кубанская область была завоевана, после чего русские войска должны были перейти на южный склон Кавказского хребта.

Кольцо сжималось вокруг Убыхии. В верховьях Туапсе убыхи оказали сопротивление царским войскам, которым удалось занять Пшад и Джубгу. В декабре 1863 г. наместник Кавказа пишет: «Северный склон Кавказа покорен... Близко время, когда и юго-западный скат будет очищен от дикого, враждебного нам народа, и недоступный доселе

восточный берег Черного моря, приняв русское поселение, станет на самом деле берегом русским» (99, с. 95). Восточный берег, который «будет очищен от дикого и враждебного нам народа» (так называет убыхов и их соседей Кавказский наместник, а им был великий князь Михаил Николаевич), еще не был завоеван царской Россией в декабре 1863 г. Царское командование, перебросив на этот участок значительные военные силы, спешно изгоняло жителей из края и готовило его для заселения.

«Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще больше энергией массы: они встречали наши удары с каким-то бесчувствием как отдельный человек в поле, так и народ после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах» (81, с. 191). Эти слова царского генерала - чрезвычайно показательны не только для оценки методов имперской экспансии на Кавказе. Слова генерала «народ после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах», показывает, как не хотели убыхи и их соседи оставить свой край, свои родные земли, где оставались кладбища их отцов и предков.

В последний год Кавказской войны убыхи вели тяжелые бои с царскими войсками. Потеряв надежду на мирное сближение с Россией, правительство которой проводило политику тотального подавления убыхов и изгнания их из родных земель, население Убыхии оказывало упорное сопротивление войскам самодержавия. Обе стороны несли огромные потери. Убыхи защищали свою родину, сражались и гибли за нее, а царские генералы хладнокровно и в массовом порядке жертвовали жизнями русских солдат в колониальной войне на Северо-Западном Кавказе.

А. Фонвиль, находившийся в рядах убыхов и шапсугов в 1863-1864 гг., описывает несколько эпизодов военных действий с участием Хаджи Керендука Берзека и других лидеров сопротивления. «Русские сбили наши аванпосты и наступали на нас. Застигнутые врасплох, мы поспешили запрячь орудия и отправить их назад, выслав навстречу неприятеля часть наших людей, под командою Жамбулетта. Но русские, взобравшись на высоту, командовавшую нашей позицией, направили на нас смертельный огонь, прежде чем мы успели отступить. В несколько минут, небольшой наш бивак завален был убитыми и ранеными. Орудия были спасены, но все боевые припасы остались на месте. Жамбулетт был убит, и его отряд бросился бежать, теснимый густою колонною русских. В эту минуту прискакали Хаджи Керендук и Измаил-Бей. Видя, что нет никакой возможности держаться, Хаджи Керендук схватил горящую головню и поджог соломенную крышу порохового погреба. Мы вскочили на лошадей и едва успели отъехать несколько шагов, как последовал страшный взрыв. Русские, пораженные этим взрывом, остановились и, опасаясь, что не подведена ли мина или не сделана ли засада, возвратились на высоты, продол-

жая оттуда стрелять по нас. Эта непродолжительная задержка дала возможность подойти к нам подкреплениям; скоро к отряду присоединились все жители окрестных аулов, и мы атаковали...» (85, с. 30). Погибший в этом сражении убух Жамбулетт - «двоюродный брат Исмаил-Бей, молодой человек лет 25-ти, блондин, красивый собой и с прекрасными манерами. Его руки, которые он с самодовольством выставлял на показ, могли бы сделать честь любой красавице» (там же, с. 12).

Другое сражение, описанное указанным автором, также происходило с участием Хаджи Керендука Берзека. «Ряды наши страшно редели, но огонь не умолкал ни на минуту. Неприятельские орудия были мишенью для наших стрелков, которые страшно поражали артиллерийскую прислугу, и хотя новые артиллеристы заменяли убитых, но мы хорошо видели, что русские не могут долго оставаться в той невыгодной позиции, которую они защищали; но они не подавались назад и видимо хотели воспользоваться пылом сражения, чтобы окружить нас. Одна колонна их, отделившись вперед, стремительно бросилась на наш левый фланг, с намерением овладеть высотой, нами занимаемую, и обойти нас. Но не успела она еще двинуться с места, как Хаджи Керендук бросился на нее во главе убухов. Русские, пораженные стремительностью этой атаки, едва имели время сделать несколько выстрелов... Русские оставили поле сражения с такой поспешностью, что не подняли даже своих убитых и раненых» (там же, с. 25).

В феврале 1864 г. в районе Туапсе после многолетней и изнурительной борьбы самые близкие соседи убухов и самый многочисленный черкесский субэтнос - шапсуги вынуждены были сложить оружие и прибыть к берегу для выселения в Турцию.

23 февраля русские войска заняли бывший форт - Вельяминовский.

25 марта Даховский отряд тремя колоннами занял бывший порт Лазаревский. «Отсюда, - пишет историк Кавказской войны, - предстояли действия против сильнейшего племени убухов» (99, с. 101). В тот же день генерал В. А. Гейман направил убухам письмо в ультимативной форме: «Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехи и шапсуги безусловно покорились... Теперь, убухи, вы остались последние. Если хотите знать наши условия относительно вас, то вот они: немедленно выдать всех русских пленных; сейчас же, без обозначения срока собраться табором на берегу моря к устьям Шахе, Вардане и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы и кочермы, на которых вы можете ехать в Турцию» (там же, с. 102).

Действительно, в марте 1864 г. убухи были единственным на Кавказе народом, еще не покоренным самодержавной империей.

На другой день убухские старшины во главе с Эльбузом Берзеком и Хаджи Бабуком приехали для переговоров с В.А. Гейманом, который высокомерно им сказал: «Ну что

же, убыхи? Зачем пришли ко мне? Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где нарезанные орудия и снаряды? Где союзники ваши?» (там же, с. 103).

Убыхские лидеры и в этой тяжелой для их народа ситуации заявили генералу, что хотя потерпели поражение в войне с могущественной империей, они ради сохранения своего народа готовы вступить в переговоры с Россией. «Но все-таки мы остаемся убыхами, - ответил убыхский лидер, - мы все-таки целый народ и, кажется, можем для своего блага вступить в сношения и заявлять свои требования... Трудно теперь нам надеяться на победу. Мы можем биться до крайности; мы можем нанести вам много вреда, но, конечно, разоримся и сами. Чтобы избавиться от подобных невзгод, мы желали бы покончить дело миром... просим вас милости. Великодушию и благородству свойственна милость» (там же).

Великодушия и благородства трудно было ожидать от этого генерала. Давно прошли те времена, когда военное командование на Западном Кавказе заигрывало с убыхами, обещая им золотые горы, если они примут российское подданство. Генерал Симборский еще в мае 1834 г. писал убыхам: «Добровольное признание над собою власти Государя Императора сопрягается с неисчислимыми для вас выгодами и пользами, которые по милосердию и великодушию Его Императорского Величества польются на вас... В жилищах ваших водворится мир и спокойствие... Свободная торговля в России нужными для вас товарами учредится по всему протяжению вашей земли и в службе Государя Императора откроется обширное для вас поприще к приобретению богатства, почестей и славы. Между тем, в домах своих вы будете управляемы по собственным нравам и обычаям, а вера ваша останется неприкосновенной святыней для всех русских властей» (4, т.9, с. 455).

В начале 1864 г. была совершенно иная ситуация на Северо-Западном Кавказе для российского самодержавия, уже пленившего Шамиля и теперь развернувшего мощное наступление на убыхов и черкесов, обессиленных и ослабленных многолетней войной с империей.

На требования В. А. Геймана немедленно выселиться в Турцию или на равнины Кубани, где убыхи должны были жить в резервации - в плотном окружении казачьих станций и постов, убыхский лидер просил отсрочить время выселения в Турцию на 3 месяца. Но генерал был непреклонен: «Нечего рассказывать сказки! Я знаю вас насквозь. Вы еще счастливы, что я не сейчас иду к вам: еще есть время выйти на берег. А кто не знает, как идти к берегу, пусть спросит у шапсугов и абадзехов. Уступок с моей стороны нет и не будет» (99, с.103). Генерал обвинил убыхов даже в том, что они виноваты в длительном сопротивлении шапсугов и абадзехов. «Если бы не вы, - заявил он, - они спокойно в до-

вольстве давно уже жили в Турции. Так стоите ли вы хотя бы какой-нибудь милости? Знайте же, что более переговоров с вами я не хочу вести никаких. Требования мои я сказал вам в письме, а не хотите исполнить - я с войсками приду помогать» (там же, с.103).

Как и весь ход жесточайшей войны, переговоры убыхов с царским генералом носили драматический характер. Убыхский народ, его лидеры и все население видели трагедию, катастрофический исход, которым завершается их длительное сопротивление и понимали, что должны будут навсегда покинуть свой край, свои дома - свою родину. Когда шли переговоры с убыхами, Гейман усилил наступление своего отряда на них.

7 марта 1864 г. отряд Геймана двинулся во внутрь Убыхии, где в течение трех дней сжег все селения и вытеснил население к берегу моря для выселения. Убыхи оказывали упорное сопротивление, пытаясь остановить продвижение царских войск в нагорной полосе.

19 марта отряд занял форт Головинский, расположенный рядом с обществом Вардане. Были сожжены все многочисленные селения этого убыхского общества, в том числе известный аул Баракай.

24 марта Хаджи Керендук Берзек (Догомуков) еще раз встретился с В.А. Гейманом, чтобы просить дать убыхам несколько дней для подготовки к выселению.

Вот что сообщает источник об этой последней встрече:

«- Здравствуйте, Хаджи, - сказал Гейман, когда Догомуков подъехал и несколько секунд простоял молча, - очень рад с тобой познакомиться.

- А я, по правде сказать, не очень рад знакомиться с тобою, - сказал тот (Хаджи Керендук)...

Затем Догомуков от имени убыхского народа изъявил полную покорность и был готов исполнить все, что только прикажут. Некогда грозный и сильный предводитель, тот, перед которым поклонялись целые племена, вынужден был теперь просить, как милости, нескольких дней срока для выселения» (там же, с. 106).

Эта встреча Геймана и убыхского лидера, Председателя Меджлиса Черкесии, готового ради смягчения тяжелейших условий выселения своего народа идти на унижения перед царским солдафоном, имела место за день до взятия Сочи.

25 марта 1864 г. был занят форт Навагинский (Сочи).

Как указано выше, Сочи считалось «сердцем убыхской земли» (23, с.192). «Во время борьбы русских с черкесами, - свидетельствует источник, - нашему Сочи, уже под именем Соча пришлось играть особенно заметную роль. Здесь жили наиболее непримиримые туземцы - племя убыхов» (47, с.4).

Взятие Сочи имело особое значение для царского самодержавия и лично императора, который сообщил своему наместнику на Кавказе, что искренне радуется счастливому обороту с убыхами и остается благодарить бога за достигнутый результат (23, с. 192).

Семен Эсадзе, автор работы о покорении Кавказа и окончании Кавказской войны, писал: «Насколько занятием Дахо (поста Даховского, позже переименованного в посад Сочи. – М.К.) было положено завоевание самой трудной части Западного Кавказа, настолько занятием Сочи завершилось владычество всей нагорной полосы... Собственно, Кавказскую войну можно было считать оконченной» (99, с. 106, 109).

Взятие Сочи, в сущности, означало завершение самой длительной, самой кровопролитной войны в истории России и Кавказа. После уничтожения отрядом Д. И. Святополк-Мирского «слабых очагов враждебных горцев» - представителей небольшого общества Аибго 21 мая 1864 г. официально было объявлено об окончании Кавказской войны и покорении Кавказа.

Таковы были итоги Кавказской войны для убыхов. Варварские методы завоевания Северо-Западного Кавказа, истребление и изгнание убыхов и их соседей мировая общественность воспринимала довольно спокойно. На все это, как писал К. Маркс, следивший за событиями на Кавказе, «Европа взирает с идиотским равнодушием».

Несколько позже (в ноябре 1864 г.) генерал Гейман, имея в виду небольшую часть шапсугского населения, еще оставшегося на побережье между Туапсе и Шахе, пишет в своем рапорте временно командующему войсками Кубанской области: «Аулы и запасы хлеба и фруктов выжжены; с достоверностью можно полагать, что население должно будет в течение зимы или умереть с голоду, или выйти к нашим приморским пунктам для переселения в Турцию» (78, с.336).

О выселении горцев существует огромная литература, отражающая взгляды на политику как царского самодержавия, осуществлявшего акцию изгнания убыхов и их соседей, так и турецкого правительства, принимавшего многочисленных изгнанников. Не только генералы-завоеватели, официальные публицисты, придворные историки и государственные мужи, но и подавляющее большинство представителей дореволюционной и советской интеллигенции оправдывают имперское самодержавие в том, что оно осуществило акцию геноцида под благовидным названием «переселение горцев в Турцию». В разные периоды выдвигались разные оправдательные доктрины Кавказской войны. Идеологи этой войны использовали различные мотивы: религиозно-благотворительные (идея крестового похода под предлогом защиты и спасения единой верной Грузии), цивилизаторские (приобщение к культуре «диких» кавказских народов), экономические (неспособность тех же «диких» народов освоить собственные природные ресурсы Кавказа) и др. Не требует

особых пояснений тот факт, что все мотивы, лежащие в основе оправдательных доктрин Кавказской войны, были чистейшим блефом, плохо скрывающим истинные цели имперской истребительной войны. Не только радикальная конституция П. И. Пестеля включала акцию геноцида горцев, но и стратегия царского командования с самого начала 60-х гг. предусматривала повсеместное изгнание убыхов и их соседей с их родины, что сопровождалось их массовым физическим уничтожением, а также гибелью огромной части населения в период насильственного переселения в пределы Османской Турции.

Русское дворянство поддерживало идею колонизации Кавказа и не сомневалось в том, что этот край должен быть завоеван Россией. Не говоря уже о революционной программе радикальных декабристов, предусматривающей насильственное присоединение к России земель «вольных» народов Кавказа, идею завоевания Кавказа разделяли либеральные декабристы, русские писатели, представители демократической интеллигенции (например, Добролюбов и др.). Даже великий русский поэт, чьи слова взяты в качестве эпиграфа для нашего очерка, был непоследовательным в отношении Кавказской войны, ее непосредственных вершителей и трагических последствий. С одной стороны, поэт выражал сочувствие в словах «Сражались, гибли вы ужасно./Не спасла вас ваша кровь...» с другой - он воспевал идеологов войны А.П. Ермолова, П.Е. Котляревского и П.Д. Цицианова. А.П. Вяземский писал по этому поводу: «Мне жаль, что А.С. Пушкин окровавил стих своей повести. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, губил, ничтожил племена? От такой славы кровь стынет в жилах, волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия - не союзница палачей; политике они, быть может, нужны - и тогда суду истории решить, можно ли оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни» (60, т. II, с.274-275).

Не только генерал Р.А. Фадеев оправдывал геноцид убыхов и их соседей. Известные кавказоведы М. И. Броссе, А. П. Берже и другие также защищали имперскую политику самодержавия на Кавказе. Первый из них утверждал, что высланные царским правительством горцы, в том числе убыхи и черкесы с точки зрения «цивилизации не заслуживают ничего, кроме большой жалости и уважения, которые всегда вызываются несчастьем» (23, с. 243). А. П. Берже, автор известной работы «Выселение горцев с Кавказа» (1882 г.) и первый биограф Ш. Б. Ногмова писал, что «граф Евдокимов глубоко верно оценил ситуацию и придумал очень правильный исход из этого трудного для обеих сторон положения, именно: выселение в Турцию... Всегда и везде мелкие и полумелкие народности поглощались более сильными народами (выделено мною - М.К.) и если утрачивали при

этом национальные особенности и обычаи, то за то получали более высокую степень материального благосостояния» (8, с. 341, 347).

Прав современный исследователь Кавказской войны: «Нужно помнить - и помнить постоянно! - что сама цель, сама задача - включение Кавказа в состав империи и замирение горцев - не ставилось под сомнение ни на миг. Она входила как неременная составляющая в сознание русского человека всех сословий, а тем более человека военного» (20, с. 250). Поэтому упорное сопротивление горцев, их естественное желание жить на своих землях и по своим фундаментальным традициям, неприятие ими миропорядка, навязываемого имперской державой, абсолютно невозможно было совместить с укоренившимися представлениями в сознании не только генералов-завоевателей, но и шире - значительной части русского общества.

Еще в начале апреля наместник Кавказа ответил убыхским и шапсугским старшинам, «что земли их назначаются для поселений русских и согласен на их просьбы дать им месяц сроку для того, чтобы они могли подготовиться к переселению... и по истечении срока, если кто не исполнит этого требования, то будет поступлено, как с военнопленными, для чего будут присланы еще новые войска» (99, с.108-109).

До истечения месячного строка началось массовое выселение убыхов в Турцию. Н. И. Евдокимов жестко и последовательно довел до конца план изгнания убыхов и черкесов. Особенно важным и первостепенным он считал прежде всего выселение убыхов и черкесов со стороны морского берега, «видя в этой мере, по словам Берже, необходимую государственную задачу». Сам же генерал писал: «Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны» (4, т. 12, с. 1009-1010).

Н.И. Евдокимов проводил с патологической свирепостью, говоря сегодняшним языком военных, «зачистки» побережья от убыхов и черкесов. По выражению М. И. Венюкова, очевидца этих чудовищных акций, «он (Евдокимов. - М.К.) выгонял их в Турцию» (14, с. 631). Этот генерал, «не получивший, фактически, никакого образования» (20, с. 322), откровенно и цинично свою позицию в отношении выселения черкесов пояснил еще в 1861 г. в ответе В. В. Орбелиани, обратившемуся к нему по поводу эмиграции группы черкесов в Турцию. «Не жалеете об уходе 442 семейств, но если бы их ушло и вдвое больше, нам от этого ущерба для края не будет... Что касается до угрозы, будто уйдет все народонаселение, что если бы это и свершилось, так оно, кроме удовольствия, принесло бы нам еще существенную пользу: освободиться от народа к нам недоброжелательного» (78, с. 26-27). Н.И. Евдокимов отнюдь не является исключением среди генералов-завоевателей. А.П. Барятинский, наместник Кавказа и главнокомандующий (1856-1862

гг.), с чьим именем связана новая стратегия войны, считал необходимым очищение «Кавказского плоскогорья от населения», что открывает, по его мнению, «прекрасные и плодородные места для казачьего поселения».

Карательные экспедиции по зачистке убыхских и черкесских земель продолжались в 1864 и в последующие годы. И.И. Орехов, проводивший сразу после выселения убыхов выбор мест для возведения военных поселений, писал: «В 1864 г. была снаряжена эскадра судов, на которые посажен десант с целью, сделав высадку на южный склон, прекратить колебания убыхов, частью выгнанных из гор к морю силою оружия (выделено мной. - М.К.), частью добровольно вышедших на морской берег, но еще не решавшихся оставить Кавказ и выселиться в Турцию» (58, №10, с. 254).

Цитированный автор сообщает о методах, применявшихся царским командованием для того, чтобы заставить убыхов и их соседей покинуть свои родные земли. «Необходимо было начать экспедицию поздней осенью, когда у них заготовлены на зиму все запасы и тогда, истребив эти запасы, поставить племя в необходимость или выселиться, или умереть с голоду. Так и было сделано в эту осень» (там же, №9, с. 97). Вспомним, что писал генерал Р. А. Фадеев, один из идеологов завоевания Кавказа: «Если бы для нас время было так дешево, как в бывалые годы, можно было бы попробовать покорить абадзехов голодом» (81, с. 184). Использование голода было привычным средством завоевания Северо-Западного Кавказа. Адмирал Л.М. Серебряков рекомендовал своему начальству: «Еще 21 марта 1841 г. представил я вашему превосходительству, что никакие обстоятельства не были благоприятнее, чтобы довести натухайцев до крайности; что после неурожая 1839 г. в горах повсеместный недостаток; что если наступающим летом истребим все их жатвы, то следующей зимою они будут жертвами голода» (цит. по: 20, с. 250). Царский офицер, принимавший участие в выселении убыхов и их соседей, отмечает: «В конце ноября (1863 г. - М.К.) Пшехский отряд под начальством Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Граббе двинулся на поиски к верховьям речки Саже... Сверху валилась какая-то каша: холодно, мокро, ветер пронизывал насквозь. Пленные, следовавшие при отряде, едва прикрытые лохмотьями, падали от изнурения, матери сбрасывали с рук окоченевших младенцев... В конце февраля (1864 г. - М.К.) Пшехский отряд двинулся к речке Марте, чтобы наблюдать за выселением горцев, а если понадобится, так и силою выгонять их» (25, с.454-456).

Изгнание народа из его страны - признак вандализма. Царское командование в спешном порядке и силой оружия выгоняло убыхов в чужую страну. «Поразительное зрелище представлялось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями пересе-

ленцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычей голодных собак... Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество (подчеркнуто мною. – М.К.); и только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных тущоб» (там же, с. 457). Эти слова поразительны по своему цинизму: «Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество», но автор считает, что только таким методом можно очистить побережье от убыхов и их соседей.

Другой автор свидетельствует: «Весь северо-восточный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между которыми сохранялись небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию» (90, с. 15-16).

Тот же А.П. Берже, хотя полностью оправдывал политику царизма на Кавказе, пишет: «Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тыс. человек. Позднее ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствующая между ними эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью, в то время как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери» (8, с. 362-363).

Подобные ужасающие условия изгнанников автор объясняет не имперской политической самодержавия, осуществлявшего программу геноцида убыхов и черкесов, а «религиозным фанатизмом и непоколебимой уверенностью горцев в ожидающих их в Турции будущности» (там же). Русский публицист Я. В. Абрамов сообщает: «Горцы, уходя с своих мест поселения, покидали свои жилища, оставляли и запасы хлеба, а иногда и необработанные нивы. Все это досталось поселившимся на месте горцев казакам. Сами же горцы без всякого имущества скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими... Но так как всего транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев пришлось ждать своей очереди по полугода, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирают с голоду. Зимой к этому присоединился холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные

ими в это время. Один рассказывает о трупe матери, грудь которой сосет ребенок; другой - о матери же, носившей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий - о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу, в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших» (1, с. 7).

Тяжкие бедствия и лишения испытывали убыхи и пути к месту назначения. А. Фонвиль, уплывший на турецком судне из Вардане вместе с убыхами в Турцию, пишет: «... суда обыкновенно нагружались, что называется, до верху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек... Несколько судов с переселенцами потонуло; на других половина пассажиров, умершая в дороге, выброшена была за борт ранее прибытия в Трапезунд» (85, с. 37).

На первом этапе выселения турецкое правительство охотно принимало горцев, которые должны были поселиться среди христианского населения Балканского полуострова, чтобы они защищали интересы османского режима. Однако для огромного числа убыхов, черкесов и абхазов, подлежащих выселению, турки не могли найти необходимых средств для их содержания и устройства. Более того, условия на турецком берегу, куда прибывали изгнанники, были крайне тяжелыми. В лагерях изгнанников на берегу свирепствовали болезни, холод, голод, нищета, что породило смертность в массовом порядке.

Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин сообщает: «Черкесы по прибытии размещаются в дырявых палатах, среди грязи, в которой они буквально тонут. Отсюда - смертность, доходящая до ужасающей цифры... Тифозность - главная болезнь. На весну следует ожидать развитие заразы, так как тела зарываются с ужасающей небрежностью» (Цит. по: 23, с. 227). Другой свидетель трагедии пишет: «Я прибыл в Самсун шесть дней тому назад. Не нахожу слов для изображения положения, в котором я нашел город и несчастных эмигрантов... На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы у городских ворот, перед лавками, посреди улицы, всякий шаг, стал гнездилищем заразы... Лагерное расположение представляет не менее ужасный вид. До 40-50 тыс. человек в самой крайней нищете, изнуренные голодом, поражаемые смертью, остаются там без хлеба, без крова, без погребения» (там же, с. 228).

Другой источник свидетельствует: «Истощенные тяжкими лишениями, на берегу, в ожидании прихода судов из Турции, горцы не выдерживали бедственного плавания в зимнее время, заболевая и умирая массами, как при переездах, так и по высадке на берегу, где между ними развились сильнейшие тиф и оспа. В каком размере происходило истребление этих несчастных, можно судить по следующей выписке из письма нашего консула в Трапезунде: «... Сначала выселения в Трапезунде и окрестностях перебивало до 247.000 душ; умерло 19.000 душ. Теперь осталось 63.290 человек. Средняя смертность 180-250 че-

людей в день... В Самсун и окрестностях с лишком 110.000 душ. Смертность около 200 человек в день. Свирепствует сильнейший тиф... 11-го декабря пароход привез в Варну 850, а другой - 180 человек. Турецкие власти приняли сначала горцев очень ласково. Когда прибыл другой пароход, турки по случаю бывшей тогда холодной погоды развели огонь на пристани, но когда лодочники начали высаживать голых, слабых, больных и до 46 трупов, умерших в одну ночь, они перепугались заразы и не хотели принимать переселенцев. Вообще горцы здесь в бедственном положении» (8, с. 353).

В Трапезунде, Самсуне и других городах процветала работорговля. Ребенка изгнанников - убыхов, черкесов - можно было купить за 30-40 рублей, самых красивых девушек - за 60-80 рублей. А. Фонвиль заканчивает свой очерк о последнем годе войны на Кавказе словами «старого пирата»: «Черкешенки дешево будут стоить нынешний год на базаре в Стамбуле» (85, с. 42).

Большая группа убыхов из Вардане прибыла в охваченный тифом Трапезунд. «Несколько судов с переселенцами потонуло; на других - половина пассажиров, умершая в дороге, выброшена была за берег ранее прибытия в Трапезунд» (там же).

Указанные и многие другие очевидцы описываемых событий фиксируют процесс уничтожения целого народа с помощью жесточайших насильственных методов.

Председатель меджлиса Черкесии Хаджи Керендук Берзек, который писал о необходимости абадзехам «всем оставаться и не отправляться за море в Турцию» (92, с. 493), вынужден был сам вместе с 350 убыхскими семьями покинуть свою родину (которую он так долго и мужественно отстаивал), уехать в Турцию и поселиться в Родосто. Позже убыхи со своим лидером расположились вдоль побережья Мраморного моря и должны были охранять дороги, ведущие в Стамбул.

Убыхи и черкесы, оказавшиеся в Турции еще до 1864 г., организовали тайное движение против выселения их соотечественников с Кавказа. В этом отношении показательна жестокая расправа турецких властей, казнивших за участие в этом движении офицеров - убыха Хусейна Берзека и черкеса (бжедуга) Али Сафара, служивших в турецкой армии. Все же выселение убыхов и черкесов нужно было не только России, но и Турции, нуждавшейся в укреплении своей армии новыми опытными солдатами из состава изгнанников. Как показали последующие годы, эти надежды османов вполне оправдались.

Тевфик Есенч со слов его дедушки Ибрагима - непосредственного очевидца событий и изгнанника из Убыхии рассказывал автору этих строк историю выселения его родственников. Эпизоды этой драматической истории записаны и другими авторами, в частности, Ж. Дюмезилем. «Собрав деревню, которая называлась Лак'уашуа (Lako'asoa), мы спустились к берегу моря. Из Стамбула прибыли два парусных судна. В одно из них мы

поместили продукты питания. Но после, в момент отплытия, мы не нашли его. Поэтому мы вынуждены были сесть в другое судно. Этот переезд был очень трудным для нас. Когда наше судно пришло в порт Самсун, нам не разрешили сойти на берег, и мы вынуждены были отправиться в Стамбул. Наше судно по пути остановилось, у нас не было пресной воды, и мы пили морскую воду. Многие умерли. Наконец прибыл пароход из Стамбула, взял нас и довез до города» (105, с. 7).

Другой внук Ибрагима рассказывал, что во время переезда убыхов погибла половина людей.

По официальным данным, число убыхов, высланных в пределы Османской Турции, составляет 74.567 человек (8, с. 166). Значительная часть убыхского населения погибла еще на родном берегу (после их изгнания из собственных аулов), в пути во время тяжелого плавания и на турецком побережье, что привело к резкому сокращению убыхского населения. После выселения убыхи жили в различных регионах Турции - возле озер Сапанджа и Маньяса, в вилайете Мараш, около Самсуна.

В 1934 г. Ю. Месарош указывал на 28 убыхских деревень около Маньяса и Сапанджа.

В 1964 г. Ж. Дюмезиль составил список убыхов, говорящих на родном языке. В этом списке - всего около 30 убыхов, проживающих в двух турецких деревнях - Хаджи Осман-кёй и Якуп Осман-кёй - на северо-западной части Анатолии, в районе озер Маньяс.

В 1988 г. я застал в Турции только одного убыха, говорящего на родном языке. Это был Тевфик Есенч, убыхский Гомер, как его называли лингвисты. Он родился в 1904 г. в деревне Хаджи Осман-кёй (где он меня и принял).

Позже Тевфик Есенч посетил Нальчик и Москву, где мы продолжали нашу работу по убыхскому языку, начатую в его деревне. Кроме своего родного языка, Тевфик Есенч хорошо знал адыгейский язык (шапсугский диалект) и турецкий язык. Словарь Г. Фогта (125) и основные работы Ж. Дюмезиля (с 1954 г.) основаны на языке Тевфика Есенча, усвоенного им от своего дедушки Ибрагима, родившегося в исторической Убыхии на Западном Кавказе.

За короткий исторический срок - 30 лет - от Ю. Месроша (1934 г.) до Ж. Дюмезиля (1964 г.) убыхский язык почти исчез. Этот интенсивный и драматический процесс ассимиляции объясняется мощным давлением иной языковой и культурной среды на убыхов, ослабленных длительной истребительной войной на Кавказе и разбросанностью убыхских деревень в Турции.

Во время моих поездок в Турцию я встречал немало граждан этой страны, которые знают, что их предки по происхождению были убыхами. Но по языку, культуре и мента-

литету они сами были уже турками. В Турции исчез не только язык убыхов, но и сам убыхский народ.

Используя неограниченное насилие, правители царского самодержавия реализовали программу, с предельным цинизмом изложенную Р. А. Фадеевым, идеологом завоевания Кавказа в его известной работе: «Кавказ был завоеван, но оставалось выселить здавшиеся племена. Довольствоваться покорностью этих племен, не трогая их с места, мы никак не могли... Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности» (81, с. 196, 201).

В отношении убыхского народа эта поистине чудовищная программа была намного перевыполнена.

III. Убыхская трагедия и некоторые уроки

Кавказкой войны

(вместо заключения)

Длительная борьба убыхов и черкесов за свободу в XIX в., хотя и вызвала сочувствие в некоторых европейских странах, все же оставалась в тени на фоне движения Шамиля. Даже К. Маркс, чья позиция в «черкесском вопросе» вносила замешательство в ряды советских историков, основное внимание уделял руководящей роли Шамиля, который был одним из выдающихся лидеров антиколониальной борьбы. Однако Шамиль, его движение - лишь часть истории сопротивления на Северном Кавказе. «Что касается сопротивления черкесов на Западном Кавказе, оно, как минимум, не менее значительно, поскольку оно возникло раньше, длилось дольше и закончилось более трагично для тех, кто сражался там, защищая свою свободу» (106, с. 62). Цитированный автор, современный историк задается вопросом: почему столь длительное и упорное сопротивление, завершившееся с наибольшими драматическими последствиями, связанными с поголовным или массовым насильственным выселением убыхов и черкесов, привлекло так мало внимания? «Среди них было много храбрых, способных и ярких предводителей, но не было ни одной, объединяющей их борьбу личности. Но, по-видимому, более определяющим является тот факт, что после того как черкесы потерпели поражение в результате ожесточенной полувековой борьбы, большая часть их эмигрировала в Османскую империю. Земли, где они жили, были колонизированы славянами. Те небольшие группы черкесов, которые остались на своей родине, оказались разрозненными и уже в меньшей степени могли сохранить свои традиции и сознание своего единства, чем те племена, которые поддержали Шамиля. Их распыление ослабило осознание их существования как в Российской/Советской империи, так и на Западе» (там же, с. 62-63). Далее автор отмечает, что

большинство горцев центральных и восточных регионов, в отличие от западных (черкесов, убыхов), после пленения Шамиля все же остались на своих исконных землях.

Убыхи и западные черкесы (шапсуги, абадзехи и натухайцы), составляющие подавляющее большинство населения исторической Черкесии, были изгнаны. «Нет народов - нет проблем» - так рассуждали правители самодержавия и царское военное командование, когда после длительного времени и многочисленных неудач им удалось покорить Восточный Кавказ, а затем сосредоточить всю свою мощь на очищении Западного Кавказа от его коренного населения - убыхов, черкесов и джигетов (садзов). Побережье было не только покорено и очищено от его жителей, но и заселено новыми поселенцами.

«Таким образом, - писал русский кавказовед Л. Г. Лопатинский в 1891 г., - от стройного прежде цельного народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок на Кубани, Зеленчуке и другим впадающим в Кубань рекам. Остатки эти своим числом не превышают 51 тысячи. Впрочем, и это число все уменьшается, так как нижнекубанские адыге (из всех отделов Кубанской области, кроме Баталпашинского) и в настоящее время продолжают переселяться в Турцию. Все земли, которые очистились вследствие выселения адыге, убыхов и значительной части абазинцев, заняли русские»(52, с. 5).

Оставшиеся на родине черкесы (адыги) были не только малочисленны, но и разделены на несколько групп, уже не связанных между собой традиционными национальными узами. Бжедуги, темиргоевцы и некоторые остатки западночеркесских субэтносов получили название «адыгейцы», остатки бесленеевцев и «беглых» кабардинцев - сохранили старое название «черкесы». В этом значении этнонимы «адыгейцы, «черкесы» - советское новообразование. Кабардинцы также были отделены от адыгейцев и «новых черкесов».

В настоящее время убыхов уже нет, а на Северном Кавказе адыги проживают в трех республиках: адыгейцы в Республике Адыгея, кабардинцы - в Кабардино-Балкарской Республике, черкесы - в Карачаево-Черкесской Республике. После Кавказской войны и в течение всего XX в. шел интенсивный процесс изоляции друг от друга адыгейцев и кабардинцев. Даже при создании письменности, они не могли создать единых принципов обозначения общих слов и звуков одинаковыми знаками, что еще больше разъединило их в этнокультурном отношении. Разобщенность в письменной традиции сохраняется до сих пор - длительная отчужденность сделала свое дело - нет особых стимулов для сближения с помощью унификации алфавитных и орфографических знаков (хотя существует Проект унификации этих знаков, одобренный основными специалистами).

Естественно, что в этих условиях убыхи малоизвестны не только европейским странам (о чем пишет вышеупомянутый новейший исследователь), но и народам России, в том числе адыгам, оставшимся на своей этнической родине после Кавказской войны.

Убыхи - древний коренной и самостоятельный народ, живший на Западном Кавказе (в районе совр. г. Сочи) до 1864 г. в соседстве с адыгами и абхазскими садзами (джигетами). Убыхи - ближайшие родственники адыгов, а Убыхия часть исторической Черкесии.

В то же время убыхи - особая страница в истории Кавказа и Кавказской войны. Их судьба глубоко трагична, а проблема убыхской катастрофы была запретной до самого последнего времени.

Россия начала строить свои взаимоотношения с Черкесией с военно-политического союза с ее восточной частью - Кабардой Идаровых. Военная крепость Терки, построенная в 1588 г. по просьбе кабардинского князя на территории его княжества - у устья р. Терек, служила, в сущности, первым мощным плацдармом продвижения сначала русских регулярных войск, а позднее самой Российской империи вглубь Кавказа. Затем северный сосед жестокими колониальными методами покорил как кабардинцев, пригласивших его на свою территорию, так и часть западных черкесов, оказавшихся в условиях бесправных подданных империи. Царское самодержавие завершило завоевание Кавказа изгнанием всех убыхов и подавляющего большинства черкесов с этнической родины и массовым заселением их исконных земель русскими и другими поселенцами.

События развивались по правилам наиболее безжалостных колониальных войн. Но вместе с тем, сценарий несколько необычен: военно-стратегический союз с Черкесией - покорение ее части, в том числе союзника - изгнание другой - более значительной - части в пределы Османской Турции. В этой связи вспомним, что в начале XVII в. русский царь к своему титулу добавил также слова «Государь Кабардинской земли, черкасских и горских князей», что свидетельствует об изначальном покровительственном отношении северного соседа к черкесам. От Ивана Грозного - черкесского зятя - до Александра II, изгнавшего убыхов и черкесов с их родины, лежит длинная, неровная и трудная полоса истории взаимоотношений Черкесии и России.

Когда в 1992 г. в Турции умер последний носитель убыхского языка, мир стал беднее, не стало еще одной человеческой культуры, еще одного уникального этноса, навсегда исчез неповторимый вариант общечеловеческой цивилизации, невосполнимый опыт, созданный тысячелетиями на Западном Кавказе. Не только императорам и их генералам было глубоко безразлична подобная трагедия этноса, но и крупные представители дореволюционной кавказоведческой науки считали вполне нормальным исчезновение народов в ре-

зультате истребления и насильственного изгнания их из своей страны. То, что случилось с убыхами - преднамеренный геноцид, запланированная акция российского самодержавия.

В советской историографии особое внимание уделялось освещению британского фактора, т.е. роли англичан в Кавказской войне. Историки нередко преподносили длительную войну убыхов и черкесов за свободу как дело рук английских агентов. Англичане Д. Уркарт, Э. Спенсер, Дж. Белл, Дж. Лонгворт выражали сочувствие сопротивлению убыхов и их соседей военной экспансии царизма на Западном Кавказе. Некоторые из них помогали участникам сопротивления, укрепляя их слабую боевую оснащенность. Вместе с тем, «английский компонент» в Кавказской войне, оставаясь на уровне инициатив Д. Уркарта и его сподвижников, не мог оказать сколько-нибудь существенного воздействия на ход событий, ибо правительства Англии и Франции вели игру в более масштабном плане, чем Убыхия и Черкесия. Франция даже способствовала на Парижском конгрессе (1856 г.) закреплению за Россией известных условий Адрианопольского мира, согласно которому Турция «передает» Черкесию, фактически никогда ей не принадлежавшую, Российской империи. А известная история с «Виксеном» показывает, что Англия имеет свои «вечные интересы» и не пойдет на открытое столкновение с Россией из-за убыхов и черкесов. Кроме того - и это важно - после отстранения Д. Уркарта от дипломатической службы, его разрыва с Палмерстоном и после ухода Э. Спенсера, Дж. Белла, Дж. Лонгворта и др. с побережья Черного моря усилилось сопротивление убыхов и черкесов, длившееся еще более 20 лет. Это свидетельствует о том, что длительное сопротивление на Западном Кавказе базировалось на внутренних ресурсах. Это признают в последнее время и российские историки новой формации: «Прошли годы. Англичане не оказали черкесам никакой сколько-нибудь существенной помощи, а горцы тем не менее продолжали ожесточенно отстаивать свою «дикую свободу», поскольку отказ от нее означал для них не просто изменение самоощущения, и, стало быть, самоуважения, без которого жизнь горца теряла свою ценность. Свидетели, наблюдавшие черкесов после 1864 г., когда был покорен Западный Кавказ, лишенных права носить оружие, унижаемых казаками, говорят о резком падении их жизненного тонуса, о массовой социальной депрессии» (20, с.185-186).

В действительности, Форин Оффис вначале одобрительно отнесся к миссии Дж. Белла, но умыл руки не только при обсуждении скандальной истории «Виксена». Г. Пальмерстон заявил о неправомерности нарушения блокады на восточном побережье Черного моря. Позиция английского правительства (того же Г. Пальмерстона) в отношении Парижского договора также хорошо известна из английских источников. Хотя в Англии далеко не все члены правительства, не говоря уже об оппозиции, признавали 4-ю статью Адрианопольского договора (она касалась Черкесии: «... весь берег от Черного моря от

устья Кубани до пристани Св. Николая включительно пребудут в вечном владении Российской Империи»), по выражению Д. Мэннерса (члена парламента), английское правительство принесло в жертву черкесов, выбросив «их как выжатый лимон». И когда читаешь материалы парламентских дебатов в английском Hansard's Parliamentary Debates, то приходишь к выводу, что во многом был прав Д. Уркарт, обвиняя Г. Пальмерстона и британское правительство в том, что в отношении Черкесии «ими не принято ни одного шага, чтобы хоть как-то подкрепить свои обещания делом».

В этом отношении характерно признание самих участников колониальной войны. Так, Дж. Белл приводит текст письма русского генерала от 28 мая 1837 г. к черкесам и убыхам, где генерал пишет, что Англия не проявляет никаких усилий для оказания помощи им, она посылает отдельные личности ради их собственной выгоды (102). Через год (май 1838 г.) из Сочинского лагеря русские пишут убыхам и черкесам, что свои обещания англичане не выполняют, «их обещание доставлять помощь военными кораблями, солдатами не выполнена» (там же).

Что касается иллюзии убыхов и западных черкесов относительно помощи западных держав и, в первую очередь, Англии, то она была основана на отсутствии опыта в международных делах и незнании истории и психологии великих держав. Превращение большей части мира в колонии, истребление коренных жителей и захват их земель, развязывание бесконечных войн - обычные страницы истории западного общества в прошлом. Англия и Турция преследовали свои имперские цели. Для правительств этих стран убыхи и черкесы были лишь сценой большого спектакля, разыгрываемого ими вместе с Российской империей на широком континенте. Эту истину лидеры убыхско-черкесского сопротивления на Западном Кавказе осознали слишком поздно, когда после падения Гуниба царское самодержавие, отвергая предложения (в том числе, компромиссные) лидера черкесского меджлиса Керендука Берзека, приступила к насильственному изгнанию убыхов и их соседей. Россию уже не устраивало вхождение Убыхии, прибрежной Черкесии и Джигетии в ее состав с коренным населением, как того добивался Николай I, когда он в 1837 г. прислал на Западный Кавказ полковника Хан-Гирея с особой государственной миссией.

Появление же Т. Лапинского на Западном Кавказе в более поздний период (1857 г.) также не изменило общей тенденции войны, ибо его малочисленный отряд действовал вне дипломатических и государственных рамок. Самое ценное, что оставили Э. Спенсер, Дж. Белл, Дж. Лонгворт, Т. Лапинский и др. - это непреходящие по своей ценности публикации о сопротивлении убыхов и черкесов, включая также весьма важные этнографические сведения об этих народах.

С трагедией убыхов сравнима (по крайней мере, подобное сравнение становится реальностью на наших глазах) судьба адыгской диаспоры, ибо она идет по убыхскому пути и не имеет перспектив на длительный срок самосохранения и выживания.

Все это сотворили не гунны, не Золотая Орда. Это совершили не греки и римляне, колонизировавшие в разные периоды убыхов, черкесов и их предков. Все это - итог Кавказской войны и сделано руками генералов-завоевателей, выполнявших волю имперских самодержцев.

Генералы не скрывали своего отношения к горцам. П. Д. Цицианов (имя которого также присутствует в имперском эпилоге поэта), отрекаясь от своего происхождения, писал горцам: «Неверные мерзавцы! Вы верно думаете, что я, грузинец, и вы смеее так писать? Я родился в России, там вырос и душу русскую имею. Дождетесь вы моего посещения, и тогда не дома я вам сожгу - вас сожгу, из детей ваших и жен утробы выну» (20, с. 77). Этот же генерал угрожал кабардинцам: «Кровь во мне кипит, как в котле, и члены мои трясутся от жадности напоить земли ваши кровью преступников, я слово мое держать умею и не обещаю того, чего не могу поддержать кровию моею... Ждите, говорю я вам, по моему правилу, штыков, ядер и пролития крови вашей реками; не мутная вода потечет в реках, протекающих ваши земли, а красная, ваших семейств кровью выкрашенная» (32, с. 117). А.П. Ермолов не только сам возводил свое монгольское происхождение к Чингизхану (действительно его предки идут от Мурзы-Аслан-Ермола, выехавшего в начале XVI в. из Золотой Орды), но обладал азиатской жестокостью и применял ее к кавказцам. О них он говорил: «Первоначально стравливаю их между собой, чтобы не вздумалось им быть вместе против нас, и некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов. Надобно по необходимости некоторых удостоить отличного возвышения, то есть виселицы... если немного похож буду на князя Цицианова - то ни здешний край, ни верные поданные Государя ничего не потеряют» (20, с.116). Генерал оказался не только «немного похожим» на своего предшественника, но и значительно превзошел его по своей жестокости и масштабам своих карательных акций на Кавказе.

Однако генералы - проводники политики российского самодержавия на Кавказе не обеспечили спокойствия и стабильности в этом регионе. Напротив, и об этом нужно сказать сегодня - они своими чудовищными методами войны во многом подготовили почву имперской драмы, продолжающейся и в наши дни - в начале 3-го тысячелетия на Кавказе. Убыхское изречение гласит: «Насилие рождает насилие».

Наиболее дальновидные представители и гуманисты среди русской интеллигенции осознавали всю глубину этой трагедии. Георгий Федотов писал: «Мы любим Кавказ, но смотрим на его покорение сквозь романтические поэмы Пушкина и Лермонтова... Мало

кто знает и то, что после сдачи Шамиля до полумиллиона черкесов эмигрировало в Турцию. Это все дела недавних дней. Кавказ никогда не был замирен окончательно» (83, с. 199).

Не все участники войны считали убыхов и черкесов своими врагами. Так, В.С. Норов пишет: «Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое мне было совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением» (78, с.424).

Убыхи и западные черкесы никуда не ушли бы из России - и это прекрасно знали и видели идеологи колониальной войны. Времена карликовых государств давно ушли. Как показала последующая история оставшихся на исторической родине черкесов (кабардинцев и адыгейцев), убыхи и их соседи стали бы частью - причем не самой худшей - Российской империи. А Османская Турция (в состав которой никогда фактически не входили убыхи и черкесы (до их выселения) не представляла уже серьезной опасности для России в середине XIX в. Утверждение «если не Россия, то Турция» - часть оправдательной доктрины Кавказской войны.

С самого начала российской экспансии на Северо-Западном Кавказе убыхи и западные черкесы предлагали царской России строить отношения на мирных, взаимовыгодных, нормальных человеческих началах. Они неоднократно писали и говорили императору и российскому командованию на Кавказе: «Не трогайте наш родной дом (родину), где мы до вашего появления на Кавказе живем с незапамятных времен, дайте нам возможность продолжить жизнь на нашей исконной земле, где похоронены наши предки и находятся их священные могилы, где созданы наши традиции и обычаи, давайте жить мирно, развивая торговые и культурные отношения...».

Убыхи оказывали длительное и упорное сопротивление военной экспансии царизма, отстаивая свою свободу, свою древнюю исконную родину на Западном Кавказе. Среди народов Кавказа убыхи последними сложили оружие.

Когда убыхи увидели, что помощь со стороны европейских держав - только иллюзия и мираж, когда убыхи убедились, что имеют дело с могущественным агрессором, безжалостно истребляющим их и изгоняющим все население с этнической родины, они были готовы на все - принять российское подданство, войти в состав империи, быть лояльными к ней. Об этом многократно делал заявления российским властям, в том числе императору Александру II, убыхский лидер и председатель межлиса Черкесии Хаджи Керендук Берзек. Однако попытки убыхов и их соседей отстоять свою родину, найти компромисс с царизмом оказались напрасными. Карфаген должен был быть разрушен. Конкистадор в облике царского самодержавия пришел в чужой дом, истребил многих его обитателей, ос-

тавшихся в живых изгнал, разрушил его до основания и на его месте построил часть своей империи, хотя можно было бы на том же месте возводить ее другими методами.

Даже использование методов завоевания Северо-Западного Кавказа, предложенных начальником Черноморской береговой линии генералом Н.Н. Раевским (экономические, культурные и другие средства сближения и интеграции убыхов и черкесов с российской империей) могли бы привести к другому финалу - сохранению убыхов и их соседей.

Царское самодержавие никогда не признавало партнерских, равноправных отношений с кавказскими народами, в том числе убыхами. Идея завоевания Кавказа любой ценой давно и глубоко сидела в сознании царей и императоров (начиная с Петра I) и их генералов. Последние были уверены в том, что их беспредельная жестокость - истребление горцев, уничтожение их жилищ, посевов, изгнание целых народов с их родины, массовое заселение убыхских и черкесских земель казаками и другими поселенцами - находится в ряду первейших задач Российской империи (20). Покорение Кавказа считали необходимым представители российской (в том числе дворянской) интеллигенции, за редкими исключениями.

В этой связи уместны слова проф. С.А. Арутюнова о противоречивости ролей военных деятелей, в том числе А.В.Суворова и М.П. Лазарева в истории России. С одной стороны, они внесли должный вклад в укрепление могущества Российской империи, и многие имеют полное право гордиться их военными подвигами, с другой стороны, состоя на службе царского самодержавия, «они являлись инструментом захватнической и угнетательской политики... Его (Лазарева) деяния входят в золотой фонд отечественной военной истории, но на Черноморском театре Кавказской войны он вел боевые действия против коренного населения и вполне понятно, что у современного коренного населения его имя вызывает враждебные эмоции» (12, с.40).

Деяния генералов-завоевателей воспеваются в поэме «Кавказский пленник» гениального поэта: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов...». В сознании очень многих современных россиян эти генералы-завоеватели остаются доблестными героями истории России. В апреле 1833 г. А.С. Пушкин писал А.П. Ермолову: «Ваша слава принадлежит России... Прошу удостоить меня чести быть Вашим издателем»(66, т. 10, с. 334).

С другой стороны, имена А.П. Ермолова, Г.Х. Засса, А.А. Вельяминова, Н.И. Евдокимова и др. вошли в историю убыхов и черкесов с противоположным знаком. Их реальные действия навечно запечатлены в особом историческом эпосе, созданном этими народами в период кровавой Кавказской войны и драматических событий, связанных с их изгнанием (5, с. 87-183). «Песня-плач о жителях Лабы», известная среди всех адыгов (черкесов), имеет 23 варианта. Это значит, что песня-плач популярна, имеет широкое распро-

странение в народе. В этом произведении, опубликованном с помощью замечательного русского ученого – Л.Г. Лопатинского еще в дореволюционное время (СМОМПК, вып. 25) под названием «Разорение аула», рассказывается о реальном событии - сожжении аула А.А. Вельяминовым и массовой гибели населения. («Только страшная смерть гуляла, широко размахивая косою» - слова из «Песни-плача»). Генерал А.П. Ермолов, его карательные акции, жестокое обращение с пленными, в том числе черкешенками - основа песни-плача «В сосновом лесу и у старой Лабы Ермолов засел» (5, с. 132). Песни-плачи «О ночном нападении», «О битве хаджиретов с царем», «О битве при Ходзи», «Песня о Зассе» и многие другие произведения этого цикла описывают карательные акции генералов Власова, Засса и др., причем некоторые песни напечатаны на русском языке и русскими авторами в дореволюционный период (там же, с. 142-155). В песне-плаче о Зассе, где генерал представлен беспощадным убийцей, злейшим врагом черкесов содержится припев: «О, Аллах! Услышь правоверных молитвы, /Избавь нас от Засса, от страшной с ним битвы» (там же, с. 153). Эта песня вошла также в известную книгу «Яков Петрович Бакланов» (СПб, 1877). В песне-плаче, опубликованной еще Ф.Ф. Торнау и К.Ф. Сталем, о генерале А.А. Вельяминове говорится: «Дети, не играйте шашкой.../ Генерал Плижер (Вельяминов) налетит, как сокол,/ Заклюет, как орел, как ворон,/ Напьется нашей крови» (там же, с. 152). Историческая песня «О битве при устье р. Фарс» передает битву убыхов и абадзехов с царскими войсками в 1841 г. (там же, с. 146).

Имена ген. Н.И. Евдокимова и наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича фигурируют в песнях-плачах: «Человек пятьсот умертвили,/Евдокимов генерал нас бедных окружил.../ Подобной войны я никогда не видел,/ Михаил свое войско привел» (там же, с. 167).

От исторических фактов невозможно уйти - именами генералов Г.Х. Засса, А.А. Вельяминова убыхи и черкесы пугали детей, в этой зловещей функции они и их сподвижники остались в исторической памяти этноса, произведениях народного эпоса, песнях-плачах отличающихся по форме и содержанию драматизмом и эмоциональной экспрессией.

О жестокости Засса, «курляндца без признака образования и убеждений» (так охарактеризовал его В. Толстой) писали также представители русской интеллигенции. Так, А.Е. Розен отмечал: «Генерал Засс страшилище черкесов, оставил по себе продолжительное воспоминание на Кавказе. Экспедиции были для него забавою, как травля для охотника, как вода для рыбы. Он своей личностью наводил величайший страх на неустрашимых черкесов» (67, с.374). Известно, что именно Зассу поручал А.А. Вельяминов осуществление наиболее жестких и кровавых акций в отношении черкесов. Участник Кавказской

войны декабрист Н.И. Лорер также отмечает: «В разговоре с Зассом я заметил ему, что мне не нравится его система войны, и он мне тогда же отвечал: «Россия хочет покорить Кавказ во что бы то ни стало. С народом, нашими неприятелями чем взять, как не страхом и грозой?.. Тут не годится филантропия, А.П. Ермолов, вешая беспощадно, грабя и сжигая аулы, только этим успевал более нашего. Еще до сих пор имя его с трепетом произносится в горах, и им пугают маленьких детей». В поддержку проповедуемой Зассом идеи страха на нарочно насыпанном кургане Прочного Окопа при Зассе постоянно на пиках торчали черкесские головы, и бороды их развевались по ветру. Грустно было смотреть на отвратительное зрелище» (78, с.423).

Генерал Г.И. Филипсон, служивший на Кавказе вместе с А.А. Вельяминовым, пишет о нем: «В аулах о нем пелись песни; он был известен под именем Кызыл-Дженерал (т.е. рыжий генерал) или Ильменин. Деятель времен Ермолова, он не стеснялся в мерах... Деспотические выходки его были часто возмутительными» (86, с.95). Заметим, что именно А.А. Вельяминов, сторонник истребления жилищ и посевов черкесов и заселения их земель казаками и выходцами из внутренних губерний России (78, с. 437), провалил известную миссию Хан-Гирея, направленного в 1837 г. Николаем I, ибо генералу-завоевателю показались меры, предложенные императором в отношении приморских черкесов, слишком мягкими и компромиссными.

Президент России не так давно, выступая по телевидению, сказал: «Царскую Россию не без основания именовали тюрьмой народов» (04. 12. 2000 г.). «Мы должны избавиться от имперских амбиций» (25. 12. 2000 г.). Слова президента вызвали гнев со стороны некоторых «патриотических» изданий. Одно из них, возражая президенту, писало, что в империи «ни один народ не вымер, не изгнан, не истреблен, все дожили до нынешних дней» (29). Знают ли авторы подобных заявлений об убыхском Холокосте, о катастрофическом финале изгнанного с родины царизмом убыхского народа, о черкесах, также по вине самодержцев изгнанных и ныне разбросанных по всему миру?

Еще долго будет существовать разная оценка Кавказской войны, одних и тех же ее персонажей, их места в истории разных поколений и культур, в сознании и памяти разных этносов. С этим придется считаться. И тем не менее, сегодня мы уже можем говорить правду о Кавказской войне, о катастрофе убыхов и их приморских соседей как о прямых последствиях этой драматической войны. А это уже немало, если вспомнить предшествующие периоды нашей науки, когда в освещении фактов прошлого официальные власти усматривали поиски «престижных предков», стремление к идеализации образа «малой родины», ее истории и культуры.

Трезвомыслящие представители черкесских народов прекрасно понимают, что не может быть реанимирована так называемая «Великая Черкесия», хотя в этом некоторые современные политики и публицисты обвиняют черкесов (адыгов) без каких-либо серьезных оснований. Не может быть речи о национальном реванше за злодеяния правителей и генералов царского самодержавия. Последние не щадили и своих солдат, в массовом порядке погибших за расширение империи, распавшейся в конце XX в. Но сколько человеческих жизней, жертв, страданий и лишений стоили колониальные войны империи в разные периоды ее истории! В то же время распад империи, формы и методы ее развала породили также глубокое расслоение общества, нищету и бедствия значительной части населения.

История не знает сослагательного наклонения. И все-таки, возникает вопрос: имели ли убыхи какой-нибудь вариант для самосохранения? Нет, после поражения в 1864 г. убыхи не имели никаких вариантов. Царизм не оставил у этого древнего кавказского народа ни малейших шансов на этот счет, отняв право жить на своей родине, причем в составе России и в условиях лояльности к империи.

Дилемма - либо Турция, либо равнины среди казачьих станиц, предложенная убыхам царским военным командованием, означало конец Убыхии, крушение миропорядка, созданного народом на своей исконной земле на протяжении многих столетий. Генералы Н. И. Евдокимов, В. А. Гейман и другие знали, что убыхи никогда не согласятся переселиться на равнины и жить в плотном окружении с казачьими и другими поселениями. Убыхам оставался лишь один вариант - Турция. Это было заранее известно правителям самодержавия, продумано ими, высочайше одобрено и тайно согласовано с другой державой - Османской Турцией, крайне нуждавшейся в усилении своей ослабевшей армии новыми солдатами.

В исторической трилогии «Кавказ» Мухадин Кандур, основываясь на достоверных материалах, показал отношение шапсугов - близких родственников и соседей убыхов к указанной дилемме накануне их выселения:

«Ислам: - Оставайтесь на своей земле! Заклинаю вас, братья!

Шамиз: - Но ведь выхода нет, Ислам Гери! Либо мы переедем в Турцию, либо окажемся на кубанских болотах под русским сапогом. Если мы останемся здесь, то все умрем.

Ислам: - Ну и пусть будет Кубань! Справимся. По крайней мере, мы останемся здесь, на любимом Кавказе. Однажды мы сможем вернуться в горы. Не мы, так наши дети!» (40, с. 915-916).

В этом споре между двумя черкесами Ислам Гери не нашел необходимой поддержки, хотя по большому счету, он был прав: из этих двух изуверских вариантов, следовало бы выбрать болотистые равнины Кубани в плотном окружении казачьих станиц и постов. Но шапсуги и убыхи выбрали Турцию, куда уехали с огромными потерями и жертвами в морском пути и где молодые мужчины сразу же были мобилизованы в османскую армию. Шапсугов, как и убыхов, невозможно было убедить, что они могут продолжать свое существование среди казаков и русских поселенцев, правители которых силой оружия изгнали их из родного края.

В период войны на Кавказе (особенно на ее последнем этапе) царизм обладал мощной спецслужбой, подкупавшей некоторых представителей местной знати и религиозной верхушки, что способствовало реализации программы выселения убыхов и черкесов в Турцию. Однако, если бы убыхи имели малейшую возможность остаться на своей родине, о чем они просили императора и его военное командование, немногочисленные исламисты не могли бы заставить их покинуть землю своих отцов и предков. О религиозном факторе писали еще досоветские русские авторы, что «в этом переселении религиозный фанатизм, на который любят ссылаться некоторые историки, далеко не играл той роли, которую ему обыкновенно стараются приписать, дабы сложить всякую ответственность за судьбы многочисленного народа с тогдашних вершителей судеб Кавказа» (90, с.14). Что касается другой оправдательной доктрины (ее использовали не только царские придворные историки, но и авторы более позднего периода), согласно которой «гениальный план» изгнания горцев, в том числе всех убыхов и большинства черкесов является якобы следствием разбоев горцев, то на ее несостоятельность давно обратили внимание. Еще в 1884 г. Я.Абрамов в этой связи справедливо писал, «что не «гениальный план» заселения казаками занятых горцами местностей и изгнания последних из гор является следствием разбоев горцев, а наоборот, самые разбои явились следствием «гениального плана» (1, с.11).

Все это было ясно и генералам, в том числе Н. И. Евдокимову, по словам его сослуживца, «выгонявшему их в Турцию». Коварная дилемма - болотистые равнины Кубани или единой Турция была рассчитана именно на то, что убыхи в конечном итоге вынуждены будут выселиться в Турцию. Точнее - при сложившейся ситуации в первые месяцы 1864 г. на Западном Кавказе убыхи вообще не имели альтернативного варианта. Это подтверждается многими источниками. «Российские власти делали все возможное, чтобы заселить земли Черкесии теми, кого они считали благонадежными. Они никак не препятствовали массовой эмиграции черкесов в Оттоманскую империю; существует много свидетельств тому, что русские войска захватившие территорию Черкесии, проводили соот-

ветствующие действия, чтобы вынудить эмигрировать как можно большее число черкесов» (106, с. 102).

Авторы, хорошо информированные о событиях на Западном Кавказе накануне выселения его коренного населения, много писали о действиях военного командования самодержавия, направленных на очищение побережья от убыхов, черкесов и садзов (джигетов), на изгнание их в пределы Османской империи. Чтобы заставить жителей Натухая и Шапсугии уехать в Турцию, царские войска полностью разорили эту часть Черкесии, разрушили дома, уничтожили имущество людей, вынудив их таким образом эмигрировать» (Цит. по: 106, с.102). Отношения военного командования к убыхам, сложившим позже всех оружие в борьбе с самодержавием, отличались исключительной жестокостью. В апреле 1864 г. британский консул Диксон в Сухум-Кале писал: «Убыхи и джигеты уезжают в Трапезунд. И действительно, после того, как их земли были преданы огню и мечу, эмиграция в Турцию стала единственной альтернативой (выделено мной. - М.К.) для тех, кто отказался переселиться в Кубанские степи» (там же). Другой дипломат из Константинополя пишет в мае 1864 г.: «Русское правительство овладело, наконец, землями этих храбрых и гордых людей, которые превыше своей страны ценили лишь одно - свободу или, по крайней мере, жизнь, свободную от чужого господства. Они покидают берега, навеки прославленные их храбростью, и ищут убежище в соседней империи. Одним словом, Черкесии больше нет, осталось только одно - спасти черкесов. Оттоманское правительство хотело бы принять всех беженцев. Но его средства ограничены» (там же, с. 103). А какой железный барьер устроил царизм тем, кто хотел из Турции вернуться на свою историческую родину! В военных и дипломатических архивах эта проблема занимает огромное место, ибо царское самодержавие категорически запрещало возвращение убыхов на свои исконные земли, что лишний раз подтверждает: имперскому самодержавию, говоря словами того же идеолога войны Р. А. Фадеева, нужна была земля убыхов и их соседей, «в них самих не было никакой надобности».

Истребив значительную часть населения, царизм насильственно и хладнокровно выслал всех оставшихся убыхов в различные районы Османской Турции, где они, истощенные многолетней войной, исчезли, ассимилировавшись под мощным прессом чужого языкового, этнокультурного и социального окружения.

Относительное замирение народов Северного Кавказа довольно длительное время держалось на трех китах: неграмотности населения, жестокости режимов (при самодержцах и большевиках) и длительной информационной блокаде всех ужасов Кавказской войны. Сегодня отсутствуют эти факторы.

Уровень образования населения, средств общения и коммуникаций, состояние науки и техники таковы, что уже абсолютно невозможно скрыть правду от тех народов, которые самодержавие пренебрежительно называло «полудикими» (хотя в его империи - и это также прекрасно знали генералы-завоеватели - подавляющее большинство собственного населения, в том числе огромное число бесправных крестьян отсталого крепостнического строя не могло находиться на более высоком уровне развития и благосостояния, чем многие народы стран и территорий, завоеванных им в результате длительных, многочисленных и кровавых войн).

В ближайшей перспективе (да, и отчасти, сегодня) любой школьник на Кавказе, не выходя из дома, легко найдет доступ к основным материалам и сведениям о драматических событиях, жертвах и участниках всех войн в этом регионе. От степени осознания этого нового явления представителями современной правящей элиты в значительной мере зависит характер взаимоотношений народов Северного Кавказа и России.

И последнее. История, этногенез и этнополитический статус убыхов на Северо-Западном Кавказе, их место среди родственных абхазо-адыгских народов, не говоря уже о подлинных причинах и следствиях изгнания их царизмом с исторической родины, где они проживали тысячелетиями, изучены очень слабо. Советские историки, как правило, обходили молчанием убыхскую трагедию. Но и отцы адыгской истории и этнографии, как С. Хан-Гирей и Ш.Б. Ногмов, имели весьма смутные представления об убыхах. Первый включил убыхов в состав шапсугов, что видно из его определения границ последних. По Хан-Гирею, шапсуги граничат «на юго-востоке с абхазскими коленами». В действительности, на юго-востоке с абхазскими (джигатскими «коленами» граничили не шапсуги, а убыхи. Говоря о «коленах, обитающих между черкесами», автор даже не упоминает убыхов, но указывает на абазин, абхазов и ногойцев. Что касается Ш.Б. Ногмова, то в тексте его «Истории адыгейского народа» вообще отсутствует этноним «убыхи». Подобный взгляд на убыхов усвоили многие советские (и даже постсоветские) историки, относящие их к соседним народам. При этом смешиваются разные проблемы: с одной стороны, этногенез убыхов, их древняя история, национальный язык, с другой – геополитическое положение убыхов, входивших (особенно в период длительной Кавказской войны) в историческую Черкесию, что нашло отражение во многих дореволюционных (досоветских) русских и зарубежных изданиях.

В заключение еще раз напомним то, о чем говорилось выше: речь идет не о каком-то национальном или социальном реванше уже исчезнувшего народа. И царское самодержавие, погубившее огромные средства и большое количество своих солдат на завоевание Северо-Западного Кавказа, не было уникальным в своей колониальной политике: все су-

ществовавшие до сих пор мировые империи вели кровавые захватнические войны. Это, однако, не оправдывает методы войны царизма и его генералов-завоевателей, использовавших неограниченное насилие в отношении убыхов, адыгов и их соседей. Царизм безжалостно изгнал убыхов с их родины, где они и их предки жили тысячелетиями. А изгнания убыхов – геноцид, повлекший за собой смерть народа, его языка, культуры и традиций. То, что произошло с убыхами в какой-то мере сравнимо с геноцидом индейцев в Америке, евреев в период Второй мировой войны. Отличие же убыхов, их глубокое несчастье в том, что геноцид оказался для них смертельным, приведшим к исчезновению древнейшего кавказского этноса с карты народов мира.

Библиография

1. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927.
2. *Аверкиев И.* С северо-восточного побережья Черного моря//газ. Кавказ, 1886. № 76.
3. АБК ИЕА. Нальчик, 1974.
4. АКАК. Тифлис, 1866-1904. Т. 1-12.
5. *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI-XIX вв. Нальчик, 1973.
6. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1979.
7. *Берже А.П.* Краткий обзор горских племен // КК. 1858 Тифлис, 1857.
8. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // РС. СПб. 1882. Т. 33.
9. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 1994.
10. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.
11. *Бэрзэдэж Н.* Изгнания черкесов. Майкоп, 1996.
12. Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар. 1999. № 1.
13. *Васильев Е.* Черноморская береговая линия 1834-1855 гг. // ВС. СПб. 1874. Т. 99.
14. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания 1862-1863 // Осада Кавказа. СПб. 2000.
15. *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М. 1871.
16. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-начале XX вв. М.1974.
17. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгов (XVIII-первая половина XIX вв.). М., 1967.
18. *Генко А.Н.* О языке убыхов // Изв. АН СССР. Отдел гуманитарных наук. 1928. Сер. 8.
19. Гибель Черкесии. Краснодар. 1994.
20. *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.

21. *Гуажба Р.* Убыхи: наша общая история // Газ. «Республика Абхазия». 1999-2000.
22. *Джимов Б.М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов XIX в. Майкоп, 1988.
23. *Дзидария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абахзии XIX столетия. Сухуми, 1982.
24. *Дзидария Г.А.*. С. Т. Званба как этнограф // *Званба С.Т.*. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.
25. *Дроздов И.* Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // КС. Тифлис, 1877. Т. 2.
26. *Дубровин Н.* Черкесы (Адыги). Краснодар, 1927.
27. *Дукмасова И.* О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887.
28. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи // ЗКОРГО. 1902, кн. 22.
29. Завтра. Газ. Январь. 2001. № 3.
30. *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.
31. *Зиссерман А.Л.* РА. 1894. № 6.
32. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Нальчик, 2000.
33. *Инал-ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
34. *Инал-ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.
35. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
36. История народов Северного Кавказа (Конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.
37. История Абхазии. Гудаута, 1993.
38. *Кажаров В.Х.* Адыгская хаса. Нальчик, 1992.
39. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII-первой половине XIX в. Нальчик, 1994.
40. *Кандур М.И.* Кавказ. Историческая трилогия. М., 1994.
41. *Кандур М.И.* Мюридизм. История Кавказских войн. Нальчик, 1996.
42. *Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен // РВ., СПб., 1860. Т. 28.
43. *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Нальчик, 1992.
44. *Кланрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.//АБК ИЕА, Нальчик, 1974.
45. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2.
46. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБК, Нальчик, 1974.
47. *Кочневский Д.И.* Сочи. Исторический очерк. СПб., 1913.
48. *Кумыков Х.Т.* Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994.

49. *Лавров Л.И.* Этнографический очерк убыхов // УЗАНИИ. Майкоп, 1968. Т. 8.
50. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
51. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов// АБК, Нальчик, 1974.
52. *Лопатинский Л.Г.* О народе адыге вообще и кабардинцах в частности // СМОМПК. Тифлис, 1891, Вып. 12, Отд. 1.
53. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
54. *Милютин Д.А.* Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб., 2000.
55. *Невский П.* Кубанский край в 1864 г. // Газ. «Кавказ». 1868. № 101.
56. *Новицкий Г.В.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // ТВ. 1829, № 23.
57. *Орехов И.И.* По южному склону Западного Кавказа // ВС. 1869. № 9-12.
58. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. СПб, 2000.
59. *Осман-бей.* Воспоминания 1855 г. События в Грузии и на Кавказе // КС. Тифлис, 1977. Т. 2.
60. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. I-IV. М., 1899-1913.
61. Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.
62. *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX вв. Краснодар, 1989.
63. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны России в XIX столетии. М., 1923.
64. *Половинкина Т.В.* Черкесия – боль моя. Исторический очерк (древнейшее время – начало XX в.). Майкоп, 1999.
65. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи. Нальчик. 2001.
66. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. Л., 1979. Т. 10.
67. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1884.
68. *Раевский Н.Н.* Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3.
69. РА. СПб., 1874. Кн. 2.
70. РА. СПб., 1883. Кн. 3.
71. РА. СПб., 1889. Кн. 2.
72. РИ. 1864. № 129.
73. РС. СПб., 1826. Октябрь.
74. *Сафонов С.* Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1856. Одесса, 1857.

75. *Спенсер Э.* Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1994.
76. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // КС, Тифлис, 1900. Т. 21.
77. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания и документы. Нальчик, 1999.
78. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX-начало XX вв.). Нальчик, 2000.
79. *Тхагушев Н.А.* Адыгейские сады. Майкоп, 1956.
80. *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // ИС. М.-Л., 1935. № 4.
81. *Фадеев Р.А.* Собрание сочинений. СПб., 1889. Т. 1 Ч. 1.
82. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. СПб., 1889.
83. *Федотов Г.П.* Новый град. Нью-Йорк, 1952.
84. *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г. // РВ, 1842, № 4.
85. *Фонвиль А.* Последний год войны Черкесии за независимость. Краснодар, 1927 г.
86. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа. СПб., 2000.
87. *Услар П.К.* О языке убыхов // Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1887. Т. 1, Отд. 2.
88. *Хан-Гирей.* Избранные произведения. Нальчик, 1974.
89. *Хатисов И.С., Ростиняц А.Д.* Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря // ЗКОСХ. Тифлис, 1867.
90. *Цаликов А.* Кавказ и Поволжье. М., 1913.
91. *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 14.
92. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953.
93. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал граф Паскевич. СПб., 1891. Т. 2.
94. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2.
95. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983. Вып. 3.
96. *Эйдельман Н.Я.* Быть может за хребтом Кавказа. М., 1992.
97. *Энгельс Ф.* Избранные военные произведения. М., 1958.
98. Энциклопедический словарь по истории Кубани (с древнейших времен до октября 1917 г.). Краснодар, 1997.
99. *Эсадзе С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.
100. *Anholm M. I.* Gogs och Magogs land Kaukasien. Stockholm, 1895.
101. *Baddeley J.F.* The Russian Conquest of the Caucasus. London, 1908.

102. *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia. London, 1840. V. 1-2.
103. *Bodenstedt F.* Les Peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre le Russie. Paris, 1859.
104. *Dumézil G.* Etudes Oubyks // BAH. Paris, 1959. T. VII.
105. *Dumézil G.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. // BAH. Paris, 1965. TMIE, LXV.
106. *Henze, P.* Circassian resistance to Russia // The North Caucasus Barrier. London, 1992.
107. *Güldensdädt J.-A.* Reisen durch Rusland und im Kaukasischen Gebürge. St.-P. 1791. Th. 1.
108. *Halasi-Kun.* The Caucasus: An Ethno-Historical Survey // SC. The Hague, 1961, № 1.
109. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin. 1812.
110. *Koch K.* Der Kaukasus. Berlin, 1882.
111. *Koundoukhov M.* Memoires (1837-1865). Paris, 1939.
112. *Longworth J.A.* A Year among the Circassians. London, 1840.
113. *Namitok AYTEK.* Origines des Cirassiens. Paris, 1939.
114. *Meszaros J.* Die Päkhy Sprache. Chicago, 1934.
115. *Minorsky V.F.* Stadies in Caucasian History. London, 1953.
116. *Peyssonel.* Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. T.2
117. *Quandur M.I.* Muridizm. A study of the Caucasian Wars (1819-1859). Kandinal Publishing, 1996.
118. *Smeets R.* On Ubykh Circassian // SC. Oslo, 1988.
119. *Spenser Ed.* Travels in Circassia, Krim-Tartary, etc. London, 1837. V.1-2.
120. The Diplomatic Review. V. 3-6. Greenwood Reprint Corporation. Connecticut, 1970.
121. *Trubetzkoy N.C.* Nordkaukasische Wortgleichungen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1930. Bd. XXXVII, heft 1-2.
122. *Urquhart D.* The Flag of Circassia, London, 1863.
123. *Urquhart D.* The Expedition of the Chesapeak to Circassia. London, 1864.
124. *Vogt G.* Dictionnaire de la langue Oubykh. Oslo 1963.
125. *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia, and Koordistan. London, 1856. V.1-3.
126. *Webster Ch.* The Foreign Policy of Palmerston, 1830-1841. London, 1951.